

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ

Annotation

Книга американского исследователя Генри Чарльза Ли (1825–1909), основанная на обширном документальном материале, рассказывает о возникновении и деятельности инквизиции в Средние века. На страницах издания предстают живо описанные знаменитые процессы над Яном Гусом, Савонаролой, Жанной д'Арк, гроссмейстером тамплиеров Жаком де Молэ, 'Синей Бородой' — Жилем де Рэ и др. Для широкого круга читателей.

- [Генри Чарльз Ли](#)
 -
 - [ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ИНКВИЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [Глава 2. ГИЛЛЕЛЬМА И ДОЛЬЧИНО](#)
 - [Глава 3. ФРАТИЧЕЛЛИ](#)
 - [Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ И ЦЕРКОВЬ](#)
 - [Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ И ГОСУДАРСТВО](#)
 - [Глава 6. МАГИЯ И ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ](#)
 - [Глава 7. КОЛДУНЬИ](#)
 - [Глава 8. РАЗУМ И ВЕРА](#)
 - [Глава 9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
-

Генри Чарльз Ли

История инквизиции. том 3

Книга состоит из трех томов:

т.1 «Происхождение и устройство»

т.2 «Инквизиция в различных христианских землях»

т.3 «Частные случаи инквизиционной деятельности»

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ИНКВИЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 1. ФРАНЦИСКАНЦЫ СПИРИТУАЛЫ

Нищенствующие монахи принимали деятельное участие в истреблении ереси. Францисканцы, в свою очередь, сделались жертвой преследования, укреплению которого они так много содействовали.

По мере того как орден становился богаче и могущественнее, внутри него начинали возникать разногласия. Развивалась наклонность к мистицизму, вызванная, несомненно, влиянием серафического ордена, на который заявляло права францисканство. Люди, продолжавшие разделять взгляды основателей на необходимость абсолютной нищеты, отвергали софизмы, которыми старались примирить материальное благосостояние ордена с отречением от всякого мирского имущества.

Вторым после св. Франциска в основанном им ордене был Илия. На первом генеральном капитуле 1221 г. он исполнял обязанности оратора, так как Франциск был слаб, чтобы председательствовать. Почувствовав себя неспособным поддерживать дисциплину, Франциск отказался от звания генерала, и Илия стал викарным генералом ордена. В октябре 1226 г. Франциск умер. В феврале 1227 г. был избран генералом Джованни Паренти из Флоренции; но на самом деле Илия оставался главой ордена. Илия отличался светским и честолюбивым характером; он считался одним из самых ловких политиков современной ему Италии. Предвидя, какое огромное влияние будет связано с управлением ордена, и, добиваясь этой власти, Илия был неразборчив в средствах. На капитуле 1232 г. Джованни был смещен, а Илия избран генералом. Почти с самого основания в ордене возникли несогласия по поводу устава абсолютной нищеты. В первой биографии

Франциска, написанной его любимым учеником братом Леоном около 1227 г., отмечено, что Франциск не был удовлетворен первым уставом и выработал второй, пропавший; причем св. Бонавентура в исчезновении его обвиняет Илию. Тогда Франциск составил третий устав под диктовку Христа. Многие монахи ордена, боясь строгости устава, вместе с Илией просили Франциска, чтобы он не связывал их своими предписаниями.

«Светская» партия в ордене скоро стала стремиться к освобождению от тяжелого стеснения, налагаемого правилами основателя. В 1231 г. капитул обратился к Григорию IX с вопросом, имеет ли завещание Франциска обязательную силу для ордена? Папа ответил отрицательно, так как Франциск не мог-де связывать своих последователей. Братья спросили также, какое имеет значение запрещение владеть деньгами или землями. Григорий приказал пользоваться для этого терциариями, которые должны хранить деньги и платить долги братьев. Эти поправки, искажавшие смысл устава, были приняты только после ожесточенных споров, грозивших расколом.

В 1237 г. Илия послал в разные провинции визиторов, поведение которых вызвало общее негодование. В 1239 г. был созван генеральный капитул, на котором присутствовали Григорий и девять кардиналов, папа заявил Илии, что готов принять его отставку. Но Илия заручился расположением Фридриха II и нашел себе убежище у императора, близким другом которого стал. Григорий безуспешно попытался захватить Илию и обвинил его в том, что он без разрешения посетил в Кортоне несколько бедных женщин. Так как он не явился по вызову, то его отлучили от Церкви. Илии удалось еще возбудить беспорядки среди францисканцев. Он умер отлученным от Церкви; настоятель францисканского монастыря приказал вырыть и бросить на живодерне его останки. Брат Салимбен дает массу подробностей дурного поведения Илии и той тирании, с которой применял он свою власть.

Таким образом, во францисканском ордене образовались две резко различавшиеся партии, которые сделались известны под именем спиритуалов и конвентуалов. Первые строго придерживались буквы устава; вторые старались смягчать строгость, ссылаясь на требования человеческой природы и условия мирской жизни. После падения Илии главенство перешло к спиритуалам. А в 1244 г. конвентуалы одержали

победу избранием Кресченцио Грицци из Иези, который вел дела, как Илия. В 1242 г. спиритуалы попытались примирить устав и заявление Григория, сделанное в 1231 г. Четыре наиболее известных ученых ордена обнародовали «Высказывания четырех Магистров». В 1244 г. на капитуле, несмотря на оппозицию почти всего собрания, спиритуалы добились отмены определения Григория. Но Кресченцио и конвентуалы попросили поддержки у Иннокентия III. В 1245 г. папа повторил решение Григория IX и заявил, что недвижимость и земельная собственность, обладание которыми было запрещено ордену, должны считаться принадлежащими Св. Престолу и отданными последним в распоряжение монахов.

Возраставшее обмирщение ордена вызывало постоянное волнение. Семьдесят два брата приготовили жалобу Иннокентию на Кресченцио; но последний получил от папы распоряжение наказать упорствующих, разослав их по двое по разным провинциям. Получив епископию Иези, Кресченцио сложил с себя сан генерала, и его преемником избрали в 1248 г. Джованни Борелли, более известного под именем Иоанна Пармского, который являлся в это время магистром богословия в Парижском университете. Новый генерал был одушевлен благочестивой ревностью к идеалу св. Франциска. Изгнанные спиритуалы были возвращены, и им предоставили право выбора местожительства. В течение трех первых лет Иоанн пешком посетил все монастыри ордена; часто оставаясь не признанным, он наблюдал поведение монахов и, открывая свое имя, исправлял злоупотребления. Однако он не мог остановить все возраставшие стремления к ослаблению устава; в результате его усилий обострилось противостояние обеих партий. Несколько влиятельных членов ордена представили Александру IV формальные обвинения против Иоанна и его друзей.

Чтобы понять положение спиритуалов в ту эпоху и положение, которое они заняли позднее, необходимо вспомнить об одном из самых замечательных движений, которое зародилось в XIII в. В первых годах XIII в. умер Иоахим Флорийский; многие считают его основателем современного мистицизма. Происходя из богатой и знатной фамилии, получивший светское образование при дворе герцога Апулийского Иоахим в ранней молодости отправился на Восток и попал в

Константинополь, когда там свирепствовала чума. Иоахима поразили бренность и суета этого мира.

С этого времени Иоахим посвятил свою жизнь служению Богу. Вернувшись на родину, он начал проповедовать среди народа. Но проповедь была запрещена мирянам, и он вступил в суровый цистерцианский орден. Назначенный аббатом в Кораццо, он бежал, но его силой вернули и заставили исполнять свои обязанности до 1181 г., когда он получил от Люция III разрешение сложить с себя сан. Он удалился в скит. Несмотря на свою любовь к уединению, он скоро очутился во главе нового ордена, устав которого, предписывающий нищету, был одобрен Целестином III в 1196 г. Вскоре орден распространился за пределы своего первого монастыря св. Джованни и основал несколько новых монастырей. В 1200 г., представляя все свои сочинения Св. Престолу, Иоахим утверждал, что они были вдохновлены свыше. В течение всей своей жизни он пользовался славой пророка. Мистицизм его апокалиптических размышлений только помог росту его славы пророка и ясновидца. Многие его пророчества производили глубокие впечатления не только на современников, но вплоть до XVI в. Однако своей огромной и продолжительной славе пророка Иоахим был менее обязан своим подлинным сочинениям, чем ходившим под его именем апокрифическим. Авторами этих обманов были францисканцы-пуритане.

Апокалипсические пророчества утверждали, что римская курия — продажная и хищническая; что римская Церковь — бесплодная смоковница, проклятая Христом. Авторы многих сочинений считали государство божеским орудием, предназначенным ниспровергнуть Церковь. Автор одного из таких сочинений показывает «скотской» мнимую свободу слова, которая сковывает свободу духа и позволяет проповеднику болтать только о плотских пороках. Мятежные слова возбуждали сильное движение внутри самого ордена. Через тринадцать лет после смерти Иоахима, в 1215 г., Латеранский собор осудил его теорию о Троице как ложную; ее опровержение было внесено в каноническое право, хотя уже в 1200 г. Иоахим представил все свои сочинения на суд Святого Престола и вполне подтвердил свою верность Церкви. Поэтому собор не осудил его и одобрил Флорийский орден. Тем не менее монахов клеймили как

последователей еретика, пока они не получили в 1220 г. от Гонория III буллу, в которой Иоахим признавался добрым католиком и запрещалось наносить оскорбления его ученикам.

Но наиболее важными трудами Иоахима были комментарии на Св. Писание, которые он составил по просьбе Люция III, Урбана III и Климента III. Всех этих книг было три; в каждом событии Ветхого Завета Иоахим видит символическое предзнаменование соответствующего факта Нового Завета; это позволяло ему предсказывать будущее. Так, например, согласно его толкованию, человечество должно пройти три фазы: период закона Бога Отца до рождения Христа, затем период закона Сына Божия и, наконец, период закона Святого Духа. Он пришел к заключению, что Царство Сына, или Царство Нового Завета, продлится сорок два поколения, т. е. 1260 лет, а в 1260 г. Царство Святого Духа наследует Царству Сына. В сорок втором поколении произойдет очищение, но это будут такие бедствия, какие человек никогда еще не испытывал. После этого возродится религия; человек будет жить в мире, справедливости и радости. Вся вселенная узнает Бога, и слава Святого Духа будет сиять. Соблюдение обрядов религии не будет более необходимо. Возникнет новый монашеский орден и обратит мир. Так как созерцательная жизнь монаха сделается высшим выражением человечества, то весь мир обратится как бы в обширный монастырь.

Строя планы будущего величия человека, Иоахим выставляет Церковь глубоко предавшейся скупости и алчности; она не обращает внимания на своих детей, которых у нее похищают еретики. Он излагает прогрессивный характер отношений между Богом и человеком в течение последовательных фаз человечества. Первое Царство — Закон Бога Отца; второе, Закон Бога Сына, — Царство распятия на кресте; третье, Закон Святого Духа, будет Царством мира. В первом Царстве человек подчинен закону; во втором — любви к ближнему, в третьем он будет полностью одарен этой любовью. Первое Царство было царством рабства и наказания; второе — сыновнего повиновения и дела; третье будет Царством свободы и созерцания.

В то время как метафизические тонкости Иоахима по вопросу о Троице были осуждены, никто в эту эпоху не признавал гораздо большей опасности его апокалиптических мечтаний; его сочинения не

только не были сожжены как еретические, их высоко почитали папы; Иоахима считали пророком до того времени, пока его смелые подражатели не довели до крайностей выводов, естественно вытекавших из его теорий. Люди, подобные Иоахиму, не могли допустить, чтобы преступление и несчастье были последним уделом в условиях человеческого существования; отсюда вывод, что божеская жертва до этого времени мало содействовала приближению этой жизни к идеалу; а следовательно, христианство не должно было быть концом земного существования; это было только переходным состоянием, за которым последует новая эра; в Царстве Святого Духа закон любви, который тщетно проповедовало Евангелие, сделается наконец действительностью; люди, освободившись от плотских страстей, увидят наконец исполнение обещаний, которыми их так долго манили. Не было ничего опаснее этого для установившегося строя духовной и мирской Церкви. Тем не менее некоторое время эти умозрения Иоахима иногда привлекали к себе внимание, но не порицались. Первый отголосок этих писаний можно обнаружить у еретиков-аморийцев, которых уничтожили в Париже в 1210 г. Среди заблуждений, исповедуемых ими, указывали на верование в три эры. Происшедшие от них секты Ортлибентов и Братьев Свободного Духа не разделяли этой частности ереси аморийской.

Особенно горячо учения Иоахима приняли в Провансе и Лангедоке. Эти страны, изнуренные крестоносцами и инквизицией и далеко еще не примиренные с Церковью, искали в мечтаниях Иоахима утешение в бедствиях. Появился даже апостол, католичество которого было вне всякого сомнения, — Гуго из Дин, отшельник из Гийера, весьма известный своим образованием, красноречием и святостью жизни. Он был раньше францисканским провинциалом в Провансе, но отказался от этой должности ради удовлетворения своего стремления к аскетизму. Среди его близких друзей были самые известные францисканцы и генерал ордена Иоанн Пармский; они были горячими иоахитами, Гуго считал пророчества Иоахима откровениями Бога, распространял их в массах, и сам он считался пророком. Духовная фракция францисканцев, спиритуалы, быстро прониклась этими идеями: святые поучения Франциска и новое откровение были в целях честолюбия и обогащения ниспровергнуты людьми мирского направления; орден, долженствовавший быть зародышем

человеческого искупления, с каждым днем все больше погружался в плотские заботы, а его святых мучили свои же товарищи. Так как Евангелие Христа и устав Франциска не могли спасти человечество, то необходимо было новое Евангелие. Иоахим предсказал рождение нового монашеского ордена, предназначенного руководить миром и Церковью во время блаженной эры Святого Духа. Францисканцы-спиритуалы, старавшиеся в то время сохранить во всей его строгости устав основателя, не сомневались, что под этим предсказанием подразумевались они.

В 1254 г. в Париже неожиданно появилась книга, озаглавленная Вечное Евангелие, состоявшая из трех подлинных сочинений Иоахима, снабженных объяснениями и введением, в котором автор развивал идеи пророка. Книга сразу же получила большой успех среди всех классов народа. Автор утверждал, что в 1260 г. окончится Царство Христа и начнется Царство Святого Духа. Уже с 1200 г. Ветхий и Новый Заветы потеряли свой жизненный дух, чтобы дать место Вечному Евангелию (причем под этим подразумевались «Согласие», «Словословие» и «Изложение» Иоахима). Иоахим заявил, что будет бесполезно соблюдать таинства; автор смотрел на них как на символы и загадки, от которых человек освободится в наступающей эре, ибо любовь заменит все обряды, основанные на втором откровении. Подобная теория разрушала всю церковную систему. Смелый вызов непогрешимой Церкви почти достоверно был произведением Герардо. Генерал францисканцев Иоанн Парижский благосклонно смотрел на это произведение, не подвергая автора наказанию, несмотря на шум, вызванный в ордене изданием этой книги. Благоразумие и уважение, которым пользовался францисканский орден, требовало сделать так, чтобы эта книга исчезла по возможности без всякого шума, хотя сотни жертв были сожжены за менее опасные ереси. Это понимала комиссия, заседавшая в июле 1265 г. в Ананьи по делу осуждения этой книги.

Но духовная фракция францисканцев — спиритуалы — была сильно скомпрометирована. Светская партия увидела, что можно теперь одержать верх. Были поданы Александру IV формально составленные пункты обвинения против генерала. Его упрекали в том, что он не допускает никакого спора относительно Устава и Завещания Франциска, так что, по-видимому, папские права и решения не имеют, по его мнению, никакого значения в сравнении с наставлениями

Франциска. Его не обвиняли в том, что он замешан в издании Вечного Евангелия, но указывали, что он считал себя одаренным пророческим духом: он предсказывал, что внутри ордена произойдет раскол между братьями, принявшими внесенные папами смягчения Устава и строго державшимися его. Верность Иоанна Пармского католической вере была поставлена под сомнение, так как он защищал заблуждения Иоахима по вопросу о Св. Троице: его ближайшие друзья в своих речах и сочинениях чрезмерно хвалили Иоахима и нападали на главных вождей ордена. Вопрос о Вечном Евангелии не упоминался; он был опасен и мог скомпрометировать орден.

Александр 2 февраля 1257 г. собрал общий капитул в замке Св. Ангела в Риме. Иоанну Пармскому посоветовали сложить с себя обязанности генерала, что он и сделал, сославшись на свой возраст и переутомление. Для соблюдения приличий сначала отказались принять его отставку, но затем приняли и просили назначить себе преемника. Он избрал Бонавентуру, который не принадлежал ни к одной из двух партий. Он был избран. Руководители ордена потребовали от него преследования Иоанна и его сторонников.

Сначала Бонавентура колебался, но в конце концов согласился. Герардо отказался отречься, и Бонавентура вызвал его в Париж. Проезжая через Модену, Герардо встретил Салимбена, отрекшегося от учения Иоахима как от безумия. Герардо был осужден только как защитник умозрений Иоахима относительно Троицы. Если бы он не был францисканцем, его сожгли бы; но его заключили в оковах в тюрьму на хлеб и воду, где он томился восемнадцать лет. До самой смерти он ни разу не изменил своей вере.

Иоанна Пармского вслед за этим судили специальным судом, председательство в котором Александр поручил кардиналу Каэтану, ставшему позднее папой Николаем III. Обвиняемый охотно отрекся от своей речи в пользу Иоахима; но его направление раздражило судей, и с согласия Бонавентуры он разделил бы участь своих друзей, если бы не смелое вмешательство кардинала Оттобони, будущего папы Адриана V. Бонавентура разрешил Иоанну избрать себе место жительства, и Иоанн удалился в небольшой монастырь близ Риети. Здесь он жил в течение тридцати двух лет, не отрекаясь от своей веры в Иоахима.

Если преследование положило предел открытому распространению учения Вечного Евангелия, то все же в тайне много людей оставались верными этому учению. Центром секты был юг Франции. Епископ Акры Флорент являлся официальным обвинителем перед комиссией в Ананьи в 1255 г.; в 1262 г. он получил Арльскую архиепископию и в 1265 г. собрал провинциальный синод для осуждения иоахитов, все еще многочисленных в его провинции. Признано было необходимым выработать полное опровержение заблуждений Вечного Евангелия. Сожалели, что столько образованных людей соблазнялись еще ими и что книги, содержавшие эти учения, постоянно переходят из рук в руки. Была определена анафема за эту пропаганду, но не приняли никакой действительной меры преследования. Инквизиция также не сделала какую-нибудь попытку для истребления этой ереси. Иоахизм долго оказывал решающее влияние на францисканцев спиритуалов Лангедока и Прованса.

Удаление Иоанна Пармского было победой для конвентуалов. Новый генерал весьма решительно отрицал, что Христос и апостолы имели какую-либо собственность, и отождествлял бедность с совершенством. Бонавентура был проникнут мистицизмом. Его «Тайны теологии» представляют живую противоположность сухому схоластическому богословию эпохи, представителем которой был Фома Аквинский. Душа является пред лицом Бога; она в своих ночных бдениях должна раскаяться в прегрешениях и собственными силами стремиться к Богу; она не должна просить у другого ни помощи, ни руководства; рассчитывая только на себя самого, она должна подняться до видения Божества. Путем очищения она восходит на путь Просвещения и подготавливается получить Божеское Сияние. В конце концов она достигнет третьего пути, который ведет к соединению с Богом и к соучастию в божественной мудрости... Подобные учения сильно возбуждали мистическое направление спиритуалов.

Борьба, которую вызывал внутри ордена вопрос о собственности и бедности, усилилась; постоянно возникали дела, показывавшие невозможность примирить установленные св. Франциском обеты с обязанностями ордена, ставшего одним из видных факторов богатой и мирской Церкви; конфликт неизбежно должен был вызвать раскол. Конвентуалы постарались воспользоваться своей победой над Иоанном Пармским. Они заставили папу Александра 20 февраля

1257 г. повторить разъяснение Иннокентия IV, которым он разрешил ордену иметь деньги и собственность от имени Св. Престола. Все это возмущало партию пуритан. После провозглашения, что устав св. Франциска был откровением свыше, равным по своему значению Евангелию, имели право сомневаться, может ли нарушать его даже сам преемник св. Петра. Около середины XIII в. Бертольд Ратисбонский, самый знаменитый францисканский проповедник той эпохи, в проповеди перед братьями заявил, что обеты бедности, повиновения и целомудрия настолько обязательны, что даже сам папа не может смягчать или изменять их. Около 1290 г. доминиканский провинциал Германии ссылается на них в своей энциклике как на непреложную истину. Менее чем через двадцать пять лет подобные заявления считались ересью и наказывались костром.

Бонавентура на капитуле в Париже утверждал, что он согласился бы быть истертым в порошок, если бы никогда не думал привести орден в тот вид, который хотел придать ему святой Франциск. 23 апреля 1257 г. он разослал провинциалам энциклику, обращая внимание на пороки братьев и на то презрение, которое вызывали они ко всему ордену.

Но разногласие по вопросу о нищете разделяло орден. Напрасно около 1275 г. обращались к Григорию X, и тщетно папа приказывал строгое соблюдение предписаний устава, запрещавших обладание личным или общим имуществом. Мирская партия продолжала настаивать на невозможности примирять строгое соблюдение этих правил с требованиями человеческой природы, говоря, что это значит испытывать Бога. Ссора разгоралась все больше. В 1379 г. Николай III решил положить ей конец формальным разъяснением. По словам папской буллы «Словно посевы тянутся к небесам», францисканский устав был внушен Св. Духом и передан миру св. Франциском. Отречение от всякой собственности, как общей, так и личной, похвально и свято. Это полное отречение подобно тому, которое делали Христос и его апостолы и которое они заповедали своим ученикам. Оно не только похвально и совершенно, но законно и возможно, так как надо различать пользование, которое разрешено, от обладания, которое запрещено. Папа присвоил римской Церкви и ее первосвященнику обладание всем, чем пользуются францисканцы. Необходимо заставить с уважением относиться к правилу,

запрещающему получать или иметь деньги. Особенно запрещались займы; однако в случае настоятельной нужды можно было производить займы при Посредстве третьих лиц (терциариев); но братья должны воздерживаться иметь деньги, определять их назначение или тратить их. Имущества по духовным завещаниям не нужно прямо назначать монахам, но только предоставлять им в пользование. Мельчайшие решения определяли обмен и продажу книг и разных предметов. Кончалась булла приказаниями, чтобы это папское решение читалось и изучалось в школах; но было запрещено всем под страхом отлучения от Церкви, влекшего за собой потерю должностей или бенефиций, прибавлять что бы то ни было к тексту. Никто не должен был позволять себе толкований, примечаний, спора или опровержения. Всякие сомнения и вопросы должны предъявляться прямо Св. Престолу. Всякий, кто станет оспаривать или комментировать францисканский устав или предписания буллы, будет подлежать отлучению от Церкви, снять которое только во власти папы.

Но булла «Словно посевы тянутся к небесам» не смогла положить конец внутренним разногласиям ордена. Правда, число упорствующих было невелико, но они отличались набожностью и добродетельной жизнью. Мало-помалу они образовали две группы: одну — в Италии, другую — в Южной Франции. Сначала они находились в полном согласии и в течение некоторого довольно продолжительного времени действовали заодно; но скоро различия в их взглядах стали настолько значительны, что породили две секты; это произошло, главным образом, благодаря особенно сильному влиянию, которое производили в Лангедоке и Пронансе труды Иоахима и Вечное Евангелие. Те, кто видели в уставе божеское откровение, которого не могла здесь на земле изменить ни одна власть, заявляли, что папская булла является вероотступничеством и не имеет никакого значения. Начались споры, которые только укрепили противников в их мнении. Особенно сильную вражду вызывал отказ спиритуалов принимать участие в ежедневном собирании милостыни деньгами. Тотчас же начали преследовать за ересь монахов, отказывавшихся просить милостыню. Автор рассказа об этом деле говорит, что они были готовы соблюдать полное повиновение и их ни в чем нельзя было уличить, но тем не менее они были осуждены как схизматики и еретики на пожизненное тюремное заключение в оковах. В виде предупреждения было

приказано читать этот приговор каждую неделю во всех капитулах, причем никто не смел критиковать его. Монах, сказавший, что этот арест противен Богу, был также брошен в тюрьму, где и умер через несколько месяцев.

На Пасху 1289 г. был избран генералом Раймунд Гофриди. Генерал произвел расследование дела этих монахов, выразил суровое порицание виновникам несправедливости и в 1290 г. выпустил узников на свободу. Вопреки булле «Словно посевы тянутся к небесам» орден еще менее чем когда-либо начал соблюдать устав. Провинциал Франции даже написал трактат, в котором выступил против буллы «Словно посевы тянутся к небесам» и данного его буллой толкования устава. Александр осудил сочинение и наказал автора и его покровителей. В Анконской Марке и в других местах реакция против аскетизма была так сильна, что официально приказали сжечь завещание св. Франциска. Освобождение спиритуалов, заключенных в Анконе, подняло грозный ропот против генерала.

Ярости преследователей сторонников нищеты был нанесен удар в 1294 г., когда конклав избрал папой отшельника Петра Морроне. Раймунд передал в руки нового папы Целестина V судьбу спиритуалов, которых сам не был в состоянии защитить. Целестин благосклонно выслушал жалобы монахов и предложил им вступить в основанный им орден бенедиктинов-целестинов. Но они показали ему, что их обеты отличаются от обетов целестинов. Папа приказал францисканцам строго соблюдать устав и завещание Франциска; он повелел им отныне повиноваться только ему и Либерато, которого он назначил им начальником.

Кардинал Наполеон Орсини был объявлен их попечителем, а аббату целестинов было приказано предоставить им скиты. Спиритуалы были, таким образом, как бы исключены из ордена и даже не должны были больше именоваться миноритами или францисканцами. Однако покой спиритуалов был непродолжителен. В декабре 1294 г. Целестин V отрекся менее чем через шесть месяцев после своего избрания. Преемник его, Бонифаций VIII, тотчас же заключил его в тюрьму. Все действия Целестина и предоставленные им привилегии были объявлены не имеющими силы. Бонифаций презирал аскетов, спиритуалы от него не могли ожидать заступничества. Для него францисканский орден был только орудием

для осуществления честолюбивых замыслов. 29 октября 1295 г. папа предложил Раймунду архиепископию Павии. Последний сослался на то, что не чувствует в себе достаточно силы, чтобы взять это бремя; тогда Бонифаций объявил, что он не может нести еще более тяжелое бремя, налагаемое обязанностью генерала ордена, и тотчас же сместил его. Конвентуалы праздновали победу и глумились над спиритуалами.

В 1296 и 1297 гг. Бонифаций разослал всем епископам приказ заставить бродяг или отшельников из непризнанных орденов или снять монашескую одежду и изменить образ жизни, или вступить в какой-нибудь признанный орден. Инквизиторам было приказано доносить епископам на всех подозрительных лиц, а в случае небрежного отношения прелатов инквизиторы должны сообщать обо всем Св. Престолу. Инквизиторам предоставлялось право преследовать тех бродяг, которые принадлежали даже к их орденам. В следующем году Бонифаций поручил инквизитору-францисканцу Ассизи лично посетить горные страны Абруццо и Анконской Марки и выгнать оттуда отступников разных монашеских орденов и бродяг, заражавших всю страну. Между тем спиритуалы и осужденные нищенствующие не только оспаривали папский авторитет, но стали утверждать, что кафедра св. Петра вакантна, так как уже папа Николай III, выпустивший буллу «Словно посевы тянутся к небесам», прогневил Бога этой ересью. С тех пор только они, спиритуалы и осужденные нищенствующие бродяги, представляют истинную Церковь.

Прибывший из Прованса брат Матвей де Бодиси, принесший с собой книги Пьера Жана Оливи, был в церкви св. Петра Римского избран папой пятью спиритуалами и тринадцатью женщинами. Бонифаций немедленно приказал инквизиции начать преследование этих людей; но они бежали в Сицилию, где образовалась главная квартира секты.

Еще до отречения Целестина францисканские власти попытались захватить нашедших покровительство у самого папы спиритуалов. Ревностные спиритуалы бежали из Италии и обосновались на пустынном острове около берегов Ахайи. Тотчас же были посланы вельможам и епископам грамоты, в которых спиритуалы обвинялись в катаризме. В то же время дали знать Бонифацию, что эти люди не признают его папой и думают, что они одни только представляют истинную Церковь. В 1299 г. Бонифаций поручил

константинопольскому патриарху Петру судить спиритуалов, которые были осуждены, не будучи выслушаны. Карл II Неаполитанский, сюзерен Морей, получил приказ изгнать их. Однако местные власти признали обвинения ложными. Но это не освободило их от надзора. Одним из главных обвинителей их был человек, который привез им книги Оливи и которого они были вынуждены изгнать за безнравственное поведение. С этого времени он сделался их обвинителем и был вознагражден за это епископией.

Маленькая община была вынуждена уступить сильному давлению. Сначала Либерато послал двух братьев подать жалобу Бонифацию, потом еще двух; но все они были арестованы и не могли прийти до папы. Тогда Либерато сам отправился тайно и добрался до Перузы, но внезапная смерть Бонифация 11 октября 1303 г. разрушила все планы. Другие спиритуалы вернулись в разное время до 1305 г. Вернувшихся вызвал инквизитор доминиканец Томмасо ди Аверса; они явились. После допроса, тянувшегося несколько дней, Томмасо признал их верными католиками и отпустил, сказав публично: «Ваши братья выпили бы вашу кровь, если бы это было возможно!» Он даже позаботился, чтобы спиритуалов проводили до их скитов. Затем, видя ярость конвентуалов, он дал спиритуалам совет покинуть ночью Неаполь и потаенными дорогами дойти до самого папы. Если бы они могли принести грамоты от папы или от какого-нибудь кардинала, то он сам бы защищал их, пока будет инквизитором. И в тот же день Либерато вышел из Неаполя, по дороге он захворал и умер после двухлетней тяжелой болезни. За это время действия неразрешенных нищенствующих вызвали в Ломбардии общую ненависть к этим братствам. Конвентуалы воспользовались этим и уговорили брата Томмасо вызвать к себе на суд всех, кто носил, не имея на то права, монашескую одежду. Снова сорок два спиритуала были вызваны на суд и осуждены как еретики после продолжительных пыток. Два более молодых брата взвели обвинения на самих себя и обвинили своих товарищей; но лишь только их освободили, они отреклись от своих показаний. Многие умерли. Томмасо приказал подвергнуть оставшихся в живых бичеванию на улицах Неаполя; затем изгнал их из королевства, хотя в своем приговоре не привел против них никакого специального обвинения в ереси.

Среди всех этих испытаний твердость никогда не покидала маленькой группы. После смерти Либерато они избрали себе начальником Анджело и образовали в Анконской Марке конгрегацию так называемых «Блестящих», имевших своим покровителем кардинала Наполеона Орсини. Эти люди не одни боролись против нарушения устава. Спиритуалы были многочисленны в самом ордене; но политика Бонифация требовала помощи конвентуалам в их усилиях держать в послушании партию ригористов (сторонников непреклонного соблюдения устава св. Франциска). Среди этих спиритуалов был автор известного католического гимна «Стабат матер» Джакопоне да Тоди. В 1298 г. после взятия Палестины Бонифаций заключил его в тюрьму. Только Бенедикт XI в декабре 1303 г. освободил Джакопоне из тюрьмы и снял с него отлучение от Церкви.

В 1302 г. на капитуле в Генуе генерал Джованни ди Мурро издал «наставление», в котором отмечал, что орден отказался от святой нищеты. Однако, осуждая собственность, он не выступал против пользования и осуждал учение, по которому обет нищеты мешал пользоваться земными благами. Его влияние на Бонифация было одной из причин преследования спиритуалов, которые упорно отвергали все попытки примирения.

Центральной личностью истории спиритуалов во Франции, где влияние Иоахима и Вечного Евангелия было более продолжительно и сильно, чем в Италии, был один из самых замечательных людей своего времени — Пьер-Жан Оливи. Родившийся в 1247 г., Оливи вступил во францисканский орден двенадцати лет и обучался в Парижском университете, где получил степень бакалавра. Его серьезность, живость ума, безукоризненное поведение, красноречие и обширные познания вызывали к нему всеобщее уважение. Своим благочестием, смирением, кротостью и рвением к ищите он приобрел славу святого, одаренного пророческим даром. Он примкнул к спиритуалам и возбудил к себе враждебное отношение постоянными нападениями на несолюдение в ордене устава. В своих многотомных сочинениях он поучал, что полная нищета была источником всякой добродетели и всякой святости, что устав запрещал всякую собственность, как личную, так и общую, что их обет обязывал членов ордена пользоваться предметами крайней необходимости в ограниченных

размерах. Папа не имел права ослаблять или отменять устав или разрешать что-либо несогласное с ним. Монастырь в Безье, в котором жил Оливи, сделался очагом спиритуалов. В 1278 г. некоторые сочинения, посвященные им восхвалению Пресвятой Девы, были найдены чересчур близкими к ереси. Генерал ордена Джеронимо д'Асколи (позднее папа Николай IV) прочел книги и повелел Оливи сжечь их. Оливи повиновался, объяснив друзьям, что если бы понадобилось, он мог бы легко написать их снова гораздо лучше.

Своими нападка на отдельных людей и на общее падение дисциплины в ордене Оливи навлек на себя ненависть, так что последние годы его жизни были непрерывным рядом расследований по подозрению в ереси. В 1282 г. на генеральном капитуле в Страсбурге было решено подвергнуть его сочинения рассмотрению. В 1283 г. генерал ордена Бонаграция ди С.-Джованни прибыл во Францию, собрал эти книги и поручил их рассмотреть семи главным членам ордена. Последние нашли в них положения, которым дали разную оценку: одни были ложными, другие еретическими, третьи самонадеянными, четвертые опасными, и постановили, чтобы сочинения, содержащие эти положения, были выданы всеми, у кого они имелись. Оливи подписался под этим решением в 1284 г., сетуя, однако, что ему не разрешили объяснить судьям подвергнувшееся цензуре места, которые были неправильно истолкованы. Постоянно увеличивавшийся круг его учеников, тайно приверженных иоахизму, не ограничивался мирным распространением своих принципов; они вызывали волнения и мятежи, ответственность за которые ложилась на Оливи. В 1285 г. миланский капитул избрал министром-генералом одного из семи судей, осудивших Оливи, и приказал разыскать и отобрать все осужденные сочинения. Новый генерал вызвал Оливи в Париж для нового расследования. Дело тянулось медленно до 1286 г.; в это время Арлотто умер, и оно было прекращено. Новый генерал подтвердил верность Оливи католичеству, назначив его профессором главной школы ордена во Флоренции. Раймунд Гофриди, избранный генералом в 1290 г., был другом и поклонником Оливи; но и он не смог помешать новому возбуждению дела, хотя и назначил Оливи профессором в Монпелье. Николай IV в 1290 г. поручил инквизитору Венесенского графства произвести расследование и представить донесение, чтобы дело могло поступить на рассмотрение генерального

капитула, созываемого в Париже. В 1292 г. Оливи явился на капитул, заявил, что он принимает буллу «Словно посе́вы тянутся к небесам», подтвердил, что никогда сознательно не учил и не писал ничего иного, а также отрекся и отказался от всего, что он мог по недосмотру сказать несогласного с этой буллой. Его отпустили с миром, но двадцать девять его ревностных последователей, признанных инквизицией виновными, были наказаны. Несколько последних лет его жизни прошли сравнительно спокойно; он пользовался огромным уважением и хотел смягчить фанатическую ересь непримиримых спиритуалов, но сам не мог уберечься от апокалиптических умозрений. В 1298 г. на смертном одре он изложил свое исповедание веры, в котором высказывал полное подчинение римской Церкви и ее главе Бонифацию. Все свои сочинения он отдавал на суд Св. Престола, а по поводу спорных вопросов внутри самого ордена он высказал взгляды, в которых не было ничего такого, под чем бы не подписался Бонавентура или что мог бы осудить Николай III как несогласное с буллой «Словно посе́вы тянутся к небесам», хотя Оливи резко осуждал падение дисциплины в ордене и укоренившийся обычай иметь деньги.

Вьеннский собор 1312 г. отнесся к памяти Оливи с большим уважением; во всех многотомных его сочинениях собор нашел только четыре заблуждения вполне умозрительного характера, но не приписал их Оливи, а его непосредственные ученики отрицали, что он разделял эти заблуждения. Другие вопросы, касающиеся учения Оливи, были предметом спора перед отцами собора между обвинителем Бонаграцией из Бергама и защитником Убертино из Казале; собор предоставил францисканцам свободу примкнуть к той или другой стороне и не осудил ни самого покойного, ни его сочинений. В учениях спиритуала, действительно, не было ничего революционного. Тем не менее ненависть конвентуалов была еще достаточно сильна в 1400 г., чтобы добиться от капитула в Тории запрещения под страхом тюремного заключения членам ордена иметь у себя книги Оливи.

Несомненно, Оливи был действительно ересиархом спиритуалов, видевших в нем прямого преемника Иоахима и Франциска. Его сочинения, по мнению многих спиритуалов, имели такое же значение, как творения св. Павла, и Церковь должна была строго повиноваться им. Зато враги делали его ответственным за крайности людей,

питавших к нему столь чрезмерное поклонение и видевших в нем своего главу и наставника.

Когда Оливи умер, его старый судья Джованни ди Мурро был генералом ордена. Он осудил память Оливи как еретика и потребовал выдачи всех его сочинений указом, который исполнялся с неумолимой суровостью и которому следовал его преемник, Гонсальво да Бальбоа. Один благочестивый монах отказался выдать запрещенные книги и был прикован к стене темницы на воде и хлебе; здесь он гнил до самой смерти. Много других упорствующих было также заключено в тюрьму, и с ними обходились так же бесчеловечно. На генеральном капитуле, созванном после этого, было официально запрещено чтение сочинений Оливи; но много сочинений, прямо или косвенно приписываемых покойному, ходило по рукам.

Наибольшие споры вызвали комментарии Оливи на Апокалипсис, из которых извлекли главные положения, послужившие к его осуждению. Инквизиционный приговор от 1318 г. показывает, что в это время сочинения спиритуала были по распоряжению Иоанна XXII снова подвергнуты просмотру. До решения папы никто не имел права считать Оливи святым или даже католиком. В 1319 г. было составлено восемью магистрами богословия донесение, клонившееся к осуждению... Однако официальное решение было вынесено только 8 февраля 1326 г.; Иоанн XXII осудил «Толкование Апокалипсиса», а генеральный капитул ордена запретил читать и иметь это сочинение.

После смерти Оливи францисканские власти поняли невозможность уничтожить секту спиритуалов, быстро распространявшуюся и принимавшую правильное устройство по всему Лангедоку. Однако конвентуалы не обратились за помощью к инквизиции, да и инквизиторы не желали, вероятно, выступать против врагов соперничающего ордена. В 1299 г. нарбоннский архиепископ собрал в Безье провинциальный синод, на котором были осуждены бегины обоего пола, которые под руководством ученых членов уважаемого ордена францисканцев предавались религиозным упражнениям, не предписанным Церковью, накладывали на себя епитимьи и воздержания, устраивали ночные тайные собрания, посещали еретиков, предвещали близость конца мира и утверждали, что царство антихриста уже началось. Епископам было приказано начать в своих епархиях внимательный розыск этих сектантов и

уничтожать их. Эти меры показывают быстрое развитие новой ереси, основанной на Вечном Евангелии, поддерживаемом францисканцами-ригористами и широко распространенного среди населения; для такого распространения его в массе терциарии представляли особые преимущества. Те, кого называли бегинами, были большей частью терциариями, а иногда даже членами ордена. Собор оправдал преследование внутри самого ордена; монахи спиритуалы продолжали терпеть со стороны своих высших притеснения, которым монастырская жизнь давала массу предлогов. Так, например, в Вильфранше два монаха, отказавшихся признать, что их обеты позволяют свободно пользоваться мирскими вещами, были заключены в тюрьму, закованы в цепи и лишены пищи.

Одним из самых энергичных и горячих миссионеров веры в то, что только божеское вмешательство создаст новый мир, где будут жить одни только избранные и который будет царством аскетической нищеты и всеобщей любви, был Арнольд де Виллануэва. Как врач, он не имел соперника; его многотомные работы по медицине и гигиене были шесть раз перепечатаны в течение XVI в., не говоря уже о многочисленных специальных трактатах. Он занимался химией, но не установлено достоверно его участие в нескольких полезных открытиях. Он был алхимиком при дворе Роберта Неаполитанского. Его трактаты по алхимии были включены в собрание работ этого рода, перепечатанное даже в XVIII в. Знакомый с арабским и еврейским языками, он перевел сочинения Косты бен Луки о приемах магии. Он оставил сочинения по астрономии и снотолкованиям, а также по землемерию и виноделию. Он выработал для Фридриха Сицилийского законы, в которых показал себя добросовестным государственным мужем. Арнольд считал первой обязанностью государя быть справедливым сначала для бедных, а потом — для богатых. Если король хочет получить спасение, то должен посвятить себя бедным; в противном случае, несмотря на поучения Церкви, ни псалмы, ни обедни, ни посты, ни даже милостыня не спасут его. Не раз короли Арагона и Сицилии давали ему дипломатические поручения. Хотя он был мирянином, женатым и отцом семейства, излюбленным его предметом являлось богословие, которое он изучил у доминиканцев в Монпелье. В 1292 г. он выпустил свой первый труд о таинственном имени Иеговы, в котором старался найти объяснение тайны Св.

Троицы. Он скоро стал убежденным иоахитом. В многочисленных сочинениях, написанных на латинском и народном языках, он объясняет откровения Иоахима. Он выступил в защиту преследуемых спиритуалов в различных трактатах. Он воспользовался своим влиянием при неаполитанском дворе, чтобы гонимые спиритуалы нашли здесь убежище. Еще в XIII в. он обратился к доминиканцам и францисканцам Парижа, к королям Франции и Арагона и к коллегии кардиналов с письмами, возвещаая близкий конец мира. Испорченных нравственно католиков и духовенство он объявил слугами антихриста. За эти заявления каталонские доминиканцы формально обвинили Арнольда перед хиронским епископом. Но Арнольд заявил, что эти монахи не имеют права преследовать его, так как они — еретики, сумасшедшие и обманщики. Он сам вызывал их на суд папы на следующий Великий Пост. Покровительство короля спасло его от костра. Когда в 1300 г. король Иаков послал его с поручениями к Филиппу Красивому, ересиарх представил Парижскому университету свою работу о пришествии антихриста. Богословы косо посмотрели на эту книгу; и накануне отъезда, несмотря на неприкосновенность посла, Арнольд был по указу святого трибунала внезапно арестован. Заступничество нарбоннского архиепископа не привело ни к чему. Узник был выпущен на волю, только представив залог в три тысячи ливров, собранный нарбоннским виконтом и другими друзьями. Затем он предстал перед магистрами богословия и под страхом тюремного заключения вынужден был отречься от своих положений, ему не разрешили даже защищаться.

Арнольд подал официальную жалобу Бонифацию, а затем лично явился к папскому двору. Его упорство вызвало строгости. Как рецидивист, он подлежал сожжению, но его заключили в тюрьму и заставили отречься вторично, что не помешало Филиппу Красивому в 1303 г. на собрании в Лувре при обвинении Бонифация в ереси поставить папе в вину одобрение книги Арнольда, сожженной перед этим по приказанию короля и Парижского университета. Но Бонифаций уважал в Арнольде врача и, выпустив его из тюрьмы, даже, сделал своим придворным медиком, но приказал полностью прекратить занятия богословием.

Однако Арнольд счел нужным предупредить Бонифация, что его постигнет гнев Божий, если он не проведет полной реформы Церкви.

Вскоре после этого предсказания последовала катастрофа Ананьи, и Арнольд, покинувший папский двор, увидел в этом событии подтверждение своего пророчества. С этого времени он стал считать себя посланником Бога. Обличая пороки духовенства, он стал грозить Божьей карой Бенедикту XI, который наложил епитимью на пророка и арестовал все его апокрифические сочинения. Приблизительно через месяц Бенедикт умер.

Церковь тщетно пыталась уничтожить сочинения Арнольда. В 1305 г. инквизитор Валенсии отлучил от Церкви и выгнал служителя короля, виновного в том, что он имел эти сочинения и распространял их. Король потребовал от инквизитора объяснений причин, вызвавших эту меру; а так как инквизитор отказался дать какое-либо объяснение, то Иаков написал гневное письмо генералу доминиканцев Эмерику. Король писал, что сочинения Арнольда жадно читают королевская семья, архиепископы, епископы, духовенство и миряне. Он требовал отмены приговора; в противном случае грозил строго наказать инквизитора и предупреждал, что его недовольство тяжело отразится на всех доминиканцах в его владениях. Это расположение короля снова спасло Арнольда от костра, его только объявили некромантом и чародеем, еретиком и папой еретиков.

Во время преследования спиритуалов в Провансе Арнольд добился от графа Прованса, чтобы тот попросил генерала ордена смягчить преследование. В 1309 г. Арнольд был послан в Авиньон с поручением Иакова II Арагонского; его хорошо принял Климент V, высоко ценивший его как врача. Арнольд убедил тайно папу вызвать вождей спиритуалов, чтобы узнать от них, устно или письменно, что было предметом их жалоб и какие реформы хотели бы они для своего ордена. В октябре 1309 г. Арнольд перед папой и кардиналами предсказал конец мира в течение XIV в., и что Антихрист появится в первые сорок лет. Он принял во внимание нравственное падение духовенства и мирян и преследование, которому подвергаются люди, желающие жить в евангельской нищете. Кардинал де Порто и доминиканский провинциал Арагона советовали королю Арагона не отправлять посланником еретика Арнольда. Король Сицилии Фридрих предложил убежище своему бывшему советнику, а немного позднее снова послал его с поручениями в Авиньон. Арнольд умер в дороге зимой 1311 г.

Вмешательство Арнольда дало спиритуалам надежду на освобождение от преследования. Арнольд убеждал Климента прекратить раскол в ордене и запретить обвинения, возводимые конвентуалами на своих собратьев. Тем временем граждане Нарбонны подали папе жалобу, в которой утверждали, что книги Оливи были осуждены неправильно, что устав ордена в пренебрежении и людей, соблюдающих его, преследуют. Знаменитых спиритуалов — бывшего генерала Раймунда Гоффриди, духовного вождя секты Убертино да Казале, бывшего провинциала Арагона и некоторых других вызвали в Авиньон и предложили составить список тех пунктов, в которых, по их мнению, необходима реформа ордена. Чтобы дать им возможность спокойно и безопасно вести эту работу, папа взял их под свое покровительство и защиту. Генерал Гонзальво принял в 1310 г. на капитуле в Падуе несколько постановлений, ограничивавших роскошь и злоупотребления, распространенные во всем ордене; но этот же генерал решил заставить спиритуалов повиноваться, так что вражда между двумя партиями еще более обострилась.

Тридцать пять статей, представленных спиритуалами Клименту V по его приказанию, были обвинительным актом против падения и испорченности ордена. Конвентуалы отрицали истинность этих обвинений и старались доказать, что устав. не имел смысла, приписываемого ему спиритуалами, и обвинили своих противников в ереси. Климент поручил комиссии из кардиналов и богословов выслушать обе партии. Два года шел горячий спор. Во время этих дебатов умерли Раймунд Гоффриди и еще двое видных спиритуалов. Климент объявил делегатов спиритуалов не подсудными их противникам, которые 1 марта 1311 г. подали формальный протест против этой меры, ссылаясь на то, что спиритуалы были отлученными от Церкви еретиками и поэтому не имели права на покровительство.

Спиритуалам не удалось получить указ об отделении их ордена; но в других отношениях решение комиссаров было вполне им благоприятно, хотя конвентуалы и старались заставить забыть настоящий предмет тяжбы, обращая внимание на мнимые заблуждения Оливи. Климент приказал обеим партиям жить во взаимной любви и дружбе, предать прошлое забвению, перестать оскорблять и обвинять в ереси друг друга за бывшие разногласия во взглядах. Убертино ответил на это: «Святой отец, эти люди называют нас еретиками и

зачинщиками ереси; в нашем архиве и в архиве ордена имеются целые книги, полные этих упреков. Нужно, чтобы они доказали эти обвинения и чтобы нам была предоставлена возможность защищаться, или пусть они отрекутся от них. Иначе между ними и нами не может быть мира». На это Климент возразил: «Мы, как папа, объявляем, что после того, что было сказано перед нами той и другой стороной, никто не должен называть вас еретиками или зачинщиками ереси. Если в архивах или еще где-либо существует по этому делу какой-либо документ, то мы уничтожаем его и объявляем, что он не имеет никакого значения против вас».

Вьеннский собор (1311–1312 гг.) принял канон с целью окончательно решить спор. Его сочли торжеством спиритуалов. Канон решил двадцать четыре вопроса, касающихся толкования устава; отныне те, кто служит Господу в скитах, если они послушны своим епископам, могут считать себя в безопасности от всяких гонений. Инквизиторы отданы под контроль епископам; это было особенно важно в Провансе и Тоскане, где инквизиция была францисканская и находилась в руках конвентуалов. Климент в 1314 г. умер, не успев обнародовать декреты собора. Выбранный в августе 1316 г. Иоанн XXII пожелал рассмотреть эти декреты, и каноны были обнародованы только в ноябре 1317 г.; они требовали строгого соблюдения устава, присваивали римской Церкви обладание всем, что пожертвовано ордену, оставляя за монахами только временное пользование, так как уставом не разрешена никакая — ни личная, ни общая — собственность. Это было полное оправдание жалоб спиритуалов и толкование устава согласно с их взглядами. Но декрет не только не позволял спиритуалам жить спокойно и независимо, но прямо подчинял их старшим, а это были конвентуалы, обладавшие в ордене значительным большинством.

Когда спиритуалы попросили Климента защитить их от их же собратий, он посоветовал им вернуться в монастыри, приказав обращаться с ними хорошо. Ссоры и жалобы продолжались, пока не предоставили спиритуалам трех монастырей в Нарбонне, Безье и Каркассоне; эти монастыри стали приютом для недовольных монахов из других монастырей. Со смертью Климента в 1314 г. ссоры возобновились. Спиритуалы жаловались, что их явно и тайно

оскорбляли и бесчестили, что их лишили пищи и даже причастия; разгоняли по отдаленным монастырям и даже бросали в тюрьмы.

Итальянские спиритуалы решили обрadowать независимую общину. Они были отлучены от Церкви как «схизматики и мятежники, основатели суеверной секты, распространители ложных и вредоносных учений». Преследование их было яростно. В некоторых местностях, где их поддерживали миряне, они изгнали из своих монастырей конвентуалов и защищались оружием вопреки предписаниям Церкви. Другие бежали в Сицилию. Третьи незадолго до смерти Климента, послали папе письма, в которых уверяли его в своей покорности и послушании. Но их друзья не решились передать это послание. После избрания Иоанна XXII мятежники сделали новую попытку дойти до самого папы; но на этот раз конвентуалы, имевшие в руках всю власть, бросили посланных в тюрьму как еретиков, отлученных от Церкви. Те из узников, которым удалось бежать из тюрьмы, направились в Сицилию.

Король Фридрих милостиво принял этих беглецов и позволил им основаться на острове, несмотря на неоднократные предостережения Иоанна XXII. Под 1313 г. хроника упоминает о папе, избранном в Сицилии «бедными» и составлявшем вместе с коллегией своих кардиналов единственную истинную Церковь, которая имела право на послушание верных. Этого папу и его Церковь признавали и некоторые спиритуалы Прованса.

Спиритуалы отнюдь не представляли объединенной партии. Они были разделены на небольшие группы и секты, учения которых были одинаково преисполнены духом независимости. Все эти люди имели личные убеждения по вопросам, запрещенным для свободной мысли, и верили в закон, стоящий выше римских декреталий. В 1316 г. генералом ордена избрали Михаила Мезенского. Нарбоннские спиритуалы послали неаполитанскому капитулу, где был избран новый генерал, длинную записку, в которой перечисляли все бедствия и притеснения, перенесенные ими после смерти Климента, лишившей их папского покровительства. Избрание Михаила казалось победой над конвентуалами. Спиритуалы надеялись, что получили генерала, отвечающего их желаниям. Но они проявили непослушание, а Михаил решил водворить единство и силою привести заблудших в лоно ордена.

Через пятнадцать дней после издания этого указа был избран папой Иоанн XXII. Упорный и непреклонный, новый папа всегда доводил все начатое до конца, не обращая внимания ни на дружеское, ни на враждебное вмешательство. Он особенно гордился своими богословскими познаниями. Главными недостатками Иоанна XXII были честолюбие и скупость. Он первый установил систему «Такс Исповеди», которая предлагала за определенные цены отпущения за все виды человеческого падения, начиная от пяти грошей за убийство и кровосмешение и до тридцати трех грошей за посвящение в духовный сан раньше достижения законного возраста. Не прошло и двух лет после его избрания, как он присвоил себе право предоставления коллегальных бенефиций под предлогом уничтожения симонии; а затем он приобретал огромные богатства от продажи этих должностей. Еще более доходным был новый порядок назначения на высшие духовные должности: он установил порядок передвижения с худшей епископской кафедры на лучшую, а затем на архиепископскую, так что каждая вакансия вызывала целый ряд передвижений и можно было брать с каждого назначенного. Таков был человек, которому судьба доверила заботу успокоить сомнения, мучившие деликатную совесть спиритуалов.

Иоанн принимал деятельное участие в совещаниях Вьеннского собора и прекрасно знал спорный вопрос. Когда вскоре после его вступления на папский престол он получил просьбу генерала Михаила о восстановлении согласия в ордене, раздираемом междоусобиями, папа тотчас принял энергичные меры. Он приказал Фридриху Сицилийскому арестовать спиритуалов, нашедших приют в королевстве, и выдать их высшим для наказания плетью.

Провинциалу Аквитании было поручено привести к повиновению мятежных в монастырях Безье, Нарбонны и Каркассона. Спиритуалы подали папе подписанную сорока пятью монахами Нарбонны и пятнадцатью Безье просьбу назначить серьезное расследование. Получив эту просьбу 27 апреля 1317 г., Иоанн немедленно приказал всем челобитчикам явиться к нему до истечения семи дней под угрозой отлучения от Церкви с Бернаром Делисье во главе. Прибыв в Авиньон, они не решились остановиться во францисканском монастыре, но расположились на ночь на городской площади перед дверьми папского дворца. На другой день по прибытии они были

приняты. Бернар Делисье защищал их дело, но его обвинили в том, что он мешал деятельности инквизиции. Иоанн велел арестовать его. Тогда защиту принял на себя другой монах; его обвинили в том, что он публично унижал орден, и Иоанн выдал его конвентуалам, которые бросили брата в одиночную камеру. Тогда выступил с защитой оливистов Вильгельм де С.-Амур; но монахи обвинили его в том, что он совершил растрату и самовольно ушел из нарбоннского монастыря, Иоанн и его велел арестовать. Тогда попытал счастья еще один монах; папа прервал речь оратора словами: «Мы поражены, что ты требуешь строгого соблюдения устава, тогда как сам носишь пять одежд». Монах ответил, что не носит пять одежд. Иоанн приказал заключить и его в тюрьму и держать там до тех пор, пока не выяснится, сколько он носил одежд. Испуганные братья, видя, что дело их уже предрешено, пали на колени с криком: «Справедливости, Святой Отец! справедливости!» Папа приказал им всем отправиться во францисканский монастырь, где они должны были находиться под стражей в ожидании его решения. Бернар, Вильгельм и некоторые другие были по распоряжению папы закованы в цепи и заключены в тюрьму. Было начато следствие. За исключением двадцати пяти мятежных, все покорились. Торжествующие конвентуалы наложили на них тяжелые епитимьи.

Двадцать пять упорствующих были выданы инквизиции Марселя, так как их арестовали в пределах ее судебного округа. Инквизитором был брат Михаил, один из конвентуалов, смещенных и заключенных в тюрьму Климентом за преследование спиритуалов. Ему была предоставлена полная свобода действовать по своему усмотрению. Уже 17 февраля он приказал инквизиторам Лангедока объявить еретиками всех, кто именовал себя фратичелли или братьями чистой жизни. Затем 13 марта он издал буллу «В чем причина волнений», в которой окончательно решал два вопроса спора — о характере одежды, которую должны были носить монахи, и о сборе в житницы хлеба, вина и масла в погреба. Он передавал эти вопросы генералу ордена с правом их безапелляционного решения. Михаил Чезенский, генерал ордена, предписал министрам и надзирателям установить для каждого монастыря отдельно необходимое количество продуктов, сколько нужно их готовить в запас и в какой мере разрешается просить милостыню для их сбора. Решения, которые будут приняты по этому

поводу, должны соблюдаться буквально; никто не имел права думать или говорить, что это является нарушением устава. Булла кончалась следующими словами: «Бедность вещь великая, но выше ее невинность, а выше всего полное послушание». Эта булла послужила основанием для инквизиционного процесса, начатого против двадцати пяти упорствующих. Все поступки, совершенные спиритуалами после издания буллы, были открытым восстанием; таковы, например, были отказ переменить одежду или обращение к папе с просьбой о назначении дополнительного следствия. Раньше, чем упорствующих передали в руки инквизиции, их отвели к Михаилу Чезенскому. Объяснения, данные ими последнему, были прочтены в консистории и найдены еретическими; лица, высказавшие их, были объявлены подлежащими наказанию, полагающимся за ересь. Попытались добиться от них смирения, но тщетно; 6 ноября 1317 г. Иоанн и Михаил Чезенский опубликовали грамоты, в которых повелевалось инквизитору Михаилу приступить к суду. Приговор был вынесен 7 мая 1318 г.; большинство обвиненных отреклись.

Пытки, узаконенные инквизицией

Только четверо из них устояли до конца, в тот же день были выданы в руки светских властей Марселя и сожжены. Пятый, который в тюрьме заявил о своем раскаянии, но затем отказался отречься от своих заблуждений, был осужден на вечное тюремное заключение. Остальным пришлось публично отречься и принять епитимьи, наложенные инквизитором; их предупредили, что если они не принесут публичного отречения всюду, где проповедовали свои заблуждения, то будут сожжены как рецидивисты.

Хотя в приговоре говорится, что ересь этих жертв происходит из зараженного ядом учения Оливи, и хотя инквизитор издал грамоты, запрещающие всем чтение или хранение сочинений Оливи, нет, однако, упоминания ни об одном заблуждении Иоахима. Наказано было простое неповиновение булле «В чем причина волнений». Отказываясь подчиниться папской власти, они заявили, что готовы настаивать на соблюдении устава до дня Страшного Суда. Таким образом, Иоанн создал новую ересь, которая для францисканцев состояла в восстании против ношения широкой одежды и против обладания житницами или погребами. Несомненно, Иоанн, в силу характера своего ума и своего образования, не верил, что люди могли настолько увлечься святой нищетой, чтобы жертвовать из-за нее своей жизнью, и видел в них только упрямых мятежников. Их нужно было заставить повиноваться или примерно наказать. Булла «В чем причина волнений» произвела сильное волнение. Чтобы положить конец всякому спору, Иоанн собрал комиссию из тринадцати прелатов и докторов, среди которых был и Михаил Чезенский. После долгого обсуждения комиссия осудила как еретические слова людей, отрицавших за папой право издания подобной буллы и советовавших не повиноваться прелатам, когда последние будут приказывать снять короткие и узкие одежды и предписывать собирание запасов хлеба и вина во францисканских монастырях.

Все эти меры содействовали скорейшему появлению раскола. Буллы «Святой Рим» 30 декабря 1317 г. и «Восхваляя церковь» 23 января 1318 г. были направлены против людей, которые под именем фратичелли, бегинов и братьев чистой жизни в Сицилии, Италии и на юге Франции образовывала независимый орден, мечтали о строгом

соблюдении устава св. Франциска, набирали сторонников, устроили или получали в дар дома, просили милостыню и избирали себе высших. Все эти сектанты объявлялись отлученными; всем прелатам было приказано немедленно уничтожить секту.

Однако высшая заслуга нищеты проповедовалась так упорно в течение целого столетия, что огромная часть населения симпатизировала преследуемым спиритуалам. Много мирян, женатых и холостых, присоединялось к ним под именем терциариев; даже священники принимали их учения. Они скоро сделались сектой, не ограничивавшейся одними францисканцами и занявшей инквизицию вместо катаров, почти совершенно уничтоженных.

Казнь четырех спиритуалов в Марселе послужила сигналом к деятельному походу инквизиции. Святой трибунал принялся, не покладая рук, за уничтожение новой ереси по всей зараженной стране. Так как до этого времени не было надобности скрывать свои мнения, то легко было схватить подозреваемых. Строгость, проявленная инквизицией, отразилась в указе Иоанна XXII от февраля 1322 г., предписывавшем вызвать на суд всех терциариев подозреваемых округов и подвергнуть их тщательному допросу. В архивах Флоренции находится множество писем, написанных в феврале 1322 г., в которых магистраты и прелаты тосканских городов выступали в защиту терциариев и просили как милости, чтобы их не смешивали с новою сектою бегинов. То же самое происходило и в других местах. Список мучеников с каждым днем становился более длинным. Надо было всего лишь установить, думает ли обвиняемый, что папа имеет право отменять обеты вообще, в частности обеты нищеты и целомудрия. Отрицание этого права было общим положением, которому учили в школах и которое было установлено еще Фомой Аквинским. Уже в 1312 г. конвентуалы на диспуте перед Климентом V признали, что ни один францисканец не может владеть имуществом или взять себе жену по приказанию папы.

Но отныне следовавшим установленному учению надо было выбирать между отречением и костром. В Нарбонне, где епископы пытались сначала оказать покровительство спиритуалам, три жертвы были сожжены в 1319 г., семнадцать в Великий Пост 1331 г., а другие в 1322 г. В Монпелье преследование велось очень энергично в 1319 г. В Люнеле было сожжено семнадцать сектантов; в Безье — два в первый

раз и семь в другой; в Пезена было сожжено несколько; в Тулузе в 1332 г. было казнено четыре человека; были также казни в Кабестане и Лодеве. В Каркассоне костры пылали в 1319, 1320 и 1321 гг. и с 1325 по 1330 г. Сто тринадцать спиритуалов были казнены в Каркассоне с 1318 по 1350 г. Все эти дела разбирались доминиканскими инквизиторами. В 1323 г. сто четырнадцать спиритуалов были сожжены одними францисканцами инквизиторами. Впрочем, в Марселе инквизиция была в руках францисканцев, и ее считали чрезмерно строгой в отношении упорствующих членов ордена. Один из современников событий написал, что конвентуалы в своем торжестве над противниками вели себя как бешеные собаки и волки, без всякого милосердия пытая, убивая и вымогая деньги. Монах из Монпелье был сожжен за то, что утверждал: раз он дал обет нищеты и целомудрия, он не послушается папу, который прикажет ему взять женщину или собственность.

Люди, которые добровольно отдавали себя пламени, оспаривали право папы давать разрешение обетов; они могли защищаться против папы, только нападая на источник его власти. Иоанн XXII для них олицетворял собой мистического антихриста, предшественника антихриста действительного. Римская Церковь была Церковью плотской; спиритуалам суждено основать истинную Церковь, которая выступила бы на борьбу с антихристом и которая, направляемая Св. Духом, открыла бы новую эру, во время которой любовь будет руководить человеком среди всеобщей бедности и самоотречения. Это было учение, проповедуемое Вечным Евангелием. Истинная Церковь, Церковь Св. Духа, скоро восторжествует благодаря оружию Фридриха Сицилийского. Св. Франциск воскреснет во плоти, и начнется тогда третий период, седьмое и последнее состояние человечества. В чаянии этого таинства сделались бесполезными для спасения. Эта новая Церковь имела зачатки организации. На процессе в Каркассоне в 1325 г. имеется упоминание об одном монахе, которого Бог назначил папой вместо Иоанна XXII. Один бедный человек, сожженный в Тулузе в 1322 г., включил в свои молитвы имена семидесяти замученных спиритуалов. Культ спиритуалов был проще культа католической Церкви, так как приношения святым считались бесполезными. Вместо того, чтобы поставить свечку перед каким-либо

святым или Св. Девой или совершить паломничество в Компостелло, лучше было дать эти деньги бедным.

Узники, которых судил Бернар Ги в 1322 г. в Тулузе, объявили, что францисканский орден был разделен на три части: конвентуалы, желавшие сохранить свои житницы и погреба; фратичелли Сицилии, во главе которых стоял Генрих да Чева, и спиритуалы, или бегины, на которых обрушилось тогда все преследование. Две первые из этих групп, по словам узников, не соблюдали устав и будут уничтожены; тогда как их собственная секта будет существовать до конца мира.

Все члены секты давали обеты бедности и вели жизнь, полную жертв; одни занимались ручными работами, другие просили милостыню по дорогам. В городах и деревнях они имели небольшие помещения, которые называли Домами Нищеты, где жили все вместе. По воскресеньям и праздникам они собирались слушать чтения: правила и символы веры, жития святых, благочестивые книги, написанные самими же сектантами на народном языке. Особенно почитали они, как посланные Богом откровения, сочинения Оливи и «преображение св. Патрика», легендарный рассказ о смерти Оливи. Они даже посещали церковные службы, как и все католики. Но сектанты отличались одной особенностью, которую инквизиторы считали крайне предосудительной. Пред судом они довольно легко соглашались сознаться в своей вере, но ничто не могло заставить их выдать своих товарищей; подобная измена казалась им нарушением христианской любви к ближнему, которого ничто не могло оправдать.

Однако высшая заслуга нищеты проповедовалась так упорно в течение целого столетия, что огромная часть населения симпатизировала преследуемым спиритуалам. Много мирян, женатых и холостых, присоединялось к ним под именем терциариев; даже священники принимали их учения. Они скоро сделались сектой, не ограничивавшейся одними францисканцами и занявшей инквизицию вместо катаров, почти совершенно уничтоженных.

Казнь четырех спиритуалов в Марселе послужила сигналом к деятельному походу инквизиции. Святой трибунал принялся, не покладая рук, за уничтожение новой ереси по всей зараженной стране. Так как до этого времени не было надобности скрывать свои мнения, то легко было схватить подозреваемых. Строгость, проявленная инквизицией, отразилась в указе Иоанна XXII от февраля 1322 г.,

предписывавшем вызвать на суд всех терциариев подозреваемых округов и подвергнуть их тщательному допросу. В архивах Флоренции находится множество писем, написанных в феврале 1322 г., в которых магистраты и прелаты тосканских городов выступали в защиту терциариев и просили как милости, чтобы их не смешивали с новою сектою бегинов. То же самое происходило и в других местах. Список мучеников с каждым днем становился более длинным. Надо было всего лишь установить, думает ли обвиняемый, что папа имеет право отменять обеты вообще, в частности обеты нищеты и целомудрия. Отрицание этого права было общим положением, которому учили в школах и которое было установлено еще Фомой Аквинским. Уже в 1312 г. конвентуалы на диспуте перед Климентом V признали, что ни один францисканец не может владеть имуществом или взять себе жену по приказанию папы.

Но отныне следовавшим установленному учению надо было выбирать между отречением и костром. В Нарбонне, где епископы пытались сначала оказать покровительство спиритуалам, три жертвы были сожжены в 1319 г., семнадцать в Великий Пост 1331 г., а другие в 1322 г. В Монпелье преследование велось очень энергично в 1319 г. В Люнеле было сожжено семнадцать сектантов; в Безье — два в первый раз и семь в другой; в Пезена было сожжено несколько; в Тулузе в 1332 г. было казнено четыре человека; были также казни в Кабестане и Людеве. В Каркассоне костры пылали в 1319, 1320 и 1321 гг. и с 1325 по 1330 г. Сто тринадцать спиритуалов были казнены в Каркассоне с 1318 по 1350 г. Все эти дела разбирались доминиканскими инквизиторами. В 1323 г. сто четырнадцать спиритуалов были сожжены одними францисканцами инквизиторами. Впрочем, в Марселе инквизиция была в руках францисканцев, и ее считали чрезмерно строгой в отношении упорствующих членов ордена. Один из современников событий написал, что конвентуалы в своем торжестве над противниками вели себя как бешеные собаки и волки, без всякого милосердия пытая, убивая и вымогая деньги. Монах из Монпелье был сожжен за то, что утверждал: раз он дал обет нищеты и целомудрия, он не послушается папу, который прикажет ему взять женщину или собственность.

Люди, которые добровольно отдавали себя пламени, оспаривали право папы давать разрешение обетов; они могли защищаться против

папы, только нападая на источник его власти. Иоанн XXII для них олицетворил собой мистического антихриста, предшественника антихриста действительного. Римская Церковь была Церковью плотской; спиритуалам суждено основать истинную Церковь, которая выступила бы на борьбу с антихристом и которая, направляемая Св. Духом, открыла бы новую эру, во время которой любовь будет руководить человеком среди всеобщей бедности и самоотречения. Это было учение, проповедуемое Вечным Евангелием. Истинная Церковь, Церковь Св. Духа, скоро восторжествует благодаря оружию Фридриха Сицилийского. Св. Франциск воскреснет во плоти, и начнется тогда третий период, седьмое и последнее состояние человечества. В чаянии этого таинства сделались бесполезными для спасения. Эта новая Церковь имела зачатки организации. На процессе в Каркассоне в 1325 г. имеется упоминание об одном монахе, которого Бог назначил папой вместо Иоанна XXII. Один бедный человек, сожженный в Тулузе в 1322 г., включил в свои молитвы имена семидесяти замученных спиритуалов. Культ спиритуалов был проще культа католической Церкви, так как приношения святым считались бесполезными. Вместо того, чтобы поставить свечку перед каким-либо святым или Св. Девой или совершить паломничество в Компостелло, лучше было дать эти деньги бедным.

Узники, которых судил Бернар Ги в 1322 г. в Тулузе, объявили, что францисканский орден был разделен на три части: конвентуалы, желавшие сохранить свои житницы и погреба; фратичелли Сицилии, во главе которых стоял Генрих да Чева, и спиритуалы, или бегины, на которых обрушилось тогда все преследование. Две первые из этих групп, по словам узников, не соблюдали устав и будут уничтожены; тогда как их собственная секта будет существовать до конца мира.

Все члены секты давали обеты бедности и вели жизнь, полную жертв; одни занимались ручными работами, другие просили милостыню по дорогам. В городах и деревнях они имели небольшие помещения, которые называли Домами Нищеты, где жили все вместе. По воскресеньям и праздникам они собирались слушать чтения: правила и символы веры, жития святых, благочестивые книги, написанные самими же сектантами на народном языке. Особенно почитали они, как посланные Богом откровения, сочинения Оливи и «преображение св. Патрика», легендарный рассказ о смерти Оливи.

Они даже посещали церковные службы, как и все католики. Но сектанты отличались одной особенностью, которую инквизиторы считали крайне предосудительной. Пред судом они довольно легко соглашались сознаться в своей вере, но ничто не могло заставить их выдать своих товарищей; подобная измена казалась им нарушением христианской любви к ближнему, которого ничто не могло оправдать.

Секта, основным принципом которой было полное отречение от всякого имущества и которая предавалась апокалиптическими мечтаниями Вечного Евангелия, никогда не могла сделаться страшной, хотя она и была неприятной своим молчаливым, а иногда и резким протестом против роскоши и светскости Церкви. Возникнув в той стране и в ту эпоху, где и когда инквизиция была прекрасно организована, она не могла рассчитывать на жизнь и пала под энергичным давлением. Но невозможно определить точно время ее исчезновения. Иоанн XXII в феврале 1331 г. снова издал буллу «Святой Рим», добавив к ней предисловие, обращенное к епископам и инквизиторам, в котором заявлял, что секта процветала по-прежнему, и приказывал принять более энергичные меры к ее уничтожению. Это предисловие послужило поводом к новым преследованиям, но с этого времени мы теряем секту из виду, по крайней мере как строго определенную группу.

В то время, когда секта жила деятельной жизнью, она распространилась за Пиренеи в Арагоне. Еще раньше, чем собор в Безье в 1299 г. узнал официально о народившейся ереси, епископы Арагона, собравшись в 1297 г. в Таррагоне, установили меру подавления бегинов, распространивших свои заблуждения по всему королевству; все францисканские терциарии были взяты под надзор. Особенно боялись их сочинений на народном языке и поэтому потребовали их выдачи. Арнольд де Виллануэва выступил горячим защитником спиритуалов. Когда Арнольд и Климент V умерли, преследование началось. На другой день после смерти Климента V в 1314 г. инквизитор, один из ожесточенных противников Арнольда, принялся уничтожать сектантов. Все упорно остались при своих убеждениях, были выданы светским властям и сожжены. Одного покаявшегося выхватили из огня полуобгорелым, вылечили и осудили на пожизненное тюремное заключение; но через двадцать лет раскрыли, что он тайно оставался спиритуалом, и в 1335 г. его сожгли

как рецидивиста. В ноябре 1316 г. инквизитор и прево вакантной Таррагонской кафедры созвали собрание доминиканцев, францисканцев и цистерцианцев. Это собрание осудило апокалиптические и спиритуалистические сочинения Арнольда и приказало, чтобы все экземпляры их были выданы не позднее десяти дней под угрозой отлучения от Церкви. В 1326 г. был сожжен спиритуал вместе с одним своим учеником. Около этого же времени Иоанн XXII издал несколько булл, приказывавших приступить к строгому розыску еретиков во всем Арагоне, Валенсии и на Балеарских островах. Спиритуалы были предоставлены суду епископов и инквизиторов, вопреки всем привилегиям и неприкосновенностям, которые они имели ввиду их принадлежности к францисканскому ордену.

Принципы иоахизма в несколько измененной форме встречаются у францисканца Хуана де Пера-Тальяда или Рупесисса, более известного под именем Жана де-ла-Роштальяд. Выдающийся проповедник и миссионер, он нес свое слово от своей родины Каталонии до отдаленной Москвы. Он бичевал пороки Церкви и также толковал пророчества псевдо-Иоахима. Как и спиритуалы, Хуан с любовью переносился мысленно к первоначальным временам святой бедности, на которой до Константина покоились основания веры. Когда в 1349 г. он явился в Авиньон провозгласить свое учение, его не удалось осудить на костер, но его поспешно заключили в тюрьму. Внешним поводом для наказания были его иоахические умозрения относительно антихриста. Мечтания Хуана были однородны с мечтаниями Вечного Евангелия, но оставались в границах католичества. В ноябре 1349 г. он написал в своей тюрьме рассказ о чудесном видении, которого он удостоился в 1345 г. в награду за постоянные молитвы и умерщвление плоти: Людовик Баварский был антихристом, который поработит Европу и Африку в 1336 г., в Азии же явится другой тиран, затем наступит раскол, во время которого будут двое пап. Антихрист будет владычествовать над всей землей и явится много еретических сект. После смерти антихриста последует пятидесятипятiletняя война; евреи будут обращены, и с разрушением королевства антихриста начнется новое тысячелетие. Власть над миром перейдет тогда к обращенным евреям; все будут терциариями францисканского ордена, и францисканец будет образцом святости и

нищеты. Еретики укроются в неприступных горах и на морских островах, откуда они поднимутся в конце тысячелетия. Тогда появится второй антихрист, и с ним наступит период долгих страданий, который кончится только тогда, когда небесный огонь поразит и уничтожит его учеников. Затем наступят конец мира и Страшный Суд. В 1356 г. он написал труд, в котором предвещал, что пороки духовенства будут причиной потери всех богатств Церкви; в шесть лет Церковь будет доведена до апостольской нищеты, и около 1370 г. она начнет возвращать себе былое достоинство; все человечество будет тогда подчиняться власти Христа и его представителя на земле. С 1360 по 1365 г. поднимутся земные пресмыкающиеся и уничтожат всех животных и птиц. Бури, потоп, землетрясения, голод, чума и война выметут злых. В 1365 г. появится антихрист, и вероотступников будет так много, что верные будут чрезвычайно редки. Царство антихриста будет непродолжительно. В 1360 г. по 1365 г. папа, избранный согласно с каноническим законом, приведет человечество в христианство, после чего все кардиналы будут избраны в греческой Церкви. Во время этих бедствий францисканцы будут совершенно уничтожены в наказание за несоблюдение устава. Но оставшиеся в живых изменят свой образ жизни, и орден наполнит землю своими учениками. Два францисканца самой смиренной нищеты проведут Церковь через эти бедственные перемены судьбы. До этого же времени Хуан советовал всем, кто желает пережить волнения в природе и в обществе, собрать в горных пещерах богатый запас бобов и меда, соленого мяса и сушеных фруктов. После смерти антихриста начнется тысячелетие. В продолжение семисот лет, т. е. приблизительно до 2000 г. христианской эры, род человеческий будет добродетелен и счастлив; но затем начнется падение.

Влияние Вечного Евангелия не было еще вполне исчерпано. В 1388 г. Фома Апулийский проповедовал в Париже, что царство Духа Святого уже началось и что Бог поручил ему быть вестником Бога. Миссия его скоро прервалась, так как его заперли, как сумасшедшего. Около 1445 г. Николай Бульдесдорф заявил, что Бог его известил о конце времени Нового Завета, наступило Царство Духа Святого, который восстановит человека в его первобытной невинности. Сам же Николай есть Сын Божий, посланный объявить миру добрую весть. Он послал заседавшему в Базеле собору разные трактаты, посвященные

этим учениям и даже лично предстал перед отцами собора. Быстро эти сочинения попали в огонь, а автор — в тюрьму. Затем тщетно старались довести его до отречения от заблуждений; Николай погиб в 1446 г. на костре.

Однако продолжали утешать себя мыслью, что грех и бедствие не могли быть пределом человеческого существования и что испорченная Церковь, мнящая себя представительницей Христа, должна была уступить место более совершенной организации, которая даст новое откровение. Около 1466 г. два мирянина знатного происхождения начали распространять в Эгере апокалиптические пророчества, исходившие, по их словам, от одного монаха, оставившего монастырь. По их словам, папа был антихристом. Индульгенции бесполезны: церковные богослужения — суета; но близок день освобождения. Уже родился Помазанник Христа, который приведет всех верных в лоно Церкви, причем будет вырезано все духовенство, кроме четырех нищенствующих орденов. Предшественником этого нового спасителя будет Иоанн с Востока, который явится в 1467 г. Ересь быстро распространилась по Эгеру и его окрестностям. Юрий Подебрад сначала принял благосклонно сектантов, но лишил их своего покровительства, когда духовные власти начали их преследовать. 5 декабря 1466 г. эти люди были вызваны на суд епископом. Известно, что один из них умер в тюрьме после 1467 г.

Но мир не освободился от этого рода умозрений. Даже наше время не улучшило условий человеческой жизни настолько, чтобы положить конец желанию духовного преобразования общества.

Глава 2. ГИЛЛЕЛЬМА И ДОЛЬЧИНО

Духовная экзальтация проявилась в небольшой группе гиллельмитов и в более опасной секте дольчинистов, или Апостольских Братьев.

Около 1260 г. в Милан прибыла женщина по имени Гиллельма. Она имела некоторое состояние, и ее считали родственницей чешского короля.

Гиллельма была очень набожна и творила добрые дела. Ее ученики и последователи основали общину, объединенную общим почитанием благочестивой Гиллельмы, в которой скоро начали видеть святую и приписывали ей чудесные исцеления; говорили, что она удостоилась стигматов. Утверждали, что она обратит евреев и сарацин и введет среди всех людей единую веру. Около 1276 г. высокопоставленное лицо Милана Андрей Сарамита и Майфреда ди Пировано, монашенка из старинного Биассонского монастыря, двоюродная сестра Маттео Висконти, стали распространять слухи, что она женское воплощение Третьего Лица Св. Троицы, Св. Духа, так же как Христос был воплощением Второго Лица; и плоть Гиллельмы была также плотью Христа. Андрей Сарамита показывал на допросе, что он слышал это от самой Гиллельмы. Монах Секко показал, что у него по этому вопросу возник спор с Андреем, и оба они решили обратиться к самой Гиллельме; она возмутилась и заявила, что имеет такое же тело, как и все люди, что, как всем известно, она пришла в Милан с сыном и что, если Секко и Андрей не покаются в подобном богохульстве, то будут осуждены на вечные муки.

Гиллельма умерла 24 августа 1281 г., завещав все свое имущество большой цистерцианской общине в Киаравалле, близ Милана, в которой она хотела быть погребенной. Цистерцианцы обрадовались случаю, который увеличивал богатство и доходы их монастыря. В ту эпоху обретение новых святых было делом чрезвычайно выгодным. Архиепископ Милана не препятствовал установлению почитания Гиллельмы. Над ее могилой соорудили часовню и алтарь. В Гиллельме видели святую. В честь святой было два праздника: в день ее смерти и в день перенесения ее тела в церковь. В эти дни богомольцы

собирались в аббатство, и монахи получали приношения от верующих. Один из учеников Гиллельмы, Джаккобе де Новати, знатный миланец (в его замке обычно собирались гиллельмиты), умирая, завещал все свое состояние на монастырь.

Среди поклонников Гиллельмы была небольшая группа посвященных, которые видели в ней воплощение Св. Духа. Они верили, что среди них жил Дух Утешитель, который скоро явится снова, Св. Дух снизойдет на своих учеников, и новая Церковь начнет эру любви и блаженства. Главным апостолом этого учения был Андрей. Он выдавал себя за первого и единственного духовного сына Гиллельмы, получившего от нее откровение. Он учил, что архангел Рафаил возвестил блаженной матери Гиллельмы, что Дух Святой воплотился в ней; через год в день св. Пятидесятницы родилась Гиллельма; она избрала себе образ женщины, так как если бы она родилась мужчиной, то погибла бы подобно Христу и с ней погиб бы весь мир. Посещая гробницу в Киаравалле, говорил он, можно получить такие же отпущения грехов, как за паломничество к Гробу Господню. Опреснок, который освящали через возложение на гробницу, делили между собой ученики, создавая новую форму причастия. Кроме двух общепризнанных праздников посвященные праздновали еще особый, в день Пятидесятницы, когда ожидали нового появления святой. При этом было также готово краткое изложение учения Гиллельмы. Майфреда составила молебен Св. Духу и молитвы для церковной службы. Во время второго пришествия Гиллельмы, когда папство исчезнет, Майфреда должна была сделаться папой, наместником Св. Духа; будет образована новая коллегия кардиналов, в члены которой было пока избрано только одно лицо — молодая девушка по имени Тария. В ожидании своего посвящения в папы Майфреда была предметом особого поклонения. Гиллельмиты предсказывали пришествие Св. Духа в день Пятидесятницы 1300 г. Верующие проявили странный материализм, приготовив для ожидаемого Бога дорогие одежды и священные сосуды.

Среди сектантов было немало представителей знатных миланских гибеллинских родов, тесно связанных с Висконти, людей высокообразованных, дипломатов и юристов.

Когда ересь была обнаружена, то народная молва приписала сектантам половые крайности, которые без разбору приписывали

всякому, уклонявшемуся от католичества. Число членов секты было около ста тридцати человек, а посвященных- всего тридцать пять-сорок, столько же было и виновных по признаниям, полученным инквизицией.

В 1284 г., вскоре после смерти Гиллельмы, двое из ее учеников открыли тайны их веры матери брата одного монаха, который рассказал все инквизитору. Немедленно были вызваны Андрей, его жена, сестра и дочь, а также Майфреда и некоторые другие. Обвиняемые отреклись, инквизитор простил их и отпустил, ударив только по плечу прутом, что обозначало наказание плетьюми, которого они заслуживали. Этому делу не придавали особого значения и обвиняемых не заставили выдать имена своих единомышленников. Новое расследование было поднято другим инквизитором в 1295 и 1296 гг.; подробности этого расследования неизвестны.

Весной 1300 г. секта вновь привлекла к себе внимание инквизиции. На Пасху (10 апреля) инквизиторы вызвали и подвергли допросу Майфреду и еще несколько лиц. Над ними учредили надзор и собрали тайно обвинительный материал. 18 июля один из сектантов явился к инквизитору, раскрыл ему все дело и назвал главных участников. Андрей обличил изменника и старался узнать, что он сказал; но 20 июля Андрей сам был вызван. Он показал, что никогда не слышал, чтобы говорили про Гиллельму, что она выше других святых; его объяснениями удовлетворились и отпустили, приказав явиться на другой день, а пока хранить все дело в глубокой тайне. Сначала главные подсудимые утверждали, что невиновны и ничего не знают; а затем — полное сознание; особенно это очевидно в показаниях Андрея и Майфреды, которые отреклись от ереси в 1284 г. Они знали, что, будучи рецидивистами, они своим сознанием в ереси сами осуждали себя на костер. То же было и с теми, кто не был виновен во вторичном возвращении к ереси.

Единственный сохранившийся приговор был вынесен 28 августа собранием, на котором архиепископ заседал рядом с инквизиторами. Осуждение касалось только одной сектантки, которая как рецидивистка была выдана в руки светской власти для сожжения на костре. Подобная участь постигла одного священника, сильно замешанного в этом деле. Андрей и Майфреда были казнены между 1 и 9 сентября. Допросы учеников продолжались до середины октября.

Для наложения меньших наказаний инквизиторы не пользовались советами экспертов и даже не сообщались с архиепископом. Однако инквизиция проявила большую снисходительность к последователям этой революционной ереси. Нельзя точно определить число жертв, приговоренных к костру, но их было не более четырех или пяти. Это были закоренелые еретики и рецидивисты из тех, кто принес отречение в 1284 г. Остальные же подверглись наказаниям чрезвычайно легким. Одна из самых горячих сектанток на первых допросах была уличена в клятвопреступлении, и ее с трудом удалось довести до признания в заблуждении: тем не менее, когда 6 октября она смиренно умоляла снять с нее отлучение от Церкви, то инквизитор согласился снять с нее духовное наказание, обязав подчиниться приказаниям Церкви и инквизиции и выполнить епитимьи, которые будут на нее наложены. Двум сектанткам инквизитор разрешил грехи, после того как они отреклись от ереси и предоставил их духовникам избрать для них епитимью. Самой суровой карой, кроме наказания еретиков-рецидивистов, было осуждение на ношение крестов: но и это наказание, наложенное в сентябре и октябре, было в январе заменено штрафом в двадцать пять ливров, которые следовало уплатить в феврале; это показывает, что имущество осужденных не было конфисковано. Даже Тария, мечтавшая о кардинальской шапке в будущей Церкви, подверглась только такому же наказанию, которое также было заменено штрафом. Но инквизиция немедленно производила конфискацию имущества только осужденных на смерть. В феврале 1302 г. святой трибунал вел борьбу против аббатства с целью добиться от монахов выдачи денег, завещанных Гиллельмой. Инквизиция в своих требованиях опиралась на то, что покойная была еретичкой, и поэтому ее духовное завещание не действительно. Чем кончилось дело, неизвестно, но, вероятно, аббатство было вынуждено уступить. Так окончилось это дело, которое является почти единственным примером снисходительности святого трибунала.

В конце XIII. — начале XIV вв. ненормальное развитие францисканского движения проявилось в Парме. В 1260 г. молодой человек из Пармы, Герардо Сегарелли, нашел многочисленных подражателей. Человек весьма низкого происхождения, совершенно необразованный и неразвитый, он тщетно пытался вступить в орден францисканцев. Ему в этом было отказано, и он проводил свое время в

францисканской церкви, где предавался мечтаниям. Мало-помалу Сегарелли пришел к убеждению, что жизнь апостольская составляла сущность монашеского существования и была выше даже, чем бытие самих францисканцев. Он продал то немного, что имел, бросил вырученные деньги лентяям, гревшимся на солнце, которые богохульствуя тотчас же проиграли их. Подражая Христу, Сегарелли подверг себя обрезанию; затем велел запеленать себя, положить в колыбель и кормить грудью. Выполнив это посвящение, он начал бродить по улицам Пармы, крича: «Раскаяние наступит!». Он нашел себе товарища — францисканского служителя Роберта (Льюто). Этот отъявленный лгун стал видным членом секты; кончил же он вероотступничеством и женитьбой на одной отшельнице. Герардо и Льюто бродили по Парме, призывая людей каяться. Вокруг них собирались последователи, и вскоре секта насчитывала до трехсот членов. Это были невежественные крестьяне, свинопасы и пастухи, склонные к безделью, получавшие, однако, избыток средств к существованию и народное поклонение, никому ничего не давая взамен, даже молитв о спасении души.

В 1274 г. Лионский собор сделал попытку прекратить эту эпидемию нищенствующих сообществ, только запретив принимать новых членов. Апостолы, или Апостольские Братья, обошли это решение: когда к ним являлся неофит, они говорили: «Мы не можем принять тебя, так как это запрещено нам; но тебе не запрещено прийти к нам; делай, как тебе нравится». Таким образом орден рос чрезвычайно быстро. В 1284 г. через Модену и Реджио прошли семьдесят человек в Парму к Сегарелли, в его общину; а через несколько дней прибыло двенадцать молодых девушек, именовавших себя Апостольскими Сестрами. Сегарелли послал учеников по всей Европе и за моря проповедовать миру евангельскую жизнь. Уже в 1287 г. Вюрцбургский собор объявил бродягами этих странствующих апостолов и запретил давать им пищу. Отрекшийся в 1322 г. перед тулузской инквизицией сектант заявил, что он был присоединен к секте двадцать лет тому назад неким апостолом, пришедшим из Ломбардии. В Каталонии в 1305 г. Таррагонский собор повелел арестовать и изгнать этих сектантов. Гидоне Путаджи, брат Болонского подесты, принадлежавший вместе со своей сестрой к секте, видя, что ленивый Сегарелли не желает взять на себя управление делами, в

течение многих лет стоял во главе общины. Но он отрекся от нищеты, бывшей основным принципом секты, вел блестящий образ жизни и тратил деньги, как какой-нибудь кардинал или легат, так что в конце концов надоел братьям, и они избрали на его место Малтео Анконского. Это избрание произвело раскол. Гидоне захватил Сегарелли и увел его в Фаэнцу. Сторонники Маттео преследовали его и пытались отбить Сегарелли; анконцы потерпели поражение. Однако Гидоне не считал себя в безопасности и порвал с Апостолами.

Епископ Пармы Опицо, племянник Иннокентия IV, симпатизировал Сегарелли и поэтому оказывал покровительство Апостолам. Однако в 1286 г. три брата совершили в Болонье крупное преступление и были немедленно повешены по распоряжению подеста. После этого случая Гонорий IV приказал сектантам присоединиться к какому-либо утвержденному ордену; он предписал прелатам наказывать не повинующихся тюрьмой, а в случае надобности прибегать к помощи светской власти; он запрещал верным сынам Церкви подавать милостыню мятежным и принимать их. Это было формальное осуждение ордена. Епископ Опицо изгнал Братьев из своей епархии и заковал Сегарелли в цепи; затем от смягчился и поместил его в своем дворце в качестве шута.

Папское осуждение на время сократило энергию учеников Сегарелли; хотя число их уменьшилось и общественная благотворительность отвернулась от них, их все же оставалось порядочно, и они продолжали просить милостыню по улицам и дорогам. Николай IV издал буллу Гонория снова в 1291 г. В 1294 г. двое мужчин и две женщины из Апостолов были сожжены в Парме, а епископ Опицо осудил в то же время Сегарелли к пожизненному тюремному заключению. Горячий миссионер секты Стефан, который был опасен благодаря своему красноречию, был сожжен инквизицией. Сегарелли спас свою жизнь только отречением; но он упорствовал в своих заблуждениях. Пармский инквизитор осудил его как еретика-рецидивиста, и Сегарелли был сожжен в Парме 18 июля 1300 г. Многие из его учеников были схвачены инквизицией, подверглись различным наказаниям, и Парма была очищена от ереси.

Нет доказательств, чтобы Сегарелли проповедовал какое-либо особое учение, кроме того, чтобы носить одежду секты, жить в полной нищете, воздерживаться от работы, рассчитывать на общественную

благотворительность, не думать о завтрашнем дне, бродить без крова, призывая людей к покаянию, и охранять полнейшее целомудрие; в этом до последнего момента заключался устав Апостольских Братьев. Соблюдение этого устава было строгое. Апостолы осуждали употребление присяги. Их обвиняли в безнравственности; это обвинение было основано на том, что мужчины и женщины бродили совместно и, по примеру первых христиан, спали все вместе голые. Однако, список их заблуждений, составленный хорошо знавшими их инквизиторами, свидетельствует, что эта распущенность не была возведена в догмат веры. Лень и беспечность бродячей жизни привлекали в ряды сектантов немало мужчин и женщин дурного поведения.

Месяц спустя после казни Сегарелли, в августе 1300 г., брат Дольчино изложил учение общины Апостолов в послании, содержание которого сводилось к следующему. Пророчество, что эра Святого Духа начнется в 1260 г., исполнилось с появлением Сегарелли в это время. Принимая это совпадение за указание, Дольчино описал четыре последовательных периода Церкви: первый — от сотворения мира до Христа; второй — от Христа до Сильвестра и Константина, — был периодом святости и бедности; третий период от Сильвестра до Сегарелли был периодом, во время которого Церковь, несмотря на реформы Бенедикта, Доминика и Франциска, утратила божеское расположение; четвертый период начался с Сегарелли и будет длиться до Страшного Суда. Далее Дольчино приводит пророчества, что Церковь ныне почитаема, богата и развратна и останется такой не более трех лет до того дня, когда все духовенство и монахов настигнет жестокая смерть. Послание оканчивалось собранием апокалипсических пророчеств о близком пришествии антихриста, о торжестве святых, о царстве бедности и любви под правлением благочестивого папы. Дольчино заявляет, что он был послан Богом, чтобы осветить писания и пророчества. Лица духовного звания слуги сатаны; но скоро Дольчино, его ученики и все, кто присоединится к ним, окончательно захватят власть и уничтожат их.

Дольчино брал на себя роль ересиарха, объявил себя истолкователем воли Бога и обещал своим ученикам близкую победу и возмездие лишений, которые они испытают под его управлением. Верил ли он сам в свои пророчества, был ли он фанатик или просто

шарлатан, сказать трудно. Но, по-видимому, он был искренен. Дольчино являлся сыном священника из Тронтано в Вал д'Оссола или отшельника из Прато в Вальсезии близ Новары. Привезенный еще ребенком в Верчейль, он был воспитан в приходе св. Агнессы священником, который дал ему образование. Одаренный блестящими способностями, Дольчино вскоре сделался первым учеником; несмотря на свой малый рост, он отличался приятной внешностью и привлекал к себе всеобщую любовь. Позднее его красноречие сделалось настолько убедительным, что никто не мог устоять против его чар. Однажды у священника пропало много денег, и он заподозрил в краже своего слугу. Последний пыткой вырвал у маленького Дольчино истинное или ложное признание. Вмешательство священника помешало придать делу огласку; но Дольчино от стыда и страха бежал. К секте Апостолов он примкнул в 1291 г. в Тренто и быстро занял в ней видное место; три раза попадал в руки инквизиции и три раза отрекался. Это не повредило его положению в секте, так как Апостолы допускали в принципе, что можно было обманывать святой трибунал и приносить клятву устами, а не сердцем, но если смерть была неизбежной, то ее следовало встретить с радостью, но не выдавать своих единомышленников.

В течение трех лет, следовавших за его посланием от августа 1300 г., о Дольчино было известно в Милане, Брешии, Бергамо и Комо. Эти годы были посвящены пропаганде и организации. В декабре 1303 г. Дольчино выпустил новое послание, в котором выдавал за божественное откровение то, что с падением Бонифация VIII в сентябре открывался первый год несчастий, которые должна была перенести Церковь. В 1304 г. Фридрих Сицилийский станет императором и велит уничтожить кардиналов вместе с дурным папой, только что избранным ими; в 1305 г. император произведет чистку среди прелатов и испорченных духовных. В это время последователи Дольчино, раньше вынужденные скрываться от преследования, выступят и открыто соединятся со спиритуалами других орденов, получают благодать Св. Духа и оснуют новую Церковь. Дольчино провозгласил себя главой Апостольской Конгрегации, насчитывавшей четыре тысячи человек, подчинявшихся только закону Св. Духа. Сто из них, женщин и мужчин, были обязаны наблюдать за своими собратьями; у самого же Дольчино было четыре помощника:

Лонджино, Федериги, Альберто и Вальдериго. Много выше их ересиарх поставил свою любимую во Христе сестру Маргариту ди Транк, происходившую из знатной, богатой семьи. Она отличалась замечательной красотой и получила воспитание в Тренте, в монастыре Св. Екатерины. Дольчино одно время прислуживал в этом монастыре. Она бежала с ним из монастыря и оставалась верной ему до конца. Дольчино постоянно утверждал, что отношения между ними были чисто духовные, церковное духовенство уверяло, что Маргарита родила от него ребенка, рождение которого было представлено так, как от Святого Духа.

Два послания Дольчино были формально осуждены Пармским епископом и инквизитором. Дольчино в послании, написанном в декабре 1303 г., указывал, что сектантам необходимо скрываться, но сам не последовал этому совету. В 1304 г. он с несколькими учениками начал проповедовать обращения в окрестностях Верчейля. Инквизиция быстро открыла его след, но ей не удалось захватить ересиарха. Дольчино провел несколько месяцев в Борго ди Сезиа, где совершал обращения и наставлял учеников. Однако была сделана попытка выжить его из его убежища. Поэтому Апостолы поднялись к истокам Сезии и основались на почти недоступной скале, где построили себе хижины. Так прошел 1304 г. Число еретиков было до тысячи четырехсот душ обоего пола; все они видели в Дольчино пророка, малейшее слово которого принималось за закон. Уже тем, что они соединились вопреки вызову инквизиции, они стали открытыми мятежниками против Церкви. В начале 1305 г. они пополнили свои скудные запасы провизии грабежами населения долин: это было объявлением войны светской власти и Церкви.

С благословенья папы Климента V начали проповедовать крестовый поход для уничтожения еретиков. 5 июня 1305 г., а затем 24 августа была образована лига для истребления бродяг, которые мутили страну. В силу папских полномочий Верчейльский епископ и инквизиторы собрали значительный отряд и выступили против Апостольских Братьев. Дольчино ночью снялся с места. Крестоносцы, полагая, что враги рассеялись, вернулись домой. Новым убежищем дольчинистов стала гора Голая Стена. Апостолы, укрепившись на ней, грабили соседние долины, добывая себе пропитание. Подеста Варалло собрал население Вальсезии для того, чтобы выгнать еретиков из их

убежищ; но Дольчино устроил засаду и враг был захвачен в плен почти со всеми своими людьми, Дольчино взял с пленных выкуп, который покрыл на некоторое время издержки по содержанию еретиков. Грабежи продолжались, и вскоре все окрестности были совершенно опустошены; церкви были ограблены, жители изгнаны.

Зимой 1305–1306 г. голод сделался для еретиков невыносимым. Ночью на 10 марта они покинули Голую Стену, оставив слабых. Пролагая путь через вершины, покрытые толстым слоем снега, они перешли на гору Рубелло, высившуюся над деревней Триверио в Верчейльской епархии. Ряды их значительно поредели. Ночью еретики спустились грабить город Триверио. Жители не оказали сопротивления, и никто из них не был убит; но тридцать четыре еретика были отрезаны от горы и преданы смерти. Верчейльский епископ вновь собрал крестоносцев. Дольчино сделал вылазку, войска епископа были отбиты и потеряли много пленных, которые потом были обменены на съестные припасы. Еретики возвели укрепления, построили дома и выкопали колодец. Сделав свою позицию неприступной, они считали себя в безопасности. Но, остатки епископской армии, занявшие Моссо, устроили крепкую блокаду. В начале мая Дольчино, чтобы достать съестных припасов, ловким стратегическим движением вызвал нападение со стороны осаждавших, завлек их в засаду и захватил много пленных, которых обменял на провизию. Силы епископа были истощены, и он снова обратился к Клименту V, который предал еретиков анафеме и дал полное отпущение грехов всем, кто в течение тридцати дней будет служить в Господней армии или кто уплатит вместо себя за рекрута. Было собрано сильное войско. Однако нападающие были отброшены. Дольчино укрепил и занял отрядами шесть соседних вершин, откуда делал набеги на окрестности с целью добычи съестных припасов. Чтобы положить конец этим опустошениям, крестоносцы выстроили два форта, в которых оставили крепкий гарнизон. Чтобы совершенно лишить еретиков съестных припасов, крестоносцам запретили обменивать пленников на провизию, и еретики стали их убивать. Верчейльский епископ приказал воздвигнуть вокруг укреплений еретиков пять новых фортов. В течение зимы 1306–1307 г. многие еретики погибли от истощения и холода. В конце марта епископ организовал четвертый крестовый поход, и в Чистый Четверг (23 марта

1307 г.) более тысячи (по другим свидетельствам, не более трехсот) еретиков погибло. Епископ приказал схватить живыми Дольчино, Маргариту и Лонджино. Вместе с Дольчино было взято в плен до ста пятидесяти Апостолов.

Дело их было совершенно ясно; тем не менее епископ испросил указаний папы Климента, как наказать этих еретиков.

В ожидании ответа папы пленники сидели на цепи в темнице верчейльской инквизиции. Были сделаны обычные попытки добиться от виновных сознания и отречения; но они мужественно подтверждали свою веру. Через два месяца от Климента пришел указ судить и наказать еретиков на самом месте их преступления. В Верчейль было созвано собрание экспертов. Виновность судимых была вне сомнения, и они были выданы в руки светской власти. 1 июня 1307 г. узники были выведены из темницы. Маргариту сожгли на медленном огне на глазах ересиарха, а затем и его самого живого медленно разрывали на мелкие части раскаленными щипцами. Лонджино подобным же образом был казнен в соседнем селении Биелле.

Были уничтожены Дольчино и его непосредственные ученики; но оставались еще тысячи Апостольских Братьев, рассеянных по всей стране и тайно привязанных к своей вере. Сектанты отказались от своих ожиданий антихриста; но продолжали сохранять убеждение, что достигли духовного совершенства, что свободны от всякого повиновения человеку и что вне их общины (Духовной Конгрегации, или Ордена Апостолов) нет спасения.

Сектанты жили отныне в нищете, не имели денег, питались милостыней и никогда не прятали ничего на завтра. Им запрещалось всякое соблюдение внешних обрядов религии. Человек мог поклоняться Христу в лесу, в свином хлеву, в освященном здании. Священники, прелаты и монахи приносили только вред вере. Таинство покаяния не отвергалось, но папа не мог дать разрешения грехам, если он не был так же благочестив, как апостол Петр, не жил в полной бедности и смирении, не воздерживался от войн и преследований и запрещал всем верным жить свободно. Индульгенции и отпущения, продаваемые по всему христианскому миру, не имеют никакого значения. Апостолы разделяли еретическое мнение вальденцев, запрещавших присягу даже перед судом.

В 1316 г. Бернар Ги нашел еретиков Апостолов в Лангедоке и прогнал их за Пиренеи. Он просил всех прелатов Испании уничтожить этих еретиков. Апостолы были известны и в Германии, Кельнский собор 1306 г. и Трирский 1310 г. упоминают о них. В Лангедоке в 1368 г. Лаворский собор обращает внимание на Апостолов, которые бродят по стране, несмотря на запрещение Св. Престола, и под прикрытием показного благочестия распространяют ересь. Отцы собора приказывали духовным судам арестовывать и наказывать этих еретиков. В 1402 и 1403 гг. инквизитору Эйларду удалось схватить и казнить в Любеке и Висмаре двух Апостолов; это последнее достоверное упоминание о секте.

Ересь, представляющая звено между дольчинистами и немецкой сектой Братьев Свободного Духа, возникла в Италии под именем секты Духа Свободы. Они усвоили учение о том, что человек мог в этой жизни сделаться столь же совершенным, как и Христос. Этого можно достигнуть как добродетелями, так и грехами, так как в глазах Бога, не оставляющего человеку свободной воли, и те, и другие одинаковы. Душа очищается грехами; чем больше предается человек плотским страстям, тем больше они приближают его к Богу. Вечного наказания нет; души, не очистившиеся в достаточной степени на этом свете, подвергаются новому очищению и затем уже допускаются на небо.

Впервые эти сектанты были обнаружены около 1309 г. среди францисканцев Ассизи. Семь монахов сознались, отреклись от заблуждений и были осуждены на пожизненное тюремное заключение. Снова об этих еретиках заговорили в 1311 г., число их быстро росло между лицами духовного звания и мирянами Сполето. Климент послал в этот город епископа Кремонского, поручив ему уничтожить ересь. В 1327 г. инквизитор присудил во Флоренции к конфискации имущества и ношению крестов члена секты Духа, который считал себя непогрешимым. В 1329 г. инквизитор Ассизской провинции преследовал еретиков Духа Свободы. В 1337 г. Доминик Сави д'Асколи, человек примерного благочестия, начал распространять учения Духа Свободы, пуская в обращение рукописные трактаты; и якобы собрал десять тысяч учеников. Инквизиция его судила; он отрекся от своих заблуждений; сочинения его были сожжены по приказанию святого трибунала. Но он снова впал в ересь и был

окончательно осужден Св. Престолом в 1341 г., выдан в руки светской власти и сожжен в Асколи.

Глава 3. ФРАТИЧЕЛЛИ

В первой половине XIII в. папа Иоанн XXII и доминиканская инквизиция яростно преследовали спиритуалов, утверждавших, как, впрочем, и все францисканцы, что Христос и апостолы были нищими.

В 1321 г. доминиканский инквизитор Жан де Бон в Нарбонне судил одного из членов запрещенной секты. Среди приглашенных де Боном экспертов был францисканец Беранже Талон, доктор из Нарбоннского монастыря. Инквизиция обвиняла подсудимого в приверженности вере, что Христос и апостолы не имели никакого личного или общего имущества. Беранже заявил, что в этом веровании нет ничего еретического, к тому же и булла «Словно посе́вы тянутся к небесам ввысь» признала его правоверным. Инквизитор потребовал от эксперта-францисканца немедленного отречения. Беранже, чтобы избежать преследования и для разрешения спора, обратился к папе, но был арестован в Авиньоне инквизицией. Иоанн XXII выпустил 26 марта 1322 г. специальную буллу «Так как подчас», в которой отменял духовные кары, объявленные буллой «Словно посе́вы тянутся к небесам ввысь» тем, кто станет оспаривать ее предписания. В новой булле папа предложил прелатам и ученым вопрос: «Есть ли ересь в утверждении, что Христос и апостолы не имели никакого, — ни личного, ни общего — имущества?» Мнение францисканцев и других сторонников, убежденных, что самым верным путем к вечному спасению было отречение от всякого имущества, отныне можно было оспаривать и опровергать. Несколько десятков лет спустя папский духовник францисканец Альваро Пелайо высказывал мнение, которое разделял папа Иоанн, что за исключением отшельников, совершенно отрекшихся от мира, все должны честным трудом снискивать пропитание; человек может достигнуть святости честным трудом, а не нищенством; человеку здоровому грех жить за счет общественного милосердия и собирать милостыню, которая нужна немощным. Но на капитуле в Перузе 30 мая 1322 г. францисканцы еще утверждали, что учение о полной нищете Христа исходит от церкви и изложено в буллах «Словно посе́вы тянутся к небесам ввысь» и «Воззвания о Рае», что сам Иоанн одобрил это учение в булле «В чем причина волнений».

Это утверждение вызвало гнев папы. В декабре того же года в своей булле «На основании» Иоанн логически доказал, что пользование имуществом и право расходования его равносильно обладанию им; собственность, которой можно так пользоваться, является фактически полной и неограниченной. Теперь францисканцы уже не могли утверждать, что богатства их ордена принадлежат не им, а Св. Престолу, а они — всего лишь нищие, которым доверено лишь распоряжаться этими богатствами.

В январе 1323 г. уполномоченный ордена Бонаграция подал папе письменный протест против его решения. По распоряжению Иоанна, он был заключен в темницу за несогласие с тем, что обладание имуществом является необходимым условием существования его ордена, как и других. Великий схоластик, францисканец Вильям Оккам, в проповеди объявил еретическим мнение, приписывавшее Христу и апостолам обладание имуществом. Иоанн приказал епископам Болоньи и Феррары вызвать Оккама в месячный срок явиться в Авиньон. Окончательное решение папы по этому вопросу было объявлено 12 ноября 1323 г. в булле «Наряду с иными». Она ясно объявляла утверждение, будто Христос и апостолы не имели никакого имущества, основанным на ложном толковании Св. Писания, неверным и еретическим; утверждения францисканского капитула были осуждены; верившие в высшую святость нищеты были отнесены к еретикам.

Однако вскоре в спор папы с орденом францисканцев вмешался избранный в октябре 1314 г. и не признанный папой новый император Священной Римской империи Людовик Баварский. Желавший видеть на германском престоле французского короля Карла Красивого, папа 8 октября 1323 г. в Авиньоне издал буллу, требовавшую от Людовика отречения до папского решения об утверждении выборов, отменявшую присягу, данную ему, грозившую духовными карами всем, кто будет ему противиться, а его владениям и городам — отлучением и интердиктом.

В ответ в декабре 1323 г. Людовик выпустил Саксенгаузенский протест и вступил в сношения с враждебными Св. Престолу францисканцами. В протесте Людовик отмечает вмешательство Иоанна в права империи, а затем заявляет: так как ранее (в XIII в.) Церковь неоднократно высказывалась за нищету Христа, то Иоанн,

осуждая это учение в новых буллах «На основании» и «Наряду с иными», отсек себя от Церкви как явный еретик и стал недостойн занимать папский престол. Людовик обязывался клятвенно подтвердить свои слова перед общим собором, созванным в каком-либо безопасном месте.

Иоанн 11 июля 1324 г. объявлял, что Людовик, не явившись оправдаться в Авиньон, теряет право на империю; если же он будет упорствовать в неповиновении, то потеряет наследственное Баварское герцогство и другие владения. В то же время Людовика вновь вызвали на 1 октября в Авиньон, чтобы выслушать окончательное решение папы. 10 ноября Иоанн издал буллу «Так как причина происхождения», в которой доказывал, что имел право отменить решения своих предшественников, объявлял ересью учение, что Христос и апостолы только пользовались, а не владели имуществом.

Люди, враждебно относившиеся к притязаниям папства, сгруппировались вокруг Людовика Баварского. Среди них был Марсильо Падуанский, стоявший за главенство государства и за подчинение ему Церкви. В трактате «О переносе власти» Марсильо дал очерк истории возникновения Священной Римской империи и показал древнее подчинение Св. Престола императорской власти и неосновательность притязаний папы на утверждение императоров. Иоанн XXII осудил его как еретика. Покровительство, которое оказал ему Людовик, послужило лишним пунктом в обвинении императора в ереси.

Противником папы был и схоластик Вильям Оккам (1285–1349). Во время окончательного разрыва между папством и францисканцами-ригористами он находился уже под судом инквизиции, бежал из Авиньона вместе со своим генералом Михаилом Чезенским и нашел убежище у Людовика. Он связал вопрос о нищете Христа с вопросом о германской независимости. В 1324 г. Оккам заявил, что будет бороться против заблуждения «псевдоапы». Допуская главенство папы, он утверждал, что папа может впасть так же в ересь, как и Вселенский собор и весь христианский мир. Влияние Св. Духа не лишает человека свободы мысли и не мешает ему впасть в заблуждение. Оккам обвинил Иоанна XXII в семидесяти ересьях.

После издания булл «Наряду с иными» и «Так как причина происхождения» между Иоанном и главными лицами францисканского

ордена наступило как бы перемирие. В 1325 г. Михаил созвал капитул, который должен был заседать в Париже; но он опасался, что капитул попытается отменить решения, принятые в Перузе из-за давления папы через короля Карла Красивого. Поэтому он перенес заседания в Лион. Устав в отношении положения о нищете не был смягчен, но был принят статут, грозивший тюремным заключением всякому, кто будет непочтительно отзываться об Иоанне XXII и его декретах. Однако папа в августе 1327 г. в булле «Так как иногда» подтвердил, что он признал еретическим верование в нищету Христа и приказывал прелатам и инквизиторам преследовать виновных; обвиняемые лишаются всяких привилегий и подлежат общему суду, явно при этом имея в виду францисканцев.

В первую очередь эта мера была направлена против умеренных спиритуалов Италии — фратичелли, защищавших святость нищеты.

Решения Иоанна вызвали новый приток беглецов, недовольных отношением руководителей ордена к папским репрессиям против францисканцев, они увеличили ряды фратичелли, избрали генерал-министром Генриха да Чева, бежавшего в Сицилию во время преследования, воздвигнутого Бонифацием VIII, и объявили, себя независимыми от общей организации ордена.

Михаил Чезенский не осуждал преследования, направленного против непокорных братьев; он не сомневался, что булла августа 1327 г. имела их в виду, и по-прежнему продолжал выражать покорность. В июле папа вызвал его из Рима в Авиньон. Михаил явился к папе 2 декабря и до апреля 1328 г. оставался при папском дворе. Между тем, весной 1326 г. Людовик предпринял поход в Италию. В апреле он прибыл в Милан, чтобы получить там железную корону, Иоанн запретил ему идти дальше; император не исполнил этого приказания, и папа снова отлучил его от Церкви и велел проповедовать против непокорного крестовый поход. Людовик 7 января 1327 г. вступил в Рим, где приказал короновать себя 17 января императором. Как защитник веры, он обвинил папу в ереси отрицания нищеты Христа и 14 апреля обнародовал закон, разрешавший преследовать и осуждать всех явно считаемых изменниками и еретиками. 17 апреля было объявлено по просьбе духовенства и населения Рима решение о свержении папы. В нем среди прочих преступлений папы объявлялось, что он еретик, отрицающий нищету

Христа; всякому, кто окажет помощь или поддержку осужденному, император грозил конфискацией имущества.

12 мая население и духовенство Рима, согласно первоначальному обычаю, выбрало новым римским епископом Петра ди Корбарิโอ, францисканца, министра Абрुцской провинции и папского духовника. Новый папа принял имя Николая V; была образована новая коллегия кардиналов; он назначил нунциев и легатов и заменил епископов-гвельфов гибеллинами.

Хотя капитул, созданный в Ананьи францисканским префектом римской провинции, высказался против Петра ди Корбарิโอ и приказал ему отказаться от папского достоинства, орден не избежал ответственности за мятеж. Михаил Чезенский был объявлен пленником папы на честное слово; ему было запрещено покидать Авиньон под угрозой отлучения от Церкви, потери должности и ограничения прав в будущем. 14 апреля Михаил составил нотариальный протест. В присутствии Оккама и Бонаграции он заявил, что папа или еретик, или не папа; ибо или мнения Иоанна еретические, или Николай IV, Бонифаций VIII и Климент V были еретиками и, следовательно, не имеет законной власти образованный ими конклав, избравший Иоанна. Михаил протестовал против всего, что нарушало права ордена, и заявлял, что он сам был угнетен и подавлен, так что действия, к которым его принуждали, не могут иметь никакого значения и силы.

Михаил был задержан в Авиньоне, а в Болонье собрался генеральный капитул ордена. Иоанн поручил епископу Остии добиться выборов нового генерала. Капитул избрал снова Михаила. Ввиду драмы, разыгрывавшейся в Риме, Михаил боялся за свою жизнь и бежал 26 мая вместе с Оккамом и Бонаграцией. 9 июня он прибыл в Пизу. Отлученный от Церкви и лишенный сана, Михаил утверждал, что Иоанн — еретик, обесчестивший папское достоинство. На созванном папой в июле 1329 г. в Париже генеральном капитуле ордена францисканцев Михаил и все верные ему провинциалы были заменены сторонниками папы; Михаил был низложен и генералом избран Герард Одо; но добиться от капитула осуждения учения о нищете Христа папа не смог.

В Германии большинство францисканцев оставались верными Михаилу и Людовику. В январе 1331 г. Иоанн издал буллу, специально

направленную против них; она лишала привилегий и неприкосновенности всякого, кто будет признавать Людовика императором и отправлять богослужение в местностях, на которые наложен интердикт, и приказывала прелатам и инквизиторам преследовать мятежных. Однако Людовик и францисканцы Германии эту буллу игнорировали.

Вопрос о нищете Христа, который Иоанн и Людовик хотели сделать предметом возникшей между ними ссоры и в котором сильно были заинтересованы некоторые немецкие францисканцы, не поднимался в Германии после смерти Людовика в октябре 1374 г. и прекращения существования Мюнхенской колонии беглецов-францисканцев со смертью Михаила Чезенского в ноябре 1342 г. и Оккама — между 1347 и 1350 гг.

Иначе обстояло дело в Италии, родине францисканства. Там всегда были сильны убеждения в святости полной нищеты. Во время Бонифация и Климента и в начале папства Иоанна исповедовавшие осужденное учение скрывались или искали убежища в Сицилии. Они снова неожиданно появились и умножились благодаря францисканскому расколу. Падение антипапы-францисканца в январе 1330 г. и торжество Иоанна вызвали новое преследование их. Но и сторонники нищеты дошли до отрицания папского авторитета и обвинения Св. Престола в ереси. Эти люди считали, что убеждения их осужденных братьев были верны. В отношении к фратичелли тайное и сильное расположение распространялось не только между монахами, но иногда и между прелатами; в 1336 г. епископ Камерино и епископ Фирмо были обвинены в оказании покровительства этим еретикам и в разрешении им жить в их епархиях. Бенедикт XII в 1335 г. на другой же день избрания обрушился на этих Братьев бедного образа жизни, как сами они себя называли. Во многих местностях эти сектанты продолжали открыто высказывать свое несогласие с Церковью.

Они продолжали считать своим генералом Михаила, оскорбляли память Иоанна XXII и успешно занимались обращением. Их открыто поддерживали люди могущественные и высокопоставленные. Всем инквизиторам от Тревизо и Ломбардии до Сицилии было приказано очистить Церковь от этих нечестивцев; прелатам было предложено оказывать инквизиторам деятельную помощь. В 1337 г. инквизитор Анконской Марки получил приказ строго повести дело против

епископа Камерино и против других покровителей еретиков, настаивавших на нищете Христа. От кающегося инквизиторы требовали клятву: «Клянусь, что я верую в своей душе и совести и исповедую, что Иисус Христос и апостолы во время их земной жизни владели имуществом, которое приписывает им Священное Писание, и что они имели право это имущество отдавать, продавать и отчуждать».

В 1343 г. Климент VI приказал епископам Анконы и Осимо вызвать к папе до истечения трехмесячного срока сеньора Камерино, чтобы дать ответ за покровительство фратичелли, за препятствие свободному отправлению инквизиторами их обязанностей и за проявляемое им в течение нескольких лет презрительное отношение к наложенному на него инквизиторами отлучению от Церкви. Но сами инквизиторы, в особенности во францисканских округах, не всегда горячо относились к делу, потому что не могли получить выгоду от конфискаций у тех лиц, которые обладание имуществом считали грехом. В 1346 г. Климент сделал строгое замечание этим вялым преследователям. В этих спокойных округах фратичелли скрывались мало. Тоскана была полна фратичелли. Флоренция приняла против них суровые законы, осудив их на изгнание из города, предоставив всякому гражданину право арестовывать их и выдавать святому трибуналу и наложив штраф в пятьсот ливров на всякого чиновника, который, несмотря на приказание инквизиторов, откажется помочь им при аресте сектантов. В свою очередь около середины XIV в. фратичелли распространили по всей Италии документ, писанный на народном языке, «дабы всякий мог понять его»; в нем они заклеили всю иерархию Рима как еретическую. Поэтому фратичелли и сами были вынуждены отделиться от еретической Церкви; они выпускают заявление, чтобы показать свое направление. Если положения их в чем-либо ложны, то они просят указать им допущенную ошибку; но если учение их правильно, то все верные должны принять его; ибо, раз факты известны всем, то все те, кто пойдет вместе с прелатами и духовенством, еретическим и отлученным от Церкви, будут причастны к ереси.

Инквизитор Джакомо делла Марка, безжалостный искоренитель ереси, сообщает около 1460 г. в своем «Диалоге с фратичелло» сведения об окончательной форме учения фратичелли. Все сводится к вопросу о нищете Христа и о еретическом характере Иоанна.

Фратичелли клеймят католиков именем иоаннитов, а себя называют михаелитами, так что еретиков возводили к схизматикам-францисканцам, группировавшимся вокруг Михаила Мезенского, а не к спиритуалам. Они, выставя священников виновными в симонии и конкубинате, отвращают простой народ от духовенства; люди отказываются исповедоваться у священников, присутствовать на совершаемых ими богослужениях, получать таинства из их рук и платить десятину. Таким образом, фратичелли, воображая себя детьми Бога, являются, по мнению инквизитора, еретиками.

Уже с 1362 г. фратичелли образовывали несколько различных сект, из которых каждая считала себя единственно истинной Церковью. Неполнота документов, которыми располагает история, не позволяет подробно проследить различия этих фракций; можно только вообще утверждать, что еретическая Церковь не состояла из одних только отшельников и монахов; у нее было свое духовенство, свои верные миряне и свои епископы, во главе которых стоял верховный вождь или папа, известный под именем епископа Филадельфии (Филадельфия было мистическое имя общины). В 1367 г. этот пост занимал бывший аквинский епископ Томассо; в 1374 г. открыли другого папу в Перузе; в 1429 г. в это достоинство возвели Райнальдо. Был даже глава мирян, который назывался Императором Христиан!

Папы приказывали инквизиции уничтожить секты. Во время папства Урбана V в Витербо было сожжено девять фратичелли, а в 1389 г. несколько еретиков казнено во Флоренции. Сицилия и юг Италии оставались глубоко зараженными ересью. В Неаполе в 1362 г. было арестовано и сожжено много фратичелли на огромном костре. Тем не менее салернский архидьякон-фратичелло в 1362 г. получил епископскую кафедру в Тривенто, которую занимал до самой смерти около 1382 г. В 1372 г. Григорий XI узнал, что в Сицилии останки умерших фратичелли почитаются как мощи. Папа приказал инквизиторам положить этому конец, но народ продолжал считать фратичелли истинными детьми св. Франциска, давал им убежище и презирал францисканцев, не соблюдавших свой монашеский Обет. Францисканцы в 1374 г. вступили с фратичелли в публичный диспут в Перузе. Их представитель доказал, что повиновение папе стоит выше повиновения уставу, и фратичелли были изгнаны из города. Однако и после этой победы инквизиция не осмеливалась их преследовать.

Фратичелли не ограничивались обращениями в Италии. Они распространяли Евангелие между неверными и варварами. В 1344 г. Климент VI обратился к архиепископам, епископам и всем верным Армении, Персии и Востока, чтобы они остерегались «этих посланников Сатаны». Не имея в этих странах инквизиторов, папа приказывал прелатам разыскивать и наказывать этих еретиков. В 1346 г. Климент VI вызвал к себе в четырехмесячный срок самого севкийского архиепископа. Этот прелат, зараженный заблуждениями псевдоминоритов, составил на армянском языке и распространял по всей Азии толкования на Евангелие от Иоанна, в котором поддерживал запрещенное учение о нищете Христа. В 1354 г. Иннокентий VI приказал епископу Каффы вступить в борьбу при помощи инквизиционных приемов с фратичелли, которые вели деятельную миссию среди крымских татар. В 1375 г. Григорий XI приказал францисканскому провинциалу Египта и Сирии применить к фратичелли-миссионерам всю строгость законов против этих еретиков. Один из них заразил своей ересью христиан Туниса; Григорий приказал капитанам христианских войск, служивших у тунисского бея арестовать фратичелло и прислать его к архиепископу Неаполя или Пизы.

Уничтожали фратичелли в Лангедоке и Провансе. В 1336 г. в папские темницы Авиньона было заключено много еретиков, среди которых был папский капеллан. В 1364 г. в Монпелье были арестованы два тосканских фратичелли. Вырвать у них отречения не удалось, и они взойшли на костер.

Известий о фратичелли в Северной Франции не дошло. Имеется упоминание только о деле профессора Парижского университета Дениса Сульша, который в 1363 г. учил, что закон божеской любви уничтожен обладанием земными благами и что Христос и апостолы не имели ничего. Вызванный инквизитором, он отрекся перед факультетом, а затем обратился к папе. Папа отправил его к кардиналу Бове и в Сорбонну, которым было приказано добиться от него отречения и наказать его, посоветовавшись с инквизитором. В 1368 г. он принес публичное отречение.

Ересь в это время появилась и в Испании. В Валенсии были арестованы делегатом инквизитора монах и два терциария; они обратились к папе Клименту VI, который приказал епископу Валенсии

выпустить их на свободу под залог, запретив им выезжать из города, пока дело не будет рассмотрено в Авиньоне. В 1353 г. папа Климент приказал епископу Валенсии и инквизитору возбудить преследование против этого монаха, продолжавшего проповедовать свое учение. Монах отрекся и был осужден к пожизненному тюремному заключению; кости обоих умерших к тому времени терциариев были вырыты и сожжены. Обнародованная Мартином VI в 1426 г. булла свидетельствует, что фратичелли существовали еще в Арагоне и Каталонии. Иоанну XXII и его преемникам удалось на время подавить духовный аскетизм францисканцев. Однако это направление сделалось традиционным в ордене, и его нельзя было уничтожить совсем. Францисканцы проявляли в отношении фратичелли благосклонность всякий раз, когда это можно было сделать без особого риска.

Вера, что единственным путем к спасению является отречение от всякого имущества, была настолько широко распространена, что ее нельзя было уничтожить давлением. Францисканцы, наиболее стремившиеся к аскетизму, были недовольны новым направлением ордена, и наиболее ревностные из них искали средств, как бы выйти из этого положения, не впадая в ересь. В 1350 г. Джентиле Сполетский получил от Климента VI признание нескольких монастырей с более строгим образом жизни. На генеральном капитуле в 1353 г. генералу Фариньяно было предложено уничтожить мятежных братьев. Он отказался применить насилие, но вскоре ему удалось обвинить учеников Джентиле в том, что они давали убежище фратичелли. На этом основании Фариньяно убедил Иннокентия VI в опасности этого новшества, и добился отмены папского разрешения. Джентиле и двое из его товарищей были заключены в тюрьму в Орвието, остальные братья были приведены к повиновению.

Благодаря Великому Расколу фратичелли процветали, никем не теснимые; но когда Церковь возродила свое единство в Констанце, она вновь принялась за искоренение заблуждения. Мартин V выпустил 14 ноября 1418 г. в Мантуе буллу, в которой отметил рост этой секты. Поэтому папа приглашает епископов и инквизиторов энергично преследовать фратичелли, не обращая внимания на границы их юрисдикции, и выступать также против покровителей этих еретиков, хотя бы они были епископами или князьями. В 1421 г. Мартин в другой булле упоминает о постоянном росте ереси и предоставляет

специальные полномочия кардиналам Альбано и Порто. В 1423 г. Сиенский собор подтвердил, что в Пенисколе открыт был еретический папа с коллегией кардиналов. Уполномоченные галликанской Церкви тщетно пытались заставить собор принять меры против светских властей, не склонных преследовать фратичелли. Дело трех еретиков из Лукки и Пизы, открытых в это время во Флоренции, Мартин V, не доверяя францисканской инквизиции Флоренции, специально поручил своим легатам, председательствовавшим в то время на Сиенском соборе. После внезапного роспуска собора легаты вернулись в Рим. Во Флоренцию отправился только доминиканский генерал; и 24 апреля 1424 г. Мартин приказал ему окончить дело, причем запретил инквизитору Флоренции вмешиваться. В сентябре того же года Мартин уполномочил аббата из Розачьо, папского ректора Анконской Марки, уничтожить фратичелли в этой стране; папа уполномочивал аббата воссоединить с Церковью даже этих еретиков-рецидивистов.

В 1426 г., пренебрегая инквизицией, Мартин назначил инквизиторами двух монахов обсервантинов, не ограничив их известною территорией, и предоставил им право выбрать себе делегатов, что давало им высшую власть над всею Италией. Он доверил это дело непримиримым врагам ереси: Иоанну де Капистрано и Джакомо да Монтепрандоне, более известному под именем делла Марка. Инквизиторы начали преследование в Анконской Марке, в епархиях Фабриано и Иези. В 1428 г. деревня Маньялата, старинное пристанище еретиков, была разрушена и срыта навсегда; много закоренелых еретиков сожгли. Раскаивающихся папа разрешил воссоединить с Церковью. Главарей секты было приказано подвергнуть пожизненному тюремному заключению и пытке, чтобы вырвать у них имена соумышленников. Простых людей, совращенных этими сектантами, папа повелел расселить по соседним деревням, где они должны заняться земледелием; в возмещение расходов по переселению между ними должны быть разделены имущества, конфискованные у других. Дети еретиков должны быть отобраны у родителей и отосланы кудалибо далеко, где их воспитали бы в истинной вере. Сочинения еретиков должны быть тщательно разысканы по всей провинции. Магистраты и общины должны быть предупреждены, что малейшее покровительство, оказанное ими еретикам, повлечет за собой потерю муниципальных прав.

Капистрано, изгнав фратичелли из Масаччьо и Палестрины, основал в этих городах обсервантинские монастыри как цитадели веры. Евгений IV в 1432 г. возобновил полномочия Капистрано как главного инквизитора против фратичелли. Джакомо в 1441 г. опять был послан в Анконскую Марку в качестве инквизитора специально для уничтожения фратичелли. В 1447 г. Николай V возобновил мандат Капистрано, и в 1449 г. против еретиков Марки было начато новое преследование. Николай лично явился в Фабриано, Капистрано и Джакомо действовали в стране. Маньялата, вопреки папскому запрещению, возникла из развалин; она, равно как селения Мильоротта, Поджио и Меруло, была возвращена к истинной вере жестокими средствами. Узники, приведенные к Николаю в Фабриано, были сожжены.

Но и после этого нашли фратичелли в Марке в 1466 г. Павел II послал туда инквизитора, который вернулся в Рим с большим числом пленников, которых судила особая комиссия из пяти епископов. Из всех этих еретиков один только проявил упорство, но повторное применение пытки обратило и его. Во время этих процессов пытка применялась очень широко. Воссоединение сектантов с Церковью было совершено публично и весьма торжественно. Их присудили к тюремному заключению и к ношению длинной одежды с белым крестом на спине и груди. Кости их умерших собратьев были вырыты и сожжены; дом в Поли, где происходили их тайные собрания, был срыт. Но этим не кончилось преследование, так как есть помеченный 6 июля 1467 г. счет расходов по покупке одежды, дров и т. п. для двенадцати еретиков. В 1471 г. инквизитор был послан в Пиомбино и на побережье Тосканы, чтобы изгнать открытых в этих местностях фратичелли. И это последнее известное упоминание о фратичелли. Когда в 1487 г. испанская инквизиция преследовала различных обсервантинов, Иннокентий VIII издал общий указ, предписывавший выдать францисканцев, заключенных в тюрьму доминиканскими инквизиторами, их старшинам, на обязанности которых лежало судить их и впредь не поднимать подобных преследований.

Истребление фратичелли удалось обсервантинскому движению, потому что обсервантины дали удовлетворение аскетическим стремлениям и привлекли к себе народное почитание, столь долгое время охранявшее еретиков. Обсервантины дали убежище

экзальтированным людям, стремившимся к сверхчеловеческому аскетизму. Церковь признала наконец необходимость найти выход для подобных людей, а когда старые фратичелли умерли или были сожжены, то не нашлось никого, кто занял бы их место; секта исчезла, не оставив следа.

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ И ЦЕРКОВЬ

Гораздо раньше, чем были выработаны законы против ереси и организована инквизиция для уничтожения инакомыслия, начали объявлять еретиком всякого, кто откажется повиноваться требованиям прелатов или пап. Латеранский собор 1102 г. объявил ересью непризнание папской анафемы. Около 1112 г. от немецких прелатов перед посвящением требовали отречения от всякой ереси, и в частности от генрихианской, допускавшей вмешательство Св. Престола в светскую власть.

Когда применение индульгенций дало Церкви почти бесплатное войско, готовое выступить в поход, лишь только папа объявит веру в опасности, — Св. Престол обратился к фанатизму христианского мира, чтобы он защитил его мирские интересы или помог им. Одним из самых первых дел этого рода было преследование штедингов, живущих по нижнему течению Везера почти до Бремена. Они были пастухами и рыболовами. Штединги управлялись своими выборными судьями по своим собственным законам. Около 1187 г. графы Ольденбургские пытались распространить свои владения на их земли, но встретили отпор. Одним из своих основных прав штединги считали право не платить десятинного налога. Они укрепили свои оборонительные сооружения и, освободившись от всякой феодальной и духовной тирании, стали принимать к себе беглецов со всех окрестных стран.

Независимость крестьян Везера представляла серьезную неприятность для соседних феодальных сеньоров. Феодалы выступили в поход в декабре 1229 г. под предводительством архиепископа. В день Рождества Христова произошло сражение; крестоносцы обратились в бегство. Чтобы сломить этих непокорных крестьян, на синоде в Бремене в 1230 г. штединги были обвинены как еретики; их обвиняли в разных святотатственных действиях. Архиепископ Бременский попросил поддержки у папы, и в октябре 1232 г. Григорий IX приказал епископам Миндена, Любека и Вердена проповедовать крестовый поход против мятежников. Штединги представляются папой худшими

еретиками, отрицающими существование Бога, поклоняющимися демонам, вопрошающими колдуний и т. п. В январе 1233 г. он приказал епископам Падерборна, Гильдесгейма, Вердена, Мюнстера и Оснабрюка присоединиться к епископам Рацебурга, Миндена и Любека с обещанием полной индульгенции участникам крестового похода против еретиков, называемых штедингами. Собрали войско, которому в течение зимы не удалось сломить упорства крестьян и которое рассеялось, лишь только кончился срок службы. Папа 17 июня 1233 г. вновь предписал епископам Миндена, Любека и Рацебурга проповедовать крестовый поход, если штединги не покорятся своему архиепископу и не оставят своих ересей. Новая армия крестоносцев в конце июня 1233 г. проникла в восточную часть Штединга, на правый берег Везера. Крестоносцы разорили землю огнем и мечом, убивая людей без различия пола и возраста, сжигали живыми всех пленных. Воодушевленный этим легким успехом, глава крестоносцев граф Бургард Ольденбург напал на укрепленную область на левом берегу реки и был убит с двумястами своих воинов. Остальные с трудом спаслись бегством.

В 1234 г. приступили к приготовлениям к третьему крестовому походу. Доминиканцы в Голландии, Фландрии, Брабанте, Вестфалии и Рейнских провинциях призывали на защиту веры. Под предводительством герцога Брабантского прибыло сорок тысяч человек во главе со многими князьями и рыцарями, жаждавшими обрести спасение и покарать непокорных Церкви и сеньорам.

В апреле отряды крестоносцев соединились, но 27 мая штединги в Альтенеше выдержали нападение Генриха Брабантского и Флорента Голландского; но Тьерри Клевский со свежими силами напал с фланга, рассеял крестьян и вырезал их без всякой жалости. На поле битвы осталось шесть тысяч человек штедингов, и много их потонуло в Везере во время бегства. Воины Господни не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, предавали все мечу и огню. Через шестьсот лет, 27 мая 1834 г., на поле битвы в Альтенеше был торжественно воздвигнут памятник в честь героев, павших в безнадежной защите своей страны и свободы.

В августе 1236 г. папа послал епископу полномочие воссоединить с Церковью покорившихся еретиков. Штединги прекратили мятеж, смиренно умоляли, чтобы их приняли в лоно Церкви и давали

ручательства своего повиновения в будущем и своего раскаяния в прошлом. Отметим, что в этом папском акте, завершившем кровавую драму, не упоминается ни о какой особой ереси, которая послужила бы поводом к уничтожению крестьян. Неповиновение Церкви само по себе было достаточным преступлением, а сопротивление требованиям Церкви было ересью, которую должно безжалостно карать.

Григорий в 1238 г. вмешался в ссору жителей Витербо с их главой Альдобрандини и щедро раздавал индульгенции, как за поход в Св. Землю, всем, кто становился под его знамя. В 1241 г. Григорий IX прямо заявил, что интересы Церкви стоят выше интересов Палестины, и предлагал крестоносцам или заменять их обет деньгами, или принять участие в крестовом походе, который велел проповедовать против императора Фридриха. Иннокентий IV следовал той же политике, когда выдвинул соперника императору Вильгельма Голландского и велел в 1248 г. проповедовать крестовый поход, целью которого было захватить Аахен для коронации своего императора; при этом случае также разрешалось выкупать обеты совершить поход в Палестину, а деньги от этой сделки шли в казну папы. После смерти императора Фридриха II всякий, кто выступал с оружием в защиту его сына Конрада IV против Вильгельма Голландского, подвергался папской анафеме.

Когда были приведены в систему законы против ереси и организована инквизиция, то дела подобного рода, особенно в Италии, стали обычными. Особенно значительную пользу извлекали папы из святого трибунала в качестве итальянских князей. Фридрих II должен был заплатить за свое коронование не только изданием эдикта о преследовании, но и подтверждением дара графини Матильды (права папы на Тоскану). Со смертью Фридриха в 1250 г. и Конрада в 1254 г. папа надеялся на близкое объединение Италии под своей тройной короной. Но сеньоры и общины не более хотели подчиняться Иннокентиям и Александрам, чем Фридрихам; и партии гвельфов и гибеллинов продолжали вести гражданскую войну по всей Северной и Средней Италии. Папство имело преимущество в возможности назначать во всякие сколько-нибудь крупные города инквизитора, преданность которому Риму была вне сомнения.

Среди сложных интриг и борьбы партий, которые происходили во всяком итальянском городе, легко можно было найти повод к

применению инквизиционного метода всякий раз, когда это представлялось выгодным. Поэтому инквизиторы установили как законный принцип, что неповиновение какому бы то ни было приказанию Св. Престола было ересью, равно как и всякая попытка отказать римской Церкви в какой-нибудь привилегии, какую она найдет нужным потребовать. Выводом из этого принципа было признание за инквизиторами права начинать войну против еретиков и придавать ей характер крестового похода, предлагая участникам индульгенции, как за освобождение Св. Земли. Вооруженная подобными прерогативами инквизиция представляла из себя политическое оружие. Применением этого принципа отмечена борьба, которая должна была решить судьбу всей Италии. В 1255 г. Александр IV уполномочил своего легата Рустана, епископа Болоньи, освободить Генриха III Английского от обета совершить крестовый поход, если он согласится направить свое оружие против Манфреда; трон же Сицилии был предложен сыну Генриха, Эдмунду Ланкастерскому. С точки зрения Рима Манфред, враг папы, был уже тем самым еретик; и гораздо важнее защищать веру в своей стране, чем сражаться за нее где-либо вдали. В 1264 г. Урбан IV убеждал Альфонса де Пуатье предпринять крестовый поход против Манфреда. Когда удалось вовлечь Карла Анжуйского в борьбу за Сицилийское королевство, то Церковь сделала все, чтобы доставить претенденту армию, и щедро раздавала ее воинам индульгенции. Климент IV придал законную форму воззванию к оружию для подавления ереси. Когда крестовый поход уже начинался, он вызвал Манфреда на суд как подозреваемого в ереси. Отсрочка, данная обвиняемому, истекала 2 февраля 1266 г. Манфред послал уполномоченных, которые очистили бы его от этого обвинения. Так как обвиняемый не явился лично, то Климент 21 февраля созвал консисторию, чтобы осудить Манфреда, как мятежного еретика, так как оправдание, принесенное через уполномоченных, не имеет силы. К своим политическим противникам Рим применял законы, изданные против ереси.

Прекрасный пример применения этого принципа для увеличения светской власти папы дает попытка Климента V захватить Феррару. В 1308 г. умер маркиз Аццо д'Эсте, не оставив прямых наследников. Епископ Феррары начал интриговать, чтобы этим городом завладел Св. Престол, который предъявлял притязания, основанные на

пожертвованиях Карла Великого. Климент V объявил, что права Церкви не подлежат спору. Было два претендента: Франчиско, брат Аццо, и незаконный сын покойного маркиза Фриско. Феррарцы же объявили республику. Фриско обратился за помощью к венецианцам, а Франчиско искал поддержки у Церкви. Фриско захватил правление, но бежал, когда прибыл Франчиско, сопровождаемый папским легатом, вступившим в управление городом. Фриско при помощи венецианцев вернул свою власть, и в декабре 1308 г. был заключен мир. Но в 1309 г. Климент объявил крестовый поход против венецианцев. 7 марта он издал буллу, предававшую Венецию интердикту, а все ее имущества конфискации; дож, сенат и все сеньоры республики были отлучены от Церкви, а венецианцы отдавались в рабство; действительно, по всему христианскому миру много венецианских купцов было обращено в рабство. Легат проповедовал крестовый поход. В ожесточенной битве с крестоносцами венецианцы потерпели тяжелое поражение. Легат велел выколоть глаза всем пленникам и отправил их в Венецию; при вступлении в Феррару он приказал повесить множество сторонников Фриско и назначил от имени Церкви правителя. Однако горожане поднялись в 1310 г. и вырезали сторонников папы; тогда легат снова пришел с армией болонцев, снова захватил город и повесил мятежников. Снова вспыхнули беспорядки, сопровождавшиеся кровавым усмирением, пока в 1314 г. Климент не уступил город супруге Роберта Неаполитанского. Гасконский гарнизон возбудил против себя ненависть населения, которое в 1317 г. призвало на помощь сына Франчиско, Аццо. После безнадёжной защиты гасконцы сдались на условии, что им будет оставлена жизнь; но были перебиты. Этот эпизод из истории итальянского города дает пример папского честолюбия, пользовавшегося возможностью обвинять противников как еретиков и поднимать по своему желанию целые армии на защиту веры.

Огромную власть давали эти меры папству над торговыми республиками Италии. Когда в 1281 г. Мартин IV поссорился с городом Форли и отлучил его от Церкви, он приказал, под страхом вечного отлучения от Церкви, чтобы всякий, кто должен деньги гражданам, уплатил долг папским представителям. Таким образом папа присвоил несколько тысяч ливров, принадлежавших его врагам.

Иоанн XXII также пользовался обвинением в ереси в своей борьбе с миланскими Висконти. Взойдя в августе 1316 г. на папский престол Иоанн XXII стремился захватить верховное господство над всей Италией и отодвинуть Империю за Альпы. Спор по поводу избрания между Людовиком Баварским и Фридрихом Австрийским давал ему прекрасный случай добиться осуществления своих целей, но ни гвельфы, ни гибеллины не были расположены идти навстречу желаниям папы. Среди наиболее упорствующих были три вождя ломбардских гибеллинов: Маттео Висконти Великий, управлявший большей частью страны и сохранявший еще данный ему Генрихом VII вице-императорский титул, Кане делла Скала, сеньор Вероны, и Пассерино, сеньор Мантуи. В марте 1317 г. Иоанн издал буллу, в которой объявлял все императорские назначения потерявшими силу после смерти Генриха. Пока преемник покойного императора не получит папского утверждения, управление империей переходит к Св. Престолу, и всякий, кто будет пользоваться властью без его согласия, виновен в измене Церкви. 6 апреля 1318 г. папа отлучил от Церкви Маттео, Кане, Пассерино и всякого, кто не будет повиноваться. Эта мера сопровождалась предостережениями и вызовами в суд по обвинению в ереси; главным образом преследование было направлено против Маттео и его сыновей. Чтобы создать обвинение, нужные улики были доставлены миланскими перебежчиками, явившимися к папскому двору. Висконти были обвинены в отступлении от веры, в заключении договора с дьяволом, в покровительстве еретикам; они мешают инквизиции и т. п. Висконти не явились на суд и были осуждены заочно как еретики. Маттео созвал на совещание гибеллинских вождей в Сончино; поступок папы они признали попыткой поддержать гвельфов. Была образована лига гибеллинов, начальником войск которой стал Кане Гранде делла Скала. Иоанн призвал себе на помощь Францию и назначил Филиппа Валуа вице-императором, однако помощи не дождался. Тогда он послал своего сына (или племянника) кардинала Бертрана де Пуайе легатом с титулом «умиротворителя» во главе армии крестоносцев, собранной благодаря щедрой раздаче индульгенций.

Последовала опустошительная война; армия папы не имела большого успеха. Вскоре в Милане образовалась партия сторонников мира, открыто задававшаяся вопросом, следует ли принести в жертву

целую страну ради спасения одного человека. Маттео Послал спросить легата об его условиях; ответом было требование полного отречения. Он обратился за советом к гражданам, и все дали понять ему, что Милан ради него не намерен подвергнуться разрушению. Он отрекся от власти в пользу своего сына Галеаццо, с которым был в ссоре. Вскоре 27 июня 1322 г. Маттео умер и был похоронен в не освященной могиле.

Висконти младшие: Галеаццо, Луккино, Марко, Джованни и Стефано — быстро собрали гибеллинов. Чтобы нанести им последний удар, папа 23 декабря 1322 г. приказал миланскому архиепископу и инквизиции напасть на память Маттео. 13 января 1323 г. архиепископ и три инквизитора послали Маттео из Асти вызов явиться 25 февраля в церковь Св. Марии в Борго, близ Алессандрии, для допроса и суда лично или заочно, и 14 марта осудили Маттео.(посмертно) как мятежного и закоснелого еретика. В числе прегрешений его обвиняли в том, что он с пренебрежением смотрел на отлучение от Церкви, показывая этим свои заблуждения в вере по вопросу о власти ключей (т. е. Папы). Все земли его были объявлены подлежащими конфискации; сам он был лишен всех почестей, должностей, званий и признан заслуживающим наказания, полагающегося за ересь; он сам подлежал аресту, а дети и внуки обычному ограничению в правах.

Однако этот приговор не имел никаких политических результатов. Галеаццо в феврале 1324 г. нанес папским войскам полное поражение. 23 марта Иоанн издал буллу, осуждавшую Маттео и его пять сыновей и повторявшую большую часть преступлений, приведенных в инквизиционном приговоре. Кончается булла обещанием индульгенций, как за поход в Св. Землю, всем, кто выступит против Висконти. 12 апреля вышла другая булла, напоминавшая, что сыновья Маттео были законным образом признаны еретиками и, как таковые, осуждены компетентными судьями; несмотря на это клеймо, упомянутые еретики нашли себе поддержку против армии верных католиков у разных представителей Людовика Баварского. Этим лицам было предложено в двухмесячный срок сложить с себя обязанности и выказать повиновение, а до этого времени они, как покровители еретиков, были признаны подлежащими отлучению от Церкви и всем наказаниям, как духовным, так и светским, связанным с этим преступлением. Инквизиторы Анконской Марки осудили епископа

Ареццо и других гибеллинов за то, что они служили Людовику Баварскому. Инквизитору Романии было приказано употребить все свои усилия, чтобы наказать находящихся в его области врагов Церкви. Были осуждены за ересь маркизы Монферрата, Салючий, Чева и жители почти всех городов Северной Италии.

Не один только папа пользовался обвинением в ереси, как могущественным оружием против своих политических соперников. В 1349 г. епископ Киети осудил как еретика одного из своих вассалов, начавшего против него войну и прогнавшего его с епископской кафедры.

Церковь обращала ересь в политическое орудие и находила в инквизиции орудие, готовое служить ее честолюбивым замыслам. Когда наступил Великий Раскол, то папы-соперники прибегали к этому приему друг против друга. В 1382 г. Карл III Неаполитанский конфисковал имущество епископа Тривенто под предлогом, что епископ, будучи сторонником Климента VII, тем самым стал еретиком. В акте, которым в 1409 г. Александр V назначает инквизитора Прованса, среди еретиков, которых нужно уничтожить, упоминаются сторонники Григория XII и Бенедикта XIII. Инквизитор Тулузы принадлежал к партии Бенедикта XIII; он заключил в тюрьму много доминиканцев и францисканцев, в том числе провинциала Тулузы и приора Каркассона, которые принадлежали к враждебной партии.

После Раскола инквизиция по-прежнему осталась орудием репрессий.

Джироламо Савонарола имел возвышенные и грозные проекты и мечты, которые толкнули его в политику. Он искренне верил в свое призвание для пророческой деятельности. Подобное убеждение укрепляли в нем царившие вокруг бедствия и его вера во вмешательство Бога, который совершит необходимые изменения, для человека непосильные. Когда в 1481 г. Савонарола прибыл во Флоренцию, он был уже всецело поглощен своею реформаторской миссией. Около 1490 г. он был назначен приором доминиканского монастыря Св. Марка. Слава Савонаролы-проповедника распространилась по всей Италии, а во Флоренции он пользовался верховным авторитетом. Особое внимание обращал он на детей; они были неоценимы для его задачи проведения нравственной реформы, которую он предпринял в этом развращенном городе, преданном

позорным удовольствиям. «Питомцы Брата», мальчишки-подростки, врывались в трактиры и игорные дома, прерывали оргии и игры в кости и карты; ни одна женщина не осмеливалась показываться на улице иначе, как прилично и скромно (по их мнению) одетая. Сопротивление им легко могло стоить жизни.

Савонарола

В 1498 г. он заменил нечестивые маскарады карнавала костром, на который сносились все вещи, которые он считал нескромными или неблагопристойными. Мальчишки входили в дома и дворцы и уносили все, что, по их мнению, надлежало сжечь. Драгоценные раскрашенные рукописи, статуи, картины, редкие обои, бесценные произведения

искусства были перемешаны с безделушками и ничтожными украшениями дамской прически, с зеркалами, с музыкальными инструментами, с книгами по гаданию, по астрологии, по магии. Были сожжены даже экземпляры Боккаччо; но Петрарка заслужил снисхождение даже в глазах Савонаролы. Один венецианский купец предложил за предметы, обреченные на это аутодафе, двадцать тысяч скуди; портрет этого купца поставили на самом верху костра.

В республике, подобной Флоренции, невозможно было не вмешаться в политику. Савонарола жадно ухватился за удобный случай, чтобы получить господствующее влияние во всей Италии и провести реформу всего христианского мира. Тогда последует обращение неверных и христианская любовь и кротость будут царить во всем мире.

Он не задумался использовать в этих целях почти неограниченную власть, которую приобрел над населением Флоренции. Его советы вызвали в 1494 г. революцию и изгнание Медичи. Во время похода Карла VIII в 1494 г. против Неаполя он деятельно старался укрепить союз республики с этим монархом, в котором он видел орудие Бога для проведения реформы Италии. Когда восстановлена была республика, он занимался устройством правления и выработкой законов. Вожди народной партии постоянно спрашивали его мнение и следовали его советам. Савонарола, которого считали пророком Бога, спустился до положения вождя партии, которую народ презрительно называл Плаксы; и ему пришлось основать все свои надежды на прочном главенстве этой партии, так как всякий малейший ущерб его политическим предначертаниям неизбежно делался роковым для его широких планов, основанных на этой политике. Его упорное отстаивание союза с Карлом VIII привело к тому, что исчезновение его стало необходимым для успеха проектов Александра VI, мечтавшего объединить все итальянские государства, чтобы предотвратить опасность нового французского вторжения.

Союз с Францией, на котором было основано доверие к нему как к государственному мужу и пророку, имел печальные последствия. Карлу VIII с великим трудом удалось пробиться во Францию с жалкими остатками армии; король не только оставил Флоренцию одну перед лицом лиги Испании, папства, Венеции и Милана, но обманул флорентийцев, не исполнив своего обещания вернуть им Пизу. Когда 1

января 1496 г. известие об этом было получено во Флоренции, то возбужденное население свалило всю ответственность за это на Савонаролу; вечером толпа окружила монастырь Св. Марка и громко грозила сжечь «этого свинью Брата». Зло увеличивалось еще ужасной нищетой, вызванной падением промышленности и торговли за время гражданских войн, выдачей крупных субсидий Карлу VIII и расходами по войне против Пизы; значительные контрибуции обременяли город долгами; государственный кредит был подорван. Ко всему этому прибавился голод 1497 г. и сопровождавшая его чума.

Аррибиати, или партия оппозиции, не замедлили воспользоваться реакцией; они нашли себе поддержку у всех граждан, недовольных строгой реформой. Образовалось общество Компаньатци. Среди них были знатные молодые люди; во главе их стоял Доффо Спини, и их поддерживал влиятельный дом Альтовити. Их конечной целью было свержение Савонаролы, и они готовы были решиться на крайние меры. Если бы Савонарола ограничивался только нападка на испорченность Церкви и курии, то его, несомненно, оставили бы в покое высказывать свое негодование. Папа и кардиналы привыкли к поношению и относились к нему весьма снисходительно, лишь бы только не касались прибыльных злоупотреблений. Но Савонарола сделался крупной политической личностью; его влияние во Флоренции было враждебно планам Борджиа. Папа 21 июля 1495 г. пригласил монаха в Рим дать отчет в своих откровениях и пророчествах. Он 31 июля отклонил приглашение под предлогом болезни и утверждал, что республика не позволит ему покинуть флорентийские пределы, опасаясь за его жизнь. Дело Савонаролы было поручено францисканскому викарному генералу провинции Ломбардии. Савонароле было запрещено проповедовать до тех пор, пока он не явится в Рим. 29 сентября он просил папу сообщить ему, какие заблуждения его учения ставятся ему в вину, и заявлял, что готов отречься от них; кроме того, он представлял на суд Св. Престола все, что мог сказать или написать. Александр вновь 16 октября запретил ему проповедь, пока он не явится в Рим.

Друзья Савонаролы, стоявшие у власти, не могли согласиться на его вынужденное молчание. Много усилий было положено на то, чтобы папа разрешил ему проповедовать во время наступающего поста, и Александр уступил этой просьбе. Тогда Савонарола произнес

ряд речей, в которых бичевал пороки папского двора и старался доказать, что послушание приказаниям папы должно иметь известные границы/На Пасху, 3 апреля 1496 г., Александр призвал четырнадцать доминиканцев, докторов богословия, и объявил их собрата еретиком схизматиком, непослушным и суеверным. Его сделали ответственным в несчастьях Петра Медичи, и все, кроме одного, подали голос за то, что нужно найти средство заставить его молчать.

В течение поста 1497 г. Савонарола произнес несколько речей, в которых объявлял, что служители Бога должны очистить и реформировать Церковь; те, кто возьмет на себя эту задачу, должны с радостью принять даже отлучение от Церкви. Александр попытался использовать против Савонаролы традиционную вражду францисканцев. Правда, Плаксы избрали 1 января 1497 г. гонфалоньером Франческо Валори, который попытался запретить францисканцам проповедь, но они объявили Савонаролу наглым обманщиком. В это время был страшный голод и угрожала чума. Синьория, состоявшая тогда из Аррабиати, воспользовалась этим предложением, чтобы положить конец войне проповедей, которая угрожала спокойствию города. 3 мая были запрещены все проповеди начиная с Вознесения (4 мая). Компоньяцци криками прервали последнюю проповедь Савонаролы. Александр 13 мая приказал францисканцам объявить, что Савонарола, как подозреваемый в ереси, отлучается от Церкви и что с ним запрещены всякие сношения. После обнародования отлучения Савонарола стал доказывать его недействительность. Плаксы так мало обращали внимания на отлучение, что 17 сентября подали синьории петицию детей Флоренции, просивших, чтобы было разрешено проповедовать их горячо любимому брату Савонароле.

Савонарола, не признавая наложенных папой наказаний, считал себя покорным сыном Церкви. В течение лета он написал книгу, в которой доказывал, что папство есть верховная власть и что всякий, кто отделяется от единства с Римской Церковью и от ее учения, сам отсекает себя от Церкви Христа.

В январе 1498 г. правление перешло в руки синьории, состоявшей из горячих сторонников Савонаролы, которые все были недовольны, что на него было наложено молчание. Выборы новой синьории предстояли в марте; народ начал менее повиноваться Савонароле, и

необходимо было, чтобы его красноречие обеспечило ему безопасность и сохранило власть в руках Плакс. Вследствие этого 11 февраля он снова начал проповедовать.

Последние проповеди Савонаролы были более резки, чем все прежние. Он доказывал, что анафема, произнесенная папой, не имеет значения в таких выражениях, которые вызвали в Риме самое сильное негодование. 26 февраля синьории было послано бревно, в котором приказывалось под угрозой интердикта арестовать Савонаролу и выслать его в Рим. Но 1 марта власть перешла к синьории, состоявшей в большинстве из Аррабиати, во главе которых, в качестве гонфалоньера, стоял один из самых ожесточенных врагов Брата, Петр Пополески. 4 марта синьория просила папу извинить ее неповиновение его указам и призывала милость Св. Отца на Савонаролу, труды которого были так полезны и в котором население Флоренции видело высшее существо. Папа ответил, что Флоренция избежит интердикта, если город пошлет в Рим своего чудовищного идола или лишит его всякого сношения с людьми. Но Савонарола не будет осужден на вечное молчание; когда он смирится как следует, то ему будет разрешено проповедовать. Это послание было получено во Флоренции 13 марта и вызвало горячие споры. Интердикт, наложенный папой, для людей коммерческих грозил полным разорением. Папа угрожал предоставить имущество флорентийских купцов на разграбление. Но влияние Савонаролы было еще настолько сильно, что синьория только 17 марта решила послать к нему ночью пять граждан умолять его перестать проповедовать. Говоря, что он отказывается повиноваться приказаниям папы, Савонарола обещал уважать желание светской власти.

Савонарола 13 марта открыто пригласил Александра лучше беречься, так как отныне между ними мир невозможен; после этого он обратился ко всем властителям христианского мира с грамотами, которые, как говорил он, были написаны по особому приказанию и от имени Бога: в них он побуждал князей созвать Вселенский собор, который дал бы Церкви реформу. Александр VI — не папа и не может быть избран в папы, во-первых, ввиду симонии, ценой которой он купил тиару, и ввиду своей испорченности; а во-вторых, потому что он не христианин и не верит в Бога.

Один экземпляр этого письма случайно попал в руки миланского герцога — врага Савонаролы, который переслал его папе. Гнев Александра привел к попытке созвать собор, которого после соборов Констанца и Базеля всегда желали реформаторы и боялось папство. Савонарола совершенно один не мог заставить князей созвать собор, но он направил свой удар в самое чувствительное место папства, и завязалась беспощадная борьба.

Так как брат Савонарола был осужден на молчание, его заменил Доминик да Пешиа. Доминик 27 или 28 марта велел прибить на главных дверях церкви Св. Креста объявление, что он предлагает подтвердить доказательствами или чудом следующие положения: 1) Церковь Господня нуждается в реформе; 2) Церковь должна понести наказание; 3) Церковь будет реформирована; 4) после наказания во Флоренции будут произведены реформы, и она будет благоденствовать; 5) неверные будут обращены; 6) отлучение брата Джироламо не имеет значения; 7) не грешно не обращать внимания на отлучение. Францисканец брат Франческо делла Пулья ответил, что согласен пройти через огонь вместе с братом Домиником; хотя он был уверен, что сгорит, но соглашался на эту жертву, чтобы освободить флорентийцев от их ложного идола. Чтобы помешать кровавой расправе партий, синьория вызвала обоих противников и заставила их 30 марта подписать письменное обязательство подвергнуться испытанию, несмотря на то, что Латеранский собор 1215 г. запретил ордалии.

Брат Франческо объявил, что у него нет никакого спора с Домиником, что если Савонарола согласен подвергнуться испытанию, то он готов сопровождать его, но если вопрос идет о ком-либо другом, то он выставит заместителя; им согласился стать знатный флорентиец, монах его ордена. С другой стороны, все монахи монастыря Св. Марка, числом около трехсот, подписались под обязательством принять участие в ордалии, а Савонарола заявил, что в данном случае первый встречный может рискнуть, ничего не боясь.

В условиях, предложенных синьорией, говорилось, что если представитель доминиканцев погибнет один или вместе со своим противником, то Савонарола должен покинуть город, пока его не призовут обратно; если падет один только францисканец, то брат Франческо подвергнется изгнанию; то же наказание было определено

той из двух партий, которая в последнюю минуту уклонится от ордалии.

Синьория направила десять граждан председательствовать на испытании, назначенном на 6 апреля, а затем отложенном на один день в надежде, что от папы, к которому обратились за разрешением, будет получен запрет; он действительно пришел, но слишком поздно. 7 апреля на площади Синьории воздвигли огромный костер, который должны были поджечь после того, как в него войдут противники.

Францисканцы прибыли первыми на место испытания. Затем явились около двухсот доминиканцев. Стороны опасались колдовства и требовали выполнения разных условий. В это время синьория объявила, что ордалии не будет, францисканцы удалились, а за ними и доминиканцы. Толпа, терпеливо ожидавшая под проливным дождем и грозой, пришла в ярость, что обещанное зрелище не состоялось. Жители увидели в этом торжество францисканцев; но Савонарола обещал чудо; его сторонники непреклонно верили в его предсказание, так что это нерешенное испытание было в их глазах поражением; это было знамение, что Савонарола не мог рассчитывать на вмешательство Бога. Вера учеников в их пророка поколебалась. На другой день, в Вербное Воскресенье, во время вечерни доминиканец хотел произнести проповедь в кафедральном соборе, но Компаньаци прервали проповедника. Все бросились к Св. Марку. Когда прибыла толпа из собора, то молящиеся с трудом спаслись монастырскими переходами. Дома, принадлежавшие сторонникам Савонаролы, были разграблены и сожжены.

Среди этого волнения синьория выпустила одно за другим четыре объявления; в них приказывалось Савонароле до истечения двадцати часов покинуть флорентийскую область, а всем мирянам не позже чем через час очистить церковь Св. Марка, которая подверглась осаде противников Савонаролы. Наконец, синьория послала стражу схватить Савонаролу и его главных соратников, Доминика и Сальвестро, с обещанием, что им не будет сделано ничего плохого. Сопротивление прекратилось; Савонарола и Доминик были найдены в монастырской библиотеке, но Сальвестро спрятался и был арестован только на другой день. Пленникам надели цепи на руки и на ноги и повели по улицам, их не могли защитить от ударов ногами и кулаками разъяренной толпы.

В тот же день назначили трибунал из семнадцати членов, набранных среди главных врагов Савонаролы. Этот трибунал принялся за дело уже 10 апреля, хотя акт назначения, разрешавший применять пытку, был опубликован только 11 апреля. У папы было испрошено разрешение нарушить неприкосновенность узников, как лиц духовного звания; но дело начали, не дождавшись благоприятного ответа. К членам трибунала присоединились два папских комиссара. Савонарола и его спутники в цепях были приведены в Барджелло. Так как Савонарола не сознавался, ему пригрозили пыткой; угроза не подействовала, и его подвергли пытке на дыбе. Уже первое применение пытки вырвало у Савонаролы полное признание. Он просил прекратить пытку, обещая сказать все, что знал. Допрос его длился до 18 апреля.

С самого начала он признавал себя обманщиком, человеком недостойным веры, единственной целью которого было добиться могущества путем обмана народа. Если бы его проект созыва собора окончился избранием его в папы, то он не отказался бы от этого звания; но если бы этого и не случилось, то он все равно стал бы самым могущественным человеком на земле. Для достижения своих планов он вооружал одних граждан против других и вызвал разрыв между городом и Св. Престолом, стараясь образовать правление по образцу Венецианской республики, причем пожизненным дожем должен был быть его сторонник Франческо Валори.

Добившись у него сознания в том, что он не был пророком и что втайне верил в действительность папского отлучения, его избавили от обвинения в упорной ереси. 19 апреля публично было прочтено в большой зале Совета признание Савонаролы. Однако синьория не была удовлетворена, 21 апреля началось новое дело; Савонаролу снова подвергли пытке и у него вырвали самые полные признания относительно его политических действий. В то же время арестовали массу людей, скомпрометированных его сознанием, а также признаниями Доминика и Сальвестро. Многие из его сторонников бежали из города, 27 апреля арестованные были отведены в Барджелло, где их подвергли жестокой пытке, но не удалось вырвать у них ни одного показания против Савонаролы. У магистратов оставалось мало времени для окончания дела, так как власть их прекращалась в конце месяца. Последним их официальным актом

было изгнание 30 апреля десяти обвиненных граждан и наложение на двадцать трех других разных штрафов на общую сумму в двенадцать тысяч флоринов.

Новая синьория, вступившая в управление 1 мая, освободила из тюрьмы всех заключенных граждан, кроме Савонаролы и его товарищей. Последние, как доминиканцы, не подлежали суду светской власти; но синьория немедленно обратилась к папе Александру с просьбой разрешить осудить и казнить их. Папа отказал и повелел передать их на его суд. Республика представила возражения на папское распоряжение в силу того, что Савонарола знал чересчур много тайн государства. Но предложили, чтобы папа прислал во Флоренцию комиссаров, которым было бы поручено вести дело от его имени. Александр согласился на это и 11 мая предложил суффрагану архиепископа Флоренции, епископу Везона, снять сан с подсудимых, принадлежащих к святым орденам, по ходатайству комиссаров, которым было поручено вести допрос и все дело до окончательного приговора. Комиссары прибыли во Флоренцию 19 мая и подвергли Савонаролу третьему суду 20 мая. Савонарола отрекся от признания, вырванного у него пыткой, и утверждал, что он послан Богом. Согласно с инквизиционными правилами, подобное отречение делало его еретиком-рецидивистом, которого можно было сжечь; но судьи еще несколько раз подвергали его пытке, и он взял назад свое отречение.

21 мая под влиянием повторной пытки Савонарола признал участие кардинала Неаполя в проекте созыва Вселенского собора, но 22 мая он отрекся. Приговор был объявлен 22 мая. Подсудимые были осуждены, как еретики, схизматики, мятежники против Церкви, и подлежали выдаче светской власти. Утром 23 мая состоялось публичное снятие сана с осужденных, после чего они были выданы светским властям. От имени папы Александра жертвам дали полное отпущение грехов. Осужденные сначала были повешены, а потом сожжены. Папские комиссары приказали 27 мая, под страхом отлучения от Церкви доставить им все сочинения Савонаролы, но не нашли в них ни одного еретического мнения и вернули их владельцам. Тем не менее Савонаролу сожгли как еретика.

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ И ГОСУДАРСТВО

Светские князья следовали примеру Церкви и пользовались обвинением в ереси всякий раз, когда могли заставить духовенство действовать по их воле. Уже в начале XIV в. инквизиционные методы внушили Филлипу Красивому идею уничтожения ордена тамплиеров.

В 1119 г. девять французских рыцарей дали обет очистить дорогу в Иерусалим от разбойников, чтобы паломники путешествовали безопасно. На соборе в Труа в 1128 г. рыцарям был дан устав, выработанный святым Бернаром, и они получили название Бедных Воинов Храма. Вступающие в орден давали монашеские обеты послушания, бедности и целомудрия. Вступающий испрашивал разрешения стать навсегда слугою и рабом «Дома» и его предупреждали, что он бесповоротно лишается свободы.

Слава ордена быстро распространялась по всей Европе: самые знатные рыцари, герцоги и князья отрекались от мира, чтобы послужить в его рядах; на состоявшемся вскоре общем капитуле собралось триста рыцарей, не считая братьев-служителей. Их владения росли непрерывно. Политика Св. Престола стремилась сделать из рыцарей послушное орудие для распространения папского влияния и для подчинения Риму местных церквей. Поэтому их избавили от пошлин и от всяких налогов; их церквам и домам было предоставлено право убежища; сами они пользовались неприкосновенностью личности наравне с лицами духовного звания; они были освобождены от всяких феодальных обязанностей и присяг и подсудны только одному Риму; епископам было запрещено отлучать их от Церкви. Тамплиеры, бывшие честлюбивыми и воинственными рыцарями, недолго сохраняли аскетические обеты своих основателей. Они злоупотребляли дарованными им привилегиями, чтобы угнетать и теснить людей. Так как они были подсудны исключительно римской курии во всех делах, кроме обвинения в ереси, то были вне преследований за творимый произвол.

Рыцари давали много поводов к внешней вражде и к внутреннему волнению между ними и братьями-служителями, бесправными, внутри

ордена и составлявшими девять десятых его. Тем не менее благочестивые пожертвования продолжали увеличивать богатства ордена, хотя владения христиан на Востоке все более и более уменьшались, и население стало приписывать свои постоянные несчастья вражде и зависти между соперничающими орденами тамплиеров и госпитальеров. Это соперничество дошло в 1243 г. до открытой войны в Палестине. Чтобы устранить это зло, попытались слить воедино два ордена и тевтонских рыцарей.

В 1306 г. Климент V вызвал гроссмейстеров тамплиеров и госпитальеров для совещания о новом крестовом походе и о проекте соединения орденов, который часто поднимался и всегда откладывался. Госпитальер не смог приехать, занятый приготовлениями к осаде Родоса, а гроссмейстер тамплиеров Молэ прибыл со свитой из шестидесяти рыцарей и, не торопясь вернуться в свои восточные владения на Кипре для борьбы с мусульманами, намеревался перевести во Францию главную квартиру тамплиеров.

Рыцари-тамплиеры

Орден очень рано развился на юге Франции в провинциях между Гаронной и Роной; говорили, что он глубоко заражен катаризмом и поддерживает сношения с еретиками, скрывающимися в стране; но эти

слухи лишены основания. В ордене не было никаких следов катаризма; в эту эпоху катары Лангедока были окончательно уничтожены. Инквизиция подчинила эту страну французской монархии. Орден тамплиеров, как бы ни было велико число его членов, был совершенно не в состоянии выполнить честолюбивые замыслы отнять власть у короля, которые приписывали ему, так как он был разрознен и рассеян по всей Европе; невозможность собрать свои силы для нападения или для защиты сказала, когда рыцари сдались почти без сопротивления один за другим в разных странах, где жили.

Много также преувеличенного во всех рассказах о его многочисленности и богатствах. На основании серьезного рассмотрения материалов процессов тамплиеров, дошедших до нас, и свидетельств его современников пятнадцать тысяч можно считать приблизительным числом всех храмовников в начале XIV в. Дошло несколько свидетельств того, что богатства ордена были страшно преувеличены. Хронист сообщает, что в 1244 г. орден по всему христианскому миру имел девять тысяч замков, тогда как у госпитальеров было девятнадцать тысяч. Около 1300 г. в счете десятинного сбора в пользу Филиппа Красивого на тамплиеров записано шесть тысяч четыреста ливров, а на госпитальеров и цистерцианцев — восемнадцать тысяч четыреста.

Но благосостояние тамплиеров было более чем достаточно для того, чтобы возбудить алчность королевских хищников; его могущество и его привилегии были достаточно велики, чтобы возбудить недоверие короля Филиппа Красивого. И это притом, что во время ссоры с Бонифацием VIII тамплиеры поддерживали Филиппа и подписали акт, одобрявший и подтверждавший Луврский собор, на котором в июне 1303 г. Бонифаций был открыто обвинен в ереси.

Несомненно, тамплиеры не были настолько сильны, чтобы отнять у монархии некоторые провинции и обратить их в независимое владение, но они могли создать серьезную опасность в ходе борьбы, предпринятой королем против крупных феодалов, которых общие интересы и симпатии связывали с рыцарями. Филипп стремился привести своих сеньоров к повиновению путем расширения королевской юрисдикции, а тамплиеры были подсудны только Св. Престолу; они не были подданными короля; они не были обязаны ему ни повиновением, ни верноподданничеством; Филипп не мог

потребовать от них военной службы, как требовал этого от епископов; они же, наоборот, имели право объявлять войну и заключать мир на свой собственный риск, не неся за это ответственности; они пользовались полной личной неприкосновенностью лиц духовного звания, и король не имел никаких средств принудить их, как мог это сделать в отношении французского духовенства. Они были освобождены от всех пошлин, податей и налогов; король мог получить от папы только уступку десятинного сбора. Будучи, таким образом, совершенно независимы от светской власти, рыцари, согласно своим уставам, находились в полном и слепом подчинении своим старшим. Приказание гроссмейстера было приказанием Бога. Среди рыцарей повиновение было серьезной обязанностью, еще более строгой, чем подчинение вассала сюзерену. Эта конгрегация воинов была аномалией среди феодального строя; поэтому, когда тамплиеры отказались от своей воинствующей роли, на Востоке, то Филипп, приняв во внимание их богатство и число их членов во Франции, заподозрил в них существенное препятствие к осуществлению своих абсолютистских замыслов и задумал избавиться от них при первом удобном случае.

Причиной его нападения именно на тамплиеров, а не на госпитальеров, по всей вероятности было то, что тамплиеры были слабее. Однако для объяснения поступков Филиппа вряд ли стоит искать других оснований, кроме финансовых. Огромные суммы, доставляемые конфискациями в Лангедоке в королевскую казну в течение более полувека, показали, какую пользу можно извлечь из кампании против ереси. Он рассчитывал также воспользоваться конфискованными имениями тамплиеров.

Министры и агенты Филиппа, Гильом де Ногарэ, Гильом де Плезиан, Рено де Руа и Эверран де Мариньи стремились обогатить королевскую казну; стали собирать свидетельские показания, на основании которых можно было бы составить внушительный список преступлений. Эти показания тайно были собраны Гильомом де Ногарэ и в самом строгом секрете хранились в Корбейле под охраной доминиканца Гумберта. Важнее всего было установить обвинение в ереси.

Таинственность, которой тамплиеры облакали свои обряды, возбуждала любопытство и подозрительность народа. Из всех

монашеских орденов одни только тамплиеры совершали прием поступающих в орден в самой глубокой тайне; капитулы происходили на рассвете в зале, двери которой строго охранялись; никто из участвовавших в церемонии не имел права разглашать, что происходило в зале, даже тамплиеру- не члену капитула, под угрозой изгнания. Эти обычаи породили рассказы и разные выдумки, объяснявшие эту таинственность тем, что на этих церемониях совершались такие бесчестные деяния, что их нельзя было отправлять днем.

Тамплиерам приписывали содомский грех. Слухи ходили об их антихристианских обрядах; нечестие и заблуждение якобы водворились в ордене. Народ верил в существование страшной тайны, открыть которую не смел никто из членов ордена. Подобные истории легко принимались на веру не знавшим критики средневековым обществом; они росли и украшались самыми фантастическими подробностями. Настроение ума общества было подготовлено поверить всему, что бы ни стали рассказывать о тамплиерах. Можно отметить как совпадение обвинения в ереси; возбужденные против Тевтонского ордена в 1307 г. архиепископом Риги. Гроссмейстер Карл Беффарт был вызван на суд Климента и не без труда спас свой орден от судьбы тамплиеров.

Чтобы добиться желательного обвинения, необходимо было обратиться за помощью к инквизиции. Для подготовки общественного мнения было достаточно оправдать арест и назначение суда, и весьма редко случалось, чтобы инквизиционное судопроизводство не добивалось доказательств виновности своих жертв. Раз наверху дело было решено, то осуждение обвиняемых следовало неизбежно. Но исход предприятия зависел от Климента V; на деле трибуналы инквизиции, будет ли это святой трибунал или епископская инквизиция, находились под контролем папы; с другой стороны, общественное мнение настоятельно заявляло, что французские тамплиеры не были одни виновны и что иностранные члены ордена подлежали также наказанию за свои преступления. Чтобы Филипп мог воспользоваться конфискациями, которые он наметил во Франции, нужно было, чтобы подобные же меры были приняты во всей Европе, а для этого необходимо было содействие Св. Престола. Позднее

Климент объявил, что Филипп сообщил ему свой проект во всех подробностях в Лионе 14 ноября 1305 г.

Во время своего свидания с Климентом в Пуатье весной 1307 г. Филипп выдвинул обвинения против тамплиеров. Климент вызвал Молэ, который явился в сопровождении трех высших сановников ордена, бывших тогда во Франции: наставника Кипра де Карона, наставника Аквитании и Пуату де Жонвилля и визитора Франции Гуго де Перо. Им были сообщены обвинения. Климент заявлял, что Молэ перед своим арестом в присутствии своих подчиненных рыцарей и разных мирян и духовных лиц сознался ему в справедливости этих обвинений; но тамплиеры вернулись в Париж, очевидно, успокоенные и убежденные, что они вполне оправдались. 24 августа 1307 г. Климент в своем письме Филиппу упоминает об обвинениях, выдвинутых королем против тамплиеров во время их свиданий в Лионе и Пуатье, и о представлениях, сделанных по этому поводу агентами короля. Эти обвинения показались папе невероятными и невозможными; Молэ и высшие сановники ордена отвергли эти несправедливые обвинения, многократно просили расследования и соглашались подвергнуться самым суровым наказаниям, если будет признана их виновность; вследствие этого Климент по настоянию своих кардиналов предполагал по возвращении в Пуатье начать это расследование, поэтому и просил короля переслать ему собранные документы.

Филипп имел все необходимые средства для достижения цели и был уверен, что если Церковь будет вовлечена в это дело, то Климент не откажет в помощи. Инквизитор Франции являлся капелланом короля. В силу своего служебного положения он обязан был знакомиться со всяким обвинением в ереси и обращаться к содействию светской власти; он был выше специальных привилегий и личной неприкосновенности членов ордена. Свидетельские показания объявляли тамплиеров еретиками; и инквизитор, строго следуя закону, приказал Филиппу арестовать рыцарей, находившихся на его территории, и представить их на суд инквизиции.

Филипп старался, чтобы все делалось по приказу инквизитора, а свою поспешность оправдывал тем, что рыцари собирали свои сокровища и готовились бежать. 14 сентября были посланы представителям короля по всей стране грамоты с приказанием

арестовать по просьбе инквизитора Франции одновременно 13 октября всех членов ордена и наложить секвестр на все их имущества. 20 сентября инквизитор разослал инквизиторам, доминиканским приорам, субприорам и лекторам циркуляр с приказанием действовать и перечислял преступления тамплиеров. Приказывалось держать арестованных тамплиеров в строгом одиночном заключении; они должны были являться перед комиссарами инквизиции поодиночке; им должно было быть прочтено обвинение и обещано прощение, если они признаются и вернутся в лоно Церкви, их должны были предупредить, что в случае упорства они будут преданы смерти и будет применена пытка, чтобы добиться от них сознания. Собранные таким путем показания, скрепленные печатью инквизиторов, должны были быть немедленно доставлены королю.

В своих письмах от 21 ноября к Эдуарду Английскому и от 22 ноября к Роберту, герцогу Калабрийскому, Климент говорит, что Филипп действовал по приказанию инквизиции и отдал узников на суд Церкви. Святой трибунал в это время считался ответственным за всякое дело. Булла «Творя милосердие» 12 августа 1308 г. приказывает всем европейским инквизиторам принять участие в этом процессе. Все дело было строго инквизиционным; где действовала инквизиция, было не трудно собрать нужные свидетельские показания; в Кастилии и Арагоне это не удалось; в Англии также не могли ничего сделать, пока не установили временную инквизицию.

Аресты были произведены по всему королевству 13 октября 1307 г. на восходе солнца; немногим тамплиерам удалось бежать, Ногарэ лично захватил Парижский Тампль, где было арестовано около ста сорока тамплиеров, в том числе Молэ и высшие сановники ордена. Богатства ордена перешли в руки короля. 14 октября магистры университета и каноники кафедрального собора были приглашены в собор Парижской Богоматери; Гильом Ногарэ, парижский прево и другие сановники объявили о преступлениях, в которых обвиняли тамплиеров. 15 октября народ собрался в саду королевского дворца, где доминиканцы и королевские ораторы разъяснили ему суть дела; подобные же меры были приняты по всему королевству. 16 октября были посланы королевские письма ко всем князьям христианского мира об открытии ереси тамплиеров, и князей просили придти королю на помощь в деле защиты веры. С 19 октября по 24 ноября инквизитор

Франции и его помощники отобрали и записали признания ста тридцати восьми узников, арестованных в Парижском Тампле; все за исключением трех сознались по крайней мере в некоторых предъявленных им обвинениях. То же происходило и по всей Франции. Инквизитор иногда уполномочивал действовать вместо себя королевских чиновников. В одном Париже тридцать шесть тамплиеров умерли от пытки, в Сансе — двадцать пять, в других местностях смертность была тоже значительна. Молэ также не избежал пытки; его сознание, данное 24 октября, заключает в себе лишь часть заблуждений, в которых его обвиняли; но от него добились письма к братьям; в нем он уведомлял их, что сознался, и советовал им последовать его примеру. Молэ и другие высшие лица ордена, повторили свои признания перед магистрами и студентами всех факультетов университета, собранными в Тампле; при этом они добавили, что заблуждения, в которых их обвиняли, господствовали в ордене уже более тридцати лет.

Им были поставлены в вину следующие пять заблуждений: 1) Когда вступал неофит, то наставник в каком-нибудь уединенном месте заставлял его три раза отречься от Спасителя и плюнуть на крест. 2) Неофита раздевали донага, и наставник три раза целовал его в заднюю часть, в пупок и в уста. 3) Затем неофиту говорили, что содомский грех достоин похвалы (действительно, этот порок процветал в ордене). 4) Веревка, которую тамплиеры, никогда не снимая, носили поверх сорочки как символ целомудрия, освящалась тем, что ее обвивали вокруг идола, имевшего форму человеческой головы с длинной бородой, и эта голова, хотя ее знали только гроссмейстер и самые старые члены ордена, почиталась капитулами. 5) Священники ордена при совершении богослуженья не освящали Святых Даров.

Когда в августе 1308 г. Климент разослал по всей Европе списки вопросов, которые следует предлагать обвиняемым (эти списки были составлены Филиппом и заключали от восьмидесяти семи до ста двадцати семи вопросов), то эти пять обвинений были включены во все списки. К ним добавляли, что братьев поучали приобретать имущества для ордена всеми законными и незаконными средствами; эти преступления являлись строго определенными и неизменными правилами, установленными в ордене в такую отдаленную эпоху, что

ни один из членов не помнил их происхождения. В упрек ордену ставили таинственность, которой он облакал свои обряды.

Здесь не будет излишним рассмотреть вечно спорный вопрос о том, был ли орден виновен или нет. Критики на разных основаниях пришли к тому, что стали приписывать тамплиерам заблуждения манихеев и гностиков, а также каббалистические. Утверждали, что тамплиеры поклонялись идолам, хотя инквизиции не удалось захватить ни одного идола во время их внезапного ареста, вопреки показаниям некоторых обвиняемых, что эти идолы сохранялись в командорстве, их использовали при всех приемах вновь вступающих в члены. Современные теоретики много настаивали на том факте, что правила и статуты ордена были предназначены исключительно, для главных членов, что они должны были содержать изъяснение сокровенных тайн ереси. Однако в делопроизводстве нет на это ни одного намека; обвинители никогда не прибегали к тексту статут, хотя они захватили большое число экземпляров во время внезапного ареста тамплиеров. Молчание обвинения в этом отношении весьма убедительно. Несмотря на все тщание, с которым уничтожали экземпляры статут тамплиеров, два или три экземпляра сохранились и были опубликованы в наше время. Они полны самым аскетическим благочестием, самой абсолютной преданностью Церкви. Против ордена не имеется ни одного материального свидетельства, ни одного внешнего доказательства; все обвинение основывается исключительно на признаниях, вырванных обещанием прощения и угрозой костра, пыткой, страхом пытки или строгим тюремным заключением и лишением пищи, приемами, которыми обычно пользовалась инквизиция — как папская, так и епископская. Тамплиеру грозила смерть, если он продолжал отрицать свою вину, а сознание обещало ему безнаказанность.

До нас дошло несколько сот показаний, собранных во Франции, Англии и Италии. Чаще, всего они говорят против обвиняемых, так как подтверждения невиновности обычно опускались и придавалось больше значения более тяжким свидетельским показаниям. Мы имеем только признания, вырванные страхом пытки, и нет ни одного из этих мнимых еретиков, который упорствовал бы в веровании, приписанном ему. Достоверность свидетельских показаний сильно подрывается многочисленными противоречиями и подробностями. Главная

сущность этих «признаний» была всегда намечена заранее. Вместо строго определенной еретической веры и выработанного обряда мы видим разнообразие, которое могли только выдумать свидетели, старавшиеся удовлетворить палачей. Этот факт весьма заметен в показаниях двухсот двадцати пяти подсудимых, присланных из различных местностей Франции в папскую комиссию о допрошенных в 1310 и 1311 гг. Обычно они старались, чтобы их показания были согласны с теми, которые они дали перед епископской инквизицией, и они, насколько позволяла им память, оставались верны своим первоначальным показаниям. Обвинение никогда не могло получить серьезных показаний, не прибегнув к инквизиционным методам. Предположение некоторых современных историков, что в ордене существовали тайные степени и в них возводились только люди безусловно надежные, не основано ни на каких доказательствах.

Орден, павший жертвой этой ужасной трагедии, был неповинен в преступлениях, за которые пострадал, — это естественное заключение из рассмотрения всех дошедших до нас документов инквизиционного процесса тамплиеров. В связи с известием о предпринятом Филиппом под покровом авторитета инквизитора Франции преследовании тамплиеров Климент направил 27 октября 1307 г. королю письмо, в котором упрекал его в том, что он взялся за дело, которое в силу бреве от 24 августа было передано на рассмотрение папы. Умалчивая о вмешательстве святого трибунала, которое придавало характер законности всему делопроизводству, Климент заметил королю, что тамплиеры подлежали не суду короля, а суду Св. Престола; поэтому Филипп совершил тяжелое неповиновение, арестовав их и захватив их имущества, которые он немедленно должен передать посланным по этому делу кардиналам. Оба они были французы, попавшие в кардиналы только благодаря влиянию короля. Филиппу удалось легко придти с ними к соглашению. Хотя дело и пытки продолжались без перерыва, Климент письмом от 1 декабря выражал королю радость, что он передал дело в руки Св. Престола; затем в письме от 23 декабря Филипп заявил, что он не имел ни малейшего намерения вторгаться в права Церкви. Он говорил, что передал тамплиеров кардиналам; что же касается имущества арестованных, то им будут управлять отдельно, и оно не будет смешано с имуществом Короны. Климент 22 ноября, еще до окончания судебных дел в Париже, направил буллу всем

князьям Европы; в ней папа говорил о действиях Филиппа по просьбе инквизитора Франции, чтобы предать тамплиеров суду Церкви; что высшие лица ордена сознались в преступлениях, в которых их обвиняли; что он сам, Климент, допрашивал одного из них и все обвинения признал правильными. В заключение Климент приказывал всем государям держать арестованных в тюрьме и секвестровать их имущества от имени папы и под условием его решения. Если орден будет признан невинным, то его имущества будут возвращены ему, в противном же случае они будут употреблены на освобождение Св. Земли. Таким образом, Филипп принудил Климента принять участие в этом деле. Папа должен был начать расследование, порученное им инквизиции, которое могло привести только к падению ордена. Заручившись поддержкой папы, король велел начать допросы арестованных во всем своем королевстве.

Допросы тянулись в течение всей зимы 1308 г., когда Климент совершенно неожиданно прервал их; он прекратил власть инквизиторов и епископов Франции и присвоил себе все дело, ссылаясь на то, что неожиданность ареста, произведенного без его ведома, хотя он был так близко и его так легко было спросить, возбуждает в нем серьезные подозрения; эти подозрения не были уничтожены допросами, протоколы которых доставлены ему и которые могут только возбудить к себе недоверие.

Филипп написал папе полное негодования письмо: папа совершил великий грех; даже сами папы могут впадать в ересь. Климент виноват перед всеми прелатами и инквизиторами Франции; он дал тамплиерам такие надежды, что они отказываются от своих сознаний. Король решил укрепить свою независимость и отстоять свою юрисдикцию; он запросил мнение университета. Но богословский факультет дал 25 марта 1308 г. ответ, что светский суд имеет право рассматривать преступление ереси только по просьбе Церкви и только после того, как она выдала ему еретика; светская власть имеет право арестовать еретика, но только для того, чтобы выдать его духовному суду; тамплиеры, хотя и воины, были тем не менее монахами и, как таковые, не были подсудны светскому суду; если некоторые из них не произнесли еще формально обетов, то, действительно, они еще не монахи, но установить это может только одна Церковь; подозрений, которые породили свидетельские показания против всей конгрегации,

достаточно, чтобы оправдать следствие над орденом; так как против всех членов имелись серьезные подозрения, то следует принять меры, чтобы братья, не доведенные еще до признания, не могли совратить других; следует хранить имущество тамплиеров, чтобы употребить его на те цели, для которых оно дано ордену. Следует принять тот способ управления имуществом ордена, который лучше будет отвечать этим целям.

Филипп решил оказать давление на Климента. Он обратился с воззванием к послушным ему епископам и созвал в Туре на 15 апреля народное собрание, чтобы решить совместно с ним вопрос о тамплиерах. В пригласительных грамотах Филипп перечислил преступления тамплиеров как факт уже установленный. Почти единодушным было мнение собрания, что тамплиеры заслуживают смерти. 25 мая вызвали Молэ и других четырех главных лиц ордена явиться пред собранием, в котором заседали инквизитор Франции, ректор университета и другие духовные сановники. Молэ от имени своих товарищей повторил признание относительно обычая отрекаться от Христа и плевать на крест; тогда его заставили подписать и скрепить своей печатью письмо, адресованное всем тамплиерам Франции; он освобождал их от обязанности сохранять тайну и приказывал им, в силу обета послушания, сказать всю правду инквизитору или епископским судьям.

После этого Молэ просил отпущения грехов, прощения и снисхождения для себя и для своих товарищей, обещая подчиниться всякому духовному наказанию, которое наложат на него, и повиноваться всем приказаниям Церкви. Укрепив свое положение в этом деле, Филипп в конце мая отправился к Клименту в Пуатье. Переговоры по поводу дела были долгие. Филипп утверждал, что тамплиеры были признаны виновными и что их необходимо тотчас же наказать; Климент возмущался, что столь серьезное дело, зависящее исключительно от Св. Престола, было начато не по его инициативе. Конгрегация, подобная ордену тамплиеров, имела повсюду в Европе могущественных друзей, влияние которых в курии было очень сильно. Но в глазах всей Европы он бесповоротно связал себя буллой от 22 ноября; единственным вопросом был вопрос об условиях, на которых он предоставит делу идти своим порядком во Франции, возвратив инквизиции отнятую от нее власть. Климент сохранил за собою право

окончательного приговора. Поэтому из тюрем Парижа было извлечено семьдесят два тамплиера, чтобы подвергнуться допросу самого папы и коллегии кардиналов и чтобы старейшины Церкви могли утверждать, что они лично признали обвиняемых виновными. С 28 июня по 1 июля тамплиеры подверглись торжественному допросу пяти кардиналов, друзей Филиппа, назначенных вести это дело и подтвердили показания, данные ими перед инквизицией. Затем 2 июля это повторилось перед папой.

Таким образом, папская юрисдикция была признана, и в своих последующих буллах Климент мог утверждать, что обвиняемые добровольно и без всякого принуждения сознались в своих заблуждениях и смиренно просили отпущения грехов и воссоединения с Церковью. Климент и Филипп договорились: тамплиеры должны быть выданы папе, но от имени последнего их должен держать под стражей король; дело их должно быть рассмотрено епископами разных епархий, к которым будут присоединены инквизиторы; но Молэ и наставники Востока, Нормандии, Пуату и Прованса будут предоставлены суду папы; конфискованное имущество должно быть выдано комиссарам, назначенным папой и епископами; к этим комиссарам король тайно добавит избранных им уполномоченных; но Филипп должен дать письменное удостоверение, что употребит эти имущества исключительно на нужды Св. Земли. Климент объявил, что осуждение ордена как духовной конгрегации является настолько серьезным вопросом, что решить его невозможно без участия Вселенского собора; этот собор решено было созвать в октябре 1310 г. Климент 5 июля вернул инквизиторам и епископам права суда в этом деле. Каждому епископу Франции было приказано начать дело тамплиеров епархии; причем инквизиторам было позволено принять участие в деле; но было запрещено предпринимать какие-либо меры против ордена в целом; всем гражданам было приказано под страхом отлучения от Церкви арестовывать тамплиеров и выдавать их инквизиторам или епископским чиновникам.

17 августа и в последующие дни три кардинала допросили гротмейстера Молэ, магистра Кипра, визитора Франции и наставников Нормандии и Пуату. Обвиняемые подтвердили свои прежние показания и смиренно просили отпущения грехов и воссоединения с Церковью, которое и было дано им: к королю

обратились с просьбой простить их. 12 августа Климент выпустил целую серию булл, устанавливавших характер судопроизводства, которое следовало применить в данном случае. Булла «Творя милосердие» повелевала прелатам присоединиться к инквизиторским комиссарам, назначенным папой, вызвать к себе тамплиеров и начать розыск против них. Затем должны быть созваны провинциальные соборы для установления личной виновности или невиновности отдельных рыцарей, местные инквизиторы имеют право участвовать во всем делопроизводстве. Результат розысков должен быть переслан папе. Булла «Царствующий на небесах», обращенная к князьям и прелатам, предписывала созыв Вселенского собора в Вьенне.

1 октября 1310 г.; он должен решить участь ордена, обсудить вопрос об освобождении Св. Земли и принять необходимые меры для реформы Церкви. Во второй булле «Творя милосердие» от 8 августа папа формально вызывал тамплиеров явиться на собор лично или выслать своих доверенных, чтобы дать ответ по поводу обвинений, возведенных на орден; кардиналу Палестрины было приказано привести на собор Молэ и наставников Франции, Нормандии, Пуату, Аквитании и Прованса, чтобы они лично услышали решение. Эта серия булл была дополнена 30 декабря новой; в ней папа объявлял тамплиеров подозреваемыми в ереси, приказывал поэтому арестовывать их и передавать епископским судьям, запрещал князьям и прелатам давать им убежище и оказывать им помощь или покровительство под угрозой отлучения от Церкви и интердикта. Еще одна булла к князьям христианского мира приказывала схватить всех еще не арестованных тамплиеров. Папа оставлял за собой суд над магистрами Англии и Германии.

По всей Европе было предпринято преследование тамплиеров. Большое число специальных инквизиторов, которых потребовалось назначить, в сущности, были избраны королем. Во Франции после шести месяцев отсрочки тамплиеров перевели из инквизиторских в епископские суды, организованные Климентом. Папа уполномочил епископов действовать даже вне пределов их епархий; единственной целью было вырвать у обвиняемых признания, достаточные для созыва провинциальных соборов, которые должны были принять окончательные решения. Обвиняемых предупреждали, что тот, кто отречется от признаний, будет сожжен, как еретик-рецидивист. С теми,

кто отказался сознаться, поступали по усмотрению епископов и их помощников. Например, клермонский епископ допросил шестьдесят девять тамплиеров; из них сорок сознались, а остальные двадцать девять отказались признать существование в ордене какого-либо порока. Упорствующие заявили, что они настаивают на своих словах, и если они позднее сознаются под страхом пытки или тюрьмы, или другого какого-либо наказания, просили не верить их словам и не обвинять их в этом; после этого их не вынуждали сознаться.

Других спросили, имеют ли они сказать что-либо в свою защиту или готовы выслушать приговор по их делу; они ответили, что не хотят защищаться и не желают слушать приговор, но предают себя милосердию Церкви. Почти всегда невозможно различить действие епископских судов от действия судов инквизиторов, и если обвиняемый перед епископским судом пытался отказаться от признаний, вырванных судом инквизиции, ему грозили пыткой и заставляли подтвердить прежние признания.

Так работали все французские епископы в течение конца 1308 г. и в 1309–1310 гг., имея в виду только личную участь членов ордена. Участь имущества тамплиеров зависела от решения, которое будет вынесено над орденом как над целой конгрегацией; для этого Климент назначил день, когда орден должен был явиться пред Вьеннским собором в лице своих старшин и представителей, чтобы защитить себя и выставить мотивы против уничтожения своего ордена. Так как члены капитула и рыцари были рассеяны по разным тюрьмам Европы, то это было делом совершенно невозможным. Тем не менее буллой от 12 августа 1308 г. папа образовал под председательством Нарбоннского архиепископа комиссию, которой было поручено вызвать к себе всех тамплиеров Франции и переслать протоколы их допросов к нему. Комиссия 8 августа 1309 г. собралась в аббатстве Св. Женевиевы и циркулярами, адресованными к архиепископам королевства, вызвала всех тамплиеров явиться пред ними. В назначенный день 12 ноября комиссары собрались снова, но ни один тамплиер, естественно, не явился. Однако комиссии удалось добиться доставки на суд Молэ, де Перо и еще нескольких братьев, арестованных в Париже. Молэ заявил, что он недостаточно развит и образован, чтобы быть хорошим защитником ордена, но что он будет презирать себя, если не попытается сделать это; он просил как милости, чтобы ему дали

помощника и советника, дабы он мог защищать орден. Комиссары напомнили ему, что в делах о ереси не допускаются адвокаты, и предупредили его, каким опасностям он подвергает себя, выступая в защиту ордена после признания справедливости обвинений. Высшие лица ордена были отделены от остальных обвиняемых, так что Молэ, де Перо и де Гонвиль, обольщенные надеждой, что будут судимы особым папским судом, бросили своих учеников. После 28 ноября бальи получили приказание короля отправить под сильным конвоем тех тамплиеров, которые пожелают защищать свой орден. Новый вызов был сделан на 5 февраля 1310 г.; начали доставлять тамплиеров, желавших выступить на защиту ордена. 28 марта сто пятьдесят шесть защитников ордена было собрано в саду епископского дворца, где комиссары объяснили им, зачем их созвали, и посоветовали им выбрать из своей среды шесть, восемь или десять лиц в качестве уполномоченных, которым будут разрешены свидания со всеми заключенными в разных тюрьмах, и они смогут сговориться с обвиненными о способах защиты.

31 марта комиссары приказали своим нотариусам посетить тамплиеров в заключении и сообщить комиссии о желаниях и решениях обвиняемых. Огромнейшее большинство их заявило, что орден был чист и свят, но не знало, что делать в отсутствие старших членов ордена. Они просили, чтобы им прислали опытных и сведущих людей, которые могли бы дать им совет и явились бы от их имени на суд, так как сами они люди простые, неграмотные, заключенные в тюрьму и неспособные действовать; они просили также, чтобы была гарантирована безопасность свидетелям, так как всем тем, кто уже сознался, пригрозили костром, если они откажутся от своих первоначальных показаний.

7 апреля девять делегатов представили от имени всех записку, в которой говорилось, что заключенные не могут выбрать уполномоченных без разрешения гроссмейстера и конвента; но они готовы каждый порознь и все вместе защищать орден и просили разрешения присутствовать на разборе дела. Они заявляли, что обвинения- ужасная и неправдоподобная ложь, выдуманная отступниками и беглецами, которых исключили из ордена за преступления; все это сплетение лжи скреплено пытками отстаивавших истину и поощрением обещаниями или наградами

клеветников; они просили, чтобы им было гарантировано покровительство, так как принеся признание ежедневно грозили костром в случае отречения. В своем ответе узникам обещали похлопотать, чтобы с ними обращались хорошо, строго следуя указам, данным папой страже тамплиеров; и сообщили, что гроссмейстеру было предложено защищать орден, но он отказался, ссылаясь на то, что право суда над ним сохранил за собой сам папа. Дав тамплиерам призрачную возможность защищаться, комиссары принялись собирать свидетельские показания. Они назначили четырех уполномоченных тамплиеров — наставника Орлеана, прокурора ордена перед римской курией и двух рыцарей присутствовать при принесении свидетелями присяги и действовать, смотря по обстоятельствам дела; однако эти лица не были официально допущены в качестве адвокатов ордена. 13 апреля четыре депутата подали новую докладную записку, в которой, упомянув о пытках, при помощи которых были вырваны у подсудимых сознания, подтвердили, что для получения свидетельских показаний тамплиерам были представлены скрепленные королевской печатью грамоты, в которых им обещалась свобода и пожизненная пенсия и сообщалось об окончательном уничтожении ордена.

Этот протест, очевидно, имел в виду подготовить почву к тому, чтобы подорвать доверие к свидетелям обвинения; четверо уполномоченных просили также сообщить им имена всех свидетелей. До 9 мая продолжали собирать враждебные ордену свидетельские показания тщательно выбранных свидетелей. В воскресенье 10 мая комиссары были собраны по просьбе уполномоченных тамплиеров, сообщивших им, что Санский собор, поспешно собранный в Париже, постановил преследовать всех тамплиеров, выступивших на защиту ордена. Многие из этих защитников раньше уже сознались и подвергли смертельной опасности свою жизнь, когда, заявив категорически о чистоте ордена, отреклись от своих показаний. Поэтому четыре тамплиера обратились к комиссарам с просьбой оказать этим людям покровительство, так как решение собора обрекало их на смерть. Они просили, чтобы их личности, их права и их орден были переданы контролю Св. Престола и чтобы им даны были время и деньги, необходимые для поддержки апелляции. Кроме того, они просили комиссаров предложить санскому архиепископу не предпринимать никаких мер, пока не будет окончено производимое расследование.

Они выражали также желание, чтобы их отправили с одним или двумя нотариусами заявить свой протест прелату, так как они не могут найти ни одного легиста (знатока права), который написал бы им подобное заявление. Комиссары, однако, сообщили тамплиерам, что епископ и собор действуют в силу полномочий, данных папой. Буллой «Творя милосердие» предписывалось, чтобы немедленно по окончании епископских расследований были созваны провинциальные соборы для суда над братьями. Король, благодаря своим архиепископам, был хозяином положения. Провинциальные соборы были сразу созваны и навсегда прекратили всякие попытки идти против воли короля. Так как по каноническому закону еретики-рецидивисты осуждались, не будучи выслушанными, 11 мая Санский собор открылся в Париже, а уже 12 мая комиссары, когда они еще были заняты сбором свидетельских показаний, получили приказание сжечь в тот же день пятьдесят четыре человека из числа тех, кто выступил на защиту ордена. Они были осуждены как еретики-рецидивисты за то, что отреклись от своих первоначальных признаний. Пятьдесят четыре тамплиера были преданы мучительной смерти на медленном огне. Собор через несколько дней сжег еще четырех тамплиеров; велел вырыть и сжечь кости бывшего казначея ордена; сознавшиеся и подтвердившие свои признания были воссоединены с Церковью и выпущены на свободу, а те, кто упорно отказывался сознаться, были осуждены на пожизненное тюремное заключение. Через несколько дней после этого Реймский собор в Санлисе сжег девять других жертв, в Пон де л'Арк сожгли троих. Эти жестокие меры дали ожидаемый результат. Когда 13 мая комиссия открыла свое заседание, то первый свидетель заявил, что обвинения, возведенные на орден, ложны, хотя под пыткой он и признал часть их истинными. Но он готов сознаться перед комиссарами или перед всяким другим во всем, что только потребуют от него, даже и в том, что он убил Господа Иисуса Христа. Он заклинал комиссаров и нотариусов не сообщать только что сказанного тюремщикам или королевским чиновникам, так как тогда его сожгут. Затем другой свидетель, допрошенный раньше, умолял комиссию сохранить в тайне его показания ввиду опасности, угрожавшей ему. Комиссия собралась снова только 18 мая для того, чтобы напрасно потребовать от санского архиепископа освобождения одного из четырех представителей тамплиеров, выступившего пред судом

собора. Другой из этих четырех был также схвачен по приказанию собора, и комиссия больше не видела его. Много тамплиеров, пожелавших выступить защитниками ордена, поторопились отступить; была оставлена всякая попытка заставить Вьеннский собор выслушать тамплиеров. Климент не сделал ничего, чтобы вернуть своим комиссарам их власть, и выдал на ужасную смерть храмовников, взятых им же под свою защиту.

4 апреля буллой «Альма Матер» Климент отложил Вьеннский собор с октября 1310 г. на октябрь 1311 г., так как дело о тамплиерах потребовало больше времени, чем рассчитывали. Комиссия возобновила свои заседания только 17 декабря. Тогда оставшиеся два из четырех представителей тамплиеров заявили, что они не могут действовать от имени ордена без помощи двоих схваченных. Комиссия сообщила им, что оба их товарища отказались защищать орден, вернулись к своим первоначальным признаниям и осуждены Санским собором на пожизненное тюремное заключение. Комиссия предложила тогда этим двум рыцарям, что она разрешит им присутствовать при принесении свидетелями присяги и делать возражения; но они заявили, что не имеют права на это и удалились. Таким образом, ордену было отказано во всякой защите; дальнейшие действия комиссии по этому делу состояли в сборе свидетельских показаний обвинения. Комиссары заседали до июня, выслушивая свидетелей, которых выбирали королевские чиновники. Большинство свидетелей было воссоединено с Церковью после сознания, отречения и отпущения грехов, так что они не принадлежали более к ордену. Из большого числа тамплиеров, отказавшихся сознаться, весьма немногие случайно были допущены в комиссию. Некоторые обвиняемые также имели мужество отказаться от показаний, данных перед епископами; но кроме этих редких исключений все показания были враждебны ордену. 6 июня комиссия закончила работы и переслала свои протоколы Клименту как документы для решения собора в Вьенне.

Меры против тамплиеров принимали и за пределами Франции. На уведомление об аресте храмовников, посланное Филиппом 16 октября 1307 г., английский король Эдуард II ответил 30 октября: король и его совет крайне удивлены. Эдуард, желая оказать поддержку ордену, писал 4 декабря королям Португалии, Кастилии, Арагона и Неаполя, что источником обвинений были алчность и зависть; он просил этих

монархов не слушать клеветы и не предпринимать ничего, чтобы орден, известный своею чистотою и благородством, не подвергся притеснениям раньше, чем законным порядком не будет доказана его виновность. Король писал 10 декабря 1307 г. Клименту, что слава чистоты и верности учению Церкви, которою пользовались английские тамплиеры, не позволяет ему без новых доказательств поверить враждебным им слухам; он советовал папе выступить против клеветы, распространяемой людьми завистливыми и злыми. Однако через несколько дней после этого он получил буллу, изданную Климентом 22 ноября, и не смея более сомневаться в фактах, подтвержденных папой, повиновался предписаниям буллы. Уже 15 декабря были разосланы всем шерифам Англии подробные приказания об аресте всех тамплиеров. 10 января 1308 г. была дана инструкция об управлении конфискованных имений. 20 января такие же указы были посланы всем английским властям в Ирландии, Шотландии и Уэльсе.

Согласно распоряжению короля аресты были произведены, но тамплиеры не были заключены в тюрьмы, а сделаны пленниками на честное слово в ожидании вмешательства Св. Престола. Папские инквизиторы прибыли в Англию 13 сентября 1309 г. Король приказал арестовать еще не арестованных тамплиеров и собрать их в Лондон, Линкольн и Йорк, где они будут допрошены в присутствии епископов. Подобные же указы были посланы в Ирландию и Шотландию, куда инквизиторы назначили своих делегатов.

20 октября 1309 г. папские инквизиторы и лондонский епископ начали допрос тамплиеров, собранных в Лондоне. Все подсудимые подтвердили невиновность ордена; свидетели, не принадлежащие к ордену, в огромном большинстве заявили, что они также убеждены в невиновности ордена; некоторые, впрочем, повторили местные слухи и сплетни об ордене, которые были распространены в народе. Инквизиторы находились в стране, где закон не допускал применения пытки, а без ее помощи они были не в состоянии довести до конца свое дело. Они добились от короля позволения инквизиторам и епископским судьям обращаться с заключенными, как они найдут нужным. Указ об этом был повторен 1 марта 1310 г., а затем 8 марта. Однако до 24 мая не было получено ни одного серьезного показания, хотя допросы продолжались всю зиму и всю весну, 24 мая трое арестованных беглецов были доведены до признания во всем, чего от

них хотели. Климент 6 августа написал Эдуарду, что инквизиторы, лишённые права пытки, не могут добиться признаний; никакой закон и обычай не должны ограничивать их. После этого Эдуард снова 26 августа подтвердил указом, что епископам и инквизиторам предоставляется право применять церковный закон; это распоряжение подтверждалось 6 и 23 октября, 22 ноября и 28 апреля 1311 г. В последних предписаниях короля слово пытка было уже прямо произнесено из уважения к Святому Престолу. 18 августа 1311 г. такие же предписания были посланы шерифу Йорка.

Несмотря на тянувшееся более восемнадцати месяцев следствие, не удалось установить виновности тамплиеров. На провинциальных соборах в Лондоне и Йорке весной и летом 1311 г. обвиняемые сознались, что на них падало настолько «тяжелое» подозрение в ереси, что они не могут оправдаться при помощи законного искупления; поэтому они просили прощения, обещая подчиниться всякой епитимье, которая будет на них наложена. Некоторые из них соглашались также на отречение. Соборы постановили, чтобы эти тамплиеры были сосланы по различным монастырям, где они должны были выполнить наложенные на них епитимьи в ожидании, пока Св. Престол не решит судьбы ордена. Таково было окончательное решение относительно тамплиеров, принятое в Англии. Рыцарей не считали преступниками. В Ирландии и Шотландии розыск не дал никаких улик против ордена; ограничились только тем, что тщательно собрали все слухи и басни, сообщаемые свидетелями. Как только известие об арестах, произведенных во Франции, достигло Лотарингии, наставник приказал братьям сбрить бороду и снять свою одежду, освободив их неофициально от обета послушания. Герцог Тибо следовал политике уничтожения, принятой Филиппом. Много тамплиеров было сожжено, и герцог присвоил себе большую часть их имущества.

Тамплиеров в Германии было значительно меньше, чем во Франции. Первым выступил против них епископ Марбургский. Получив в мае 1308 г. приказание арестовать всех тамплиеров в своей провинции, он охотно повиновался. В его провинции было только четыре монастыря тамплиеров; он наложил свою руку на них и на их обитателей и сжег наиболее упорных. Еще в 1318 г. госпитальеры доносили Иоанну XXII, что тамплиеры продолжают владеть большей частью своего имущества.

Булла «Творя милосердие», изданная в августе 1309 г. и посланная немецким прелатам, сохраняла за папой суд над великим наставником Германии. Повсюду, кроме Магдебурга, на настоятельные приказания буллы обратили мало внимания. 30 декабря того же года Климент приказывал герцогу Австрийскому арестовать всех тамплиеров, живших в его владениях. Папа дал епископам Майнца, Трира, Кельна, Магдебурга, Страсбурга и Констанца специальное инквизиторское полномочие, чтобы они вели преследования каждый в своей епархии, а аббата из Крудачьо послал инквизитором остальной части Германии. Архиепископы приступили к делу только в 1310 г. В 1310 г. трирский и кельнский архиепископы уступили свои инквизиторские полномочия епископу Марбургскому за обладание имуществом и землями тамплиеров; Климент утвердил эту передачу, предписав действовать как можно энергичнее. Относительно лично самих тамплиеров началось следствие в Трире: было допрошено семнадцать свидетелей, в том числе три тамплиера; дело кончилось оправданием подсудимых. Майнцский архиепископ созвал 11 мая 1310 г. провинциальный собор, на который явился без приглашения тамплиер-командор Грумбаха и подтвердил невиновность ордена. Узнав об этом, Климент приказал снова собраться собору. Приказание папы было исполнено. Командор, его брат и магистры Рейнской провинции, предложили подвергнуться испытанию раскаленным железом, но им отказали. Было допрошено сорок девять свидетелей, в том числе тридцать семь тамплиеров; все они подтвердили под присягой невиновность ордена. Результатом был оправдательный приговор. Папа приказал епископу Марбургскому взять дело в свои руки; какой успех имел он — неизвестно. В Италии тамплиеры были немногочисленны. Получив буллу «Пастырское превосходство», изданную 21 ноября 1307 г., Роберт, герцог Калабрийский, сын Карла II, немедленно разослал по всем провинциям Неаполитанского королевства указ арестовать тамплиеров и секвестровать их имущество. Филиппу, младшему сыну Карла, герцогу Ахайи, было предписано строго выполнить во всех владениях Леванта папские предписания. 3 января 1308 г. должностные лица Прованса и Форкалькье получили приказ произвести аресты 13 числа того же месяца. В этих округах орден насчитывал много членов, но большинство их бежало, и арестовано было только сорок восемь, которых судили и казнили. Движимое имущество тамплиеров было

разделено между папой и королем, земли же были отданы госпитальерам. В собственно Неаполитанском королевстве инквизиторы не встретили помехи и могли, благодаря своим обычным приемам, собрать желанные свидетельские показания. То же можно сказать и о Сицилии, где Фридрих Арагонский ввел инквизицию в 1304 г.

В Папской области приказания буллы 22 ноября 1307 г. были исполнены буквально; все члены ордена были арестованы и у них вырвали признания. Когда была послана в Париж папская комиссия, чтобы дать ордену время подготовиться к защите на Вьеннском соборе, то послали и в другие места подобные комиссии, наделенные инквизиторскими полномочиями. Епископ Сутри и магистр Сабелло, получили инквизиторские полномочия на всю Папскую область. В октябре 1309 г. инквизиторы начали свои работы в Риме. Их энергичное расследование в течение девяти месяцев по всей Папской области кончилось открытием восьми тамплиеров и семи свидетелей, показавших против ордена. В других местах полуострова булла Климента 1307 г., приказывавшая архиепископам начать расследование, исполнялась не особенно строго.

Первой мерой был приказ подесте Казале 1308 г. инквизитора Ломбардии о выдаче трех тамплиеров. В 1309 г. архиепископ Пизы был назначен папским нунцием с полномочием вести дело в Тоскане, Ломбардии, Далмации и Истрии. Он и епископы нашли и допросили трех тамплиеров и девятнадцать свидетелей. По всей Италии были разосланы папские грамоты, в которых инквизиторам вменялось в обязанность разыскивать имущества тамплиеров; архиепископы Равенны и Пизы были назначены администраторами этих имуществ, которые были сданы в аренду и доходы с которых должны были поступить Клименту. 19 июня 1311 г. перед провинциальным собором в Равенне предстало семь тамплиеров. Собор предложил им принести присягу, допросил их относительно всех обвинений, перечисленных папой, и получил единодушное отрицание вины. Тогда спросили собор, следует ли подвергнуть обвиняемых пытке; ответ, несмотря на протесты двух доминиканцев, был отрицательный. Собор единогласно постановил простить невиновных и наказать виновных; к числу невиновных он отнес тех, которые, сознавшись под страхом пытки, отреклись потом от своих признаний, а также тех, которые отреклись

бы от своих слов, если бы могли не бояться нового применения пытки. Собор был за то, чтобы пощадить орден в целом, если невинные окажутся в нем в большинстве, а виновные будут вынуждены отречься и понести наказание в самом ордене. Кроме семи рыцарей, среди обвиняемых было еще пять братьев; им приказали оправдаться 1 августа присягой семи соприсяжников в присутствии болонского епископа; всем подсудимым удалось это сделать. Однако Климент приказал отправить рецидивистов на костер. Собор, назначая делегатов на Вьеннский собор, велел им стоять против уничтожения ордена, если не будет установлена его общая испорченность. Для Тосканы и Ломбардии Климент дал особое полномочие инквизиторов архиепископу Пизы, епископу Флоренции и канонику Вероны. Им было приказано начать розыски как относительно отдельных братьев, так в относительно всего ордена. Они собрали во Флоренции собор в сентябре и октябре 1311 г. Они широко применяли пытку и собрали свидетельские показания, благоприятные обвинению. Венеция отсрочила неизбежное уничтожение ордена, и там не произошло никаких бесполезных жестокостей.

Кипр был главной квартирой ордена; здесь находилась резиденция маршала, главы тамплиеров в отсутствие гроссмейстера. Здесь также собирался Конвент, или решающее собрание. Папская булла, в которой приказывалось арестовать тамплиеров, была получена на острове только в мае 1308 г. Регент Амори Тирский повиновался предписаниям из Рима, имущество тамплиеров было секвестровано, сами они были арестованы на честное слово; в тайнствах им отказано не было. Подобное положение продолжалось два года; затем в апреле 1310 г. аббату из Алэ и старшему священнику из Риети в качестве папских инквизиторов было поручено начать расследование относительно отдельных братьев и всего ордена вообще при помощи епископов Лимиссо и Фамагусты. Следствие началось 1 мая и тянулось до 15 июня. Все тамплиеры острова — семьдесят пять человек и пятьдесят шесть других свидетелей были надлежащим образом допрошены по всем многочисленным пунктам обвинения, единодушно отрицали виновность, утверждали чистоту ордена. Пытка не была применена. Их невинность подтверждали посторонние свидетели; хотя многие из них были политическими врагами обвиняемых, тем не менее все они решительно показали в пользу

ордена. По словам некоторых из этих свидетелей, на Кипре, где тамплиеров знали лучше, чем где-либо в другом месте, к ним чувствовали симпатию не только друзья, но и враги; никто не поставил в вину ордену никакого преступления. В августе 1311 г. Климент приказал подвергнуть кипрских тамплиеров пытке и получить от них нужные признания.

Письмо, посланное Филиппом королю Якову II Арагонскому 16 октября 1307 г., сопровождалось письмом доминиканца, который лично присутствовал при признании Молэ и многих других обвиняемых. Яков ответил 17 ноября; он хвалил тамплиеров своего королевства и отказался арестовать их, пока не получит улики их виновности или приказа самого папы. Через два дня он писал Клименту, прося его указаний; Климент в ответе 3 января 1308 г. указывал Якову на предписания от 22 ноября. Но Яков начал действовать раньше получения этого ответа; как только получил 1 декабря 1307 г. буллу 22 ноября. Епископу Валенсии и епископу Сарагосы король приказал произвести тщательное расследование о тамплиерах в их епархиях, а инквизитору Арагона было предложено уничтожить ересь. 3 декабря были разосланы королевские грамоты, в которых приказывалось немедленно арестовать всех членов ордена и секвестровать их имущество. Инквизитор издал указы, приказывавшие тамплиерам явиться пред его трибуналом в доминиканском монастыре в Валенсии, чтобы изложить свою веру; всем местным чиновникам запрещалось оказывать помощь обвиняемым. Яков созвал на 6 января 1308 г. собор прелатов для обсуждения дела совместно с инквизитором. Но даже и при этом Климент в грамоте от 22 января нетерпеливо упрекал короля в недостатке рвения в исполнении приказаний Св. Престола. Было произведено много арестов; некоторые из братьев успели скрыться; другие пытались бежать морем, захватив с собою большую часть своего богатства, но буря выбросила их на берег, и они были арестованы. Но большинство рыцарей заперлось в своих замках. 20 января 1308 г. их вызвали явиться на Таррагонский собор; они отказались, и Яков обещал прелатам привести этих мятежников. Почти все светские сеньоры обещали свое содействие королю. Однако много молодых знатных людей присоединилось к тамплиерам в их замках. Рыцари защищались мужественно. Первой сдалась в ноябре крепость Кастельот. Немного спустя наместник командора в Арагоне

Са Гвардиа, запертый в Миравете, получил от короля и не принял ультиматум с условиями сдачи. 22 октября он обратился с воззванием к самому Клименту. Напоминая о заслугах ордена перед верой, командор заявил, что семьдесят осажденных тамплиеров готовы явиться на суд папы или защищать свою веру против обвинителей с оружием в руках, как это подобает рыцарям, но у них нет ни прелатов, ни адвокатов, чтобы защищать их дело в суде; это дело папы.

Миравет был уже вынужден сдаться, когда Климент 5 января 1309 г. ответил на воззвание Са Гвардиа; так как тамплиеры передали себя и свое имущество в его руки, то папа послал в качестве специального комиссара для приема и их, и их имущества приора монастыря Св. Кассиана в Безье. Остальные крепости тамплиеров скоро также сдались; крепости Монтсо и Чаламера держались твердо до июля. Яков не был расположен отказываться от захваченного имущества. Он обещал только, если собор уничтожит орден, возратить имущество папе, сохранив право короны на вознаграждение. Самых же арестованных тамплиеров король 14 июля приказал своим вигье выдать инквизиторам и епископам.

В 1310 г. Климент послал в Арагон, как и в другие места, папских инквизиторов, специально уполномоченных вести дело. В Арагоне закон не признавал пытки. По просьбе инквизиторов король 5 июля 1310 г. приказал своим бальи заковать узников в цепи. Климент 18 марта 1311 г. потребовал, чтобы обвиняемые были выданы «монаху-пытателю». Король 29 сентября 1311 г. издал указ, предписывавший одному из королевских судей присутствовать на суде над тамплиерами; приговор должны были вынести двое судей вместе с епископами Лериды и Вича, специально назначенными для этого папой. На Вьеннском соборе Климент тем временем объявил уничтожение ордена, и судьба членов его была предоставлена решению поместных соборов. Был созван 18 октября 1312 г. в Таррагоне собор. Тамплиеров привели на собор и подвергли строгому допросу, 4 ноября публично объявили приговор: несмотря на все заблуждения, преступления и клеветы, возведенные на подсудимых, они были объявлены вне всякого подозрения; никто не смел нападать на их честное имя. Ввиду уничтожения ордена постановили, чтобы бывшие тамплиеры жили в тех епархиях, где находились их владения, и получали содержание, соответствующее доходам с их конфискованных земель. Это решение

было приведено в исполнение. Когда имущество тамплиеров перешло в руки госпитальеров, то на них перешло и это обязательство.

Яков I Майоркский не мог противиться давлению Филиппа Красивого и Климента и повиновался папским буллам от 22 ноября 1307 г. В конце того же месяца все тамплиеры, находившиеся в его владениях, были арестованы и заключены в тюрьмы. Только в Мас Дё, одной из самых сильных крепостей страны, заперлись двадцать пять тамплиеров; среди них находился и наставник Са Гвардиа, храбрый защитник Миравета, который после своей капитуляции был вытребован королем Майорки и добровольно присоединился к своим братьям.

Нарбоннский архиепископ 5 мая 1309 г. послал епископу Эльна, где находился Мас Дё, список главных пунктов обвинения, а также папскую буллу, в которой приказывалось произвести розыск. Только 5 января 1310 г. епископ вместе с двумя францисканцами, двумя доминиканцами и двумя из своих епископских каноников приступил к допросу арестованных. Все обвиняемые за все долгое время допросов единогласно в существенном подтвердили чистоту и благочестие ордена; их капеллан в доказательство представил требник приема в орден, написанный на народном языке. С негодованием они отказались верить, что гроссмейстер и высшая братия ордена признали истинность обвинений. Все показания были препровождены 31 августа 1310 г. епископом папе. В марте 1311 г. папа приказал применить пытки. Ризничий Майорки был назначен Климентом инквизитором против тамплиеров Арагона, Наварры и Майорки: в этих трех государствах были применены одни и те же меры. После Вьеннского собора архиепископ Таррагоны, папский хранитель имуществ тамплиеров в Арагоне, Майорке и Наварре распространил свою юрисдикцию на подданных Майорки — тамплиеров Руссильона и 15 октября 1313 г. объявил Са Гвардиа прощенным и невиновным, приказал ему и его братьям жить в Мас Дё на пенсию и на доход от садов и виноградников; другим тамплиерам были назначены разные пенсии. Однако в сентябре 1315 г. архиепископ Нарбоннский приказал привести на созванный им провинциальный собор всех тамплиеров, содержащихся в тюрьмах таррагонской епархии, и представить документы, относящиеся до дел этих тамплиеров, чтобы можно было решить участь обвиненных. Король, однако, заявил, что Климент

поручил ему охрану тамплиеров и он не выпустит их из своих рук без приказа папы; если тамплиеров надо будет наказать, то только он, король, может их судить на своем суде. Тамплиеров оставили в покое. Те из них, кто остался жив, получали пенсию, и в 1350 г. оставался только один из них.

В 1307 г. Наварра перешла к сыну Филиппа Красивого, Людовику Сварливому; французские порядки получили там преобладание, и папский инквизитор мог добиваться от местных тамплиеров свидетельских показаний способом наиболее действенным. В Кастилии не было принято никаких мер против тамплиеров до тех пор, пока изданной 12 августа 1308 г. буллой «Творя милосердие» папа не приказал прелатам действовать совместно с доминиканцем Эмериком де Навас, имевшим инквизиторские полномочия. Фердинанд IV потребовал от магистра Кастилии выдачи всех замков, принадлежащих тамплиерам. Но магистр предложил эти замки вдовствующей королеве Марии де Молина. После сложной интриги с участием Марии и инфанта все замки были отданы королю. За отсутствием инквизиции тамплиеров Кастилии судили епископы. Однако 15 апреля 1310 г. толедский архиепископ и лиссабонский епископ в качестве инквизиторов, назначенных Климентом, вызвали тамплиеров явиться на суд 27 мая в Медину дель Кампо. В вызове были поименованы только восемьдесят шесть лиц, остальные же тамплиеры были вызваны все вместе, без указания их имен; но в Медине допросили тридцать тамплиеров и трех посторонних свидетелей, показания которых были благоприятны для ордена. Розыски, произведенные лиссабонским епископом в Медине, Сели и в Оренсо, также не дали ничего. Приговором, объявленным Саламанкским собором в отношении провинции Компостелло, все тамплиеры были единогласно оправданы; указы Климента применять пытку к обвиняемым не были исполнены. Когда орден был закрыт, то большинство тамплиеров продолжало вести праведную жизнь.

Португалия в церковном отношении принадлежала к провинции Компостелло, и лиссабонский епископ, которому было поручено произвести следствие по делу ордена, не мог найти никаких улик против них. Участь португальских тамплиеров была исключительно счастливая, так как король Диниш в благодарность за услуги, оказанные ими во время его войны с сарацинами, основал новый орден

Иисуса Христа (де Авис), который был по его просьбе утвержден Иоанном XXII в 1318 г. Тамплиеры и их орден укрылись в этом верном убежище; командор и много наставников сохранили свое положение, и новый орден был простым продолжением старого.

Приближался день открытия заседаний Вьеннского собора. До этого времени не удалось получить против тамплиеров ни одной серьезной улики за пределами Франции, где епископы и инквизиторы были орудием безжалостной воли Филиппа. По мере приближения дня собора папа Климент отовсюду старался собрать свидетельские показания, подтверждавшие ересь ордена. Он заставил Эдуарда II ввести пытку в суды Англии, ему удалось подвергнуть пытке обвиняемых в Арагоне. От Кипра до Португалии князья и прелаты получили приказания папы вырвать признания пыткой. Собранные таким путем показания следовало немедленно отправить папе. Палачи не довольствовались тем, что пытали обвиняемых, еще не подвергавшихся пытке; они вытаскивали из темниц тех, кто уже подвергался пытке, и снова пытали их, чтобы получить от них новые, еще более нелепые признания. Так были допрошены в 1310 г. тринадцать тамплиеров во Флоренции, и некоторые из них сознались. Повинуясь новым приказаниям папы, инквизиторы собрались вторично в сентябре 1311 г. и начали новый ряд допросов. Шесть обвиняемых не выдержали и дали нужные показания относительно поклонения идолам, кошкам и т. п.; но семь других упорно утверждали, что орден невиновен. Инквизиторы представили Клименту только шесть нужных ему признаний.

Папа и король пустили в ход все свое влияние, чтобы добиться от собора одобрения заранее предрешенного осуждения ордена тамплиеров. Знаменательный факт: акты Вьеннского собора были будто бы выкрадены из папского архива, и историку приходится восстанавливать работы этого собора по некоторым упоминаниям современных составителей хроник и по папским буллам, в которых приводятся решения. Но от огромной массы документов, относящихся к тамплиерам, остались теперь только фрагменты. Вьеннский собор открылся в октябре 1311 г. На нем заседало триста епископов, прибывших из всех государств Европы; председательствовал сам папа. Климент настаивал на осуждении ордена тамплиеров без заслушивания его членов. Папа вызвал орден явиться на собор в лице

своих старших членов и представителей; он приказал кардиналу Палестрины привести их для этого. Однако, когда заседания собора открылись, высшие лица ордена не были приведены на него. Для рассмотрения этой щекотливой ситуации устроили частное собрание, на которое были приглашены прелаты, избранные среди представителей Испании, Франции, Италии, Венгрии, Англии, Ирландии и Шотландии, чтобы обсудить вопрос о виновности ордена в ереси с папой и кардиналами. В один ноябрьский день, когда это собрание слушало чтение донесений, присланных инквизиторами, неожиданно явились семь тамплиеров и выразили желание выступить в защиту ордена от имени тысячи пятисот или двух тысяч братьев-изгнанников, скитавшихся в горах Лионской провинции. Климент велел немедленно заключить их в тюрьму. Когда приступили к голосованию, то только один итальянский епископ и три французских прелата (архиепископы Санса, Реймса и Руана, сжегшие на костре тамплиеров-рецидивистов) решились подписаться под позорным осуждением ордена, не выслушав его представителей. Собор колебался. В Германии, Италии и Испании провинциальные соборы торжественно заявили, что они не нашли ничего преступного ни в орден, ни среди отдельных его членов. В Англии тамплиеры сознались только в том, что их обвиняли в ереси. Франция была единственная страна, где удалось собрать полные признания виновности. Клименту удалось только протянуть споры до февраля 1312 г.; в это время Филипп прибыл на собор в сопровождении принцев и большой свиты. Давление, оказанное королем и папой, сломило в конце концов упорство отцов собора. 22 марта Климент представил тайной консистории, составленной из кардиналов и прелатов, буллу «Голос свыше», в которой он признавал, что собранные улики не оправдывали с канонической точки зрения окончательного осуждения ордена, но объявлял, что орден запятнал себя таким скандалом, что ни один честный и порядочный человек не может уже вступить в него. Кроме того всякое промедление повлечет за собой лишь расхищение земель тамплиеров, и этим самым будет нанесен ущерб интересам Св. Земли; вследствие всего этого Св. Престол должен был объявить предварительно уничтожение ордена. 3 апреля открылась вторая сессия собора, и булла была объявлена на нем. Климент защищал ее, доказывая, что она необходима, чтобы умиловить «его дорогого

сына, короля Франции». Орден был уничтожен, хотя его и не признали виновным. Члены ордена были освобождены от всякой ответственности.

Возникший вопрос об имуществе тамплиеров вызвал долгий и довольно горячий спор. Клименту удалось добиться передачи этого имущества госпитальерам. Вышедшая 2 мая булла «Для верности» объявляла, что хотя до сего дня судопроизводство и не позволило законным образом уничтожить орден, но он бесповоротно уничтожен папским распоряжением и предан «вечному запрету»; всякий, кто пожелает вступить в него или примет его одежду, подвергается отлучению от Церкви. Св. Престол вступит во владение имуществом ордена и передаст его госпитальерам Св. Иоанна в Иерусалиме, за исключением имуществ, находящихся в Кастилии, Арагоне, Майорке и Португалии. В других местах всем, кто захватил и держал имущество, принадлежавшее раньше тамплиерам, было приказано до истечения месячного срока передать его госпитальерам под угрозой отлучения от Церкви.

Решение судьбы самих тамплиеров поручили провинциальным соборам, за исключением высших членов ордена, суд над которыми Св. Престол оставил за собой. Всем беглецам было предложено явиться до конца года к их епископам, которые должны допросить и судить их; всякое уклонение от суда повлечет за собой отлучение от Церкви, а кто в течение года будет находиться под отлучением и не испросит разрешения, того будут считать еретиком. Общие указания предписывали поступать с нераскаявшимися и рецидивистами со всей строгостью закона. Дела тех, кто даже под пыткой отказался сознаться в своих заблуждениях, передали провинциальным соборам, чтобы они поступили с ними согласно с канонами. Те, кто сознается, будут размещены по старым домам ордена или по монастырям, причем следовало строго наблюдать, чтобы их число под одной кровлей не было велико; им будут выдавать пенсию из доходов от имуществ ордена. Немногие соборы, однако, занялись судом тамплиеров. Много их умерло в тюрьмах, некоторые из так называемых рецидивистов были сожжены; другие, как нищие, бродили по Европе; третьи, наконец, едва-едва добывали себе дневное пропитание ручным трудом. В Неаполе Иоанн XXII приказал в 1318 г. доминиканцам и францисканцам поддерживать их. Когда некоторые из них захотели

жениться, то Иоанн XXII объявил, что их обеты связывают их навсегда и что всякий брак будет незаконным, и таким образом он признал, что принятие их в орден было совершено правильно и законно. Он признал их верными католиками также тем, что разрешил им вступать в другие ордена. Так поступило много тамплиеров, особенно в Германии, где участь их была менее тяжела, чем где-либо в другом месте, и где их приняли к себе госпитальеры, согласно постановлению, принятому на конференции во Франкфурте — на — Майне в 1317 г. Последний наставник Бранденбурга вступил в орден госпитальеров, сохранив свое звание.

Оставалось решить судьбу Молэ и других высших членов ордена, суд над которыми Климент оставил за собой лично. Только 22 декабря 1313 г. назначил он комиссию из трех кардиналов рассмотреть их дело и вынести или осуждение, или наложение епитимьи, сообразной с их преступлениями, а также назначить им из доходов ордена такую пенсию, которую эти прелаты найдут достаточной. Кардиналы отложили свой суд до 19 марта 1314 г.; в этот день на эшафоте, выстроенном перед собором Богоматери, заняли места Молэ, магистр Нормандии де Шарнэ, визитор Франции де Перо и магистр Аквитании де Гонвиль, извлеченные из темниц, где они томились почти целых семь лет, чтобы выслушать приговор, вынесенный кардиналами совместно с санским архиепископом и другими прелатами. Сообразно с теми преступлениями, в которых сознались обвиняемые, на них была наложена епитимья в виде пожизненного тюремного заключения.

Казнь де Молэ

Дело считали уже оконченным, когда Молэ и де Шарнэ заявили, что они совершили не те преступления, в которых их обвиняли, а позорную измену своему ордену, чтобы спасти свои собственные головы. Орден был чист и свят; обвинения, возведенные на него, — ложь, их признания также ложны. Кардиналы тотчас выдали обоим парижскому прево. Каноны предписывали сжигать еретиков-рецидивистов без всякого процесса; рецидив был ясен, и поэтому нечего было ждать, чтобы папская комиссия вынесла формальный приговор. В тот же день на закате солнца воздвигли костер на Острове Евреев на Сене. Там на медленном огне были сожжены Молэ и Шарнэ,

до самого последнего момента отказывавшиеся от всех предложенных милостей в обмен на отречение. Они с такой силой духа перенесли казнь, что заслужили у народа славу мучеников. Де Перо и магистр Аквитании подчинились епитимьи и умерли медленной смертью в своих темницах. Наставника Кипра избавила от костра смерть.

Филипп добился того, чего желал. С конца 1307 г. финансовые затруднения его заметно уменьшились. В его руки попали огромные имущества и всевозможные ценности. Хотя он и сделал вид, что желает отдать папе земли тамплиеров, однако сохранил их за собой и собрал вперед все доходы с них. Он даже наложил свою руку на большой монастырь тамплиеров в Париже, полудворец, полукрепость Тампль, одно из лучших зданий эпохи в архитектурном отношении. Таким образом, без всякой борьбы была уничтожена конгрегация, которая считалась самой сильной в Европе. Никто не осмелился бы напасть на нее, если бы инквизиционное судопроизводство не дало в руки людей ловких и мало стеснявшихся необходимые средства, чтобы облечь в законную форму простой грабеж.

Ненадежно было положение всякого, как бы ни было высоко его положение, когда против него возбуждали обвинение в ереси, и это обвинение поддерживал могущественный святой трибунал. История Жанны д'Арк показывает, как легко можно было применить инквизиционное судопроизводство в политических целях.

В 1429 г. французская монархия, казалось, была осуждена на гибель. Партийный дух заменил верность трону или отечеству; верноподданные были известны как арманьяки (сторонники герцога Орлеанского, графа Арманьяка), а не как сторонники Карла VII, а бургундцы. были сторонниками иностранца, а не своего наследственного монарха. Париж подчинился англичанам из расположения к герцогу Бургундскому, союзнику завоевателей. Домреми (на границе Лотарингии) и Вокулер были единственным центром арманьяков в Северо-Восточной Франции.

Даже смерть победоносного Генриха V в 1423 г. не остановила успехов Англии. Молодой Генрих VI занял французский престол своего деда Карла VI согласно договору, заключенному в Труа. Если бы не верность земель, присоединенных после альбигойских крестовых походов, Карл VII был бы королем без королевства. Его последней оборонительной линией на Луаре в 1429 г. грозила серьезная

опасность после осады Орлеана. В течение семи месяцев город сопротивлялся. Весной 1429 г. всякое дальнейшее сопротивление казалось бесполезным; Карлу оставалось только позорно отступить и отправиться в изгнание. Таково было безнадежное положение французской монархии, когда энтузиазм Жанны д'Арк воспламенил мужество и пробудил верность в подданных короля, заглушенную партийным духом, сделал из религии средство возбуждения патриотизма и заменил отчаяние доверием.

Жанна родилась 6 января 1412 г. в Домреми на границе Лотарингии и Шампани; ей не исполнилось еще семнадцати лет, когда она смело взяла на себя роль освободительницы своего отечества. Ее родители были крестьяне; она не умела ни читать, ни писать, но знала наизусть Отче Наш, Богородицу и Верую; она пасла коров и хорошо шила. Она была девушкой рослой и сильной, энергичной и настойчивой, к тому же легко приходила в возбуждение. В тринадцать лет она стала впадать в экстаз, и ей начали являться видения. Прежде всего ей явился архангел Михаил в сопровождении св. Екатерины и св. Маргариты, посланных Богом, чтобы охранять Жанну и заботиться о ней. Жанна считала себя орудием Божеской воли, и движения своей собственной пылкой души принимала за повеления свыше. Она по собственному желанию призывала божественных советников и получала от них наставления в трудную минуту. Со дня первого появления ей небесных посланников Жанна дала обет девства.

Голоса, как она называла их, стали слышаться ей по несколько раз в неделю и побуждали ее снять осаду Орлеана. Настояния ее небесных советников обратились в упреки в том, что она медлит последовать их наставлениям, и она не могла более откладывать выполнение своей миссии. Она выпросила у родителей разрешение пойти повидать своего дядю Дени Лаксара и убедила его тайно помочь ей встретиться с Робертом де Бодрикуром, который занимал по соседству от имени короля замок Вокулер. Храбрый рыцарь поверил Жанне и обещал испросить у короля разрешение послать ее ко двору. Разрешение короля пришло; Бодрикур дал Жанне костюм и шпагу, скромный конвой из одного рыцаря и пяти вооруженных людей и отправил в путь 13 февраля 1429 г. 24 февраля они прибыли в Шинон, где находился Карл со своим двором. Намерения Жанны были найдены достаточно серьезными, и их решено было подвергнуть рассмотрению. Прелаты и

доктора богословия, юристы и государственные люди в течение целого месяца допрашивали молодую девушку; все они один за другим были пленены ее простотою, жаром, убежденностью и тонкостью ее ответов. Но всего этого было еще мало. В Пуатье заседал парламент Карла, а также работал университет, представленный несколькими богословами, бежавшими из Парижского университета, перешедшего на сторону англичан. Жанну отправили в Пуатье и там три недели мучили бесконечным допросом.

В то же время производили тщательное расследование о ее прошлой жизни; все эти розыски установили, что добрая слава ее вполне справедлива и что она достойна доверия. Предложили Карлу, чтобы он попросил ее подтвердить каким-либо знамением, что она действительно посланница Бога; но она отвергла это, объявив, что небесная воля желает, чтобы знамение это явилось под Орлеаном, а не где-либо в другом месте. В конце концов, в официальном заключении говорилось, что ввиду ее честной жизни и достойного похвалы поведения, ввиду также ее обещания подтвердить знамением под Орлеаном свою миссию, король не должен ей мешать отправиться туда; надлежало отвести Жанну в Орлеан под надежной охраной, так как отвергать предложение молодой девушки, не имеющее в себе ничего дурного, было бы оскорблением Св. Духа и могло бы лишить милости и помощи Бога. Два месяца прошло в этих предварительных работах. Готовили обоз для доставки в Орлеан продовольствия, и Жанне было поручено сопровождать этот обоз. Согласно повелениям голосов, Жанна приказала сделать себе знамя, на котором на белом фоне был изображен между двух ангелов Христос, поддерживающий мир; это знамя было всегда во время битвы в первом ряду и считалось залогом победы. Жанне был назначен эскорт. 18 апреля она послала четыре письма: Генриху VI, регенту Английского королевства Бедфорду, начальникам английских войск, собранных под Орлеаном, и английским солдатам этой армии; она требовала возвращения ключей от всех городов, занятых ими во Франции; она изъявляла готовность заключить мир, если англичане оставят страну и уплатят вознаграждение за бедствия, принесенные их вторжением; в противном же случай она, в силу повеления, полученного ею от Бога, изгонит их из Франции после вооруженного нападения на них, подобного которому мир не видал тысячу лет. Эти послания страшно

удивили всех в английском лагере. Слух о прибытии Жанны распространился; о ней говорили, как о колдунье; все, кто верил в нее, считались еретиками; военачальник англичан Тальбот говорил, что если она попадет к нему в руки, он сожжет ее живой, а люди, принесшие ее письма, избежали подобной участи только благодаря Дюнуа, командовавшему в это время Орлеаном и пригрозившему местию.

Через двенадцать дней обоз отправился под командованием Жиля де Рэ и маршала С.-Север. Жанна обещала, что по дороге не будет никакого сопротивления, вера в нее значительно увеличилась, когда исполнилось это предсказание. Хотя обоз следовал от английской линии осады на расстоянии одного или двух полетов стрелы и было потрачено много времени на переправу через Луару продовольствия, предназначенного для города, тем не менее враг не сделал ни одного нападения. То же было, когда 4 мая прибыл в Орлеан другой обоз. Жанна настаивала на том, чтобы немедленно было предпринято наступление против осаждающих. Не посоветовавшись с ней, в тот день сделали атаку на передовое укрепление англичан на другом берегу Луары. Предание рассказывает, что Жанна, спавшая в это время, вскочила с криком, что режут ее людей, и, не застегнув даже как следует своей брони, вскочила на лошадь и галопом пронеслась через ворота, ведущие к полю битвы. Атака была начата плохо; но лишь только прибыла Жанна, ни один англичанин не смог больше нанести раны французу, и укрепление пало. На другой день проходили горячие схватки. 6 мая Жанна была ранена в ногу капканом, а 7 мая в плечо стрелой; но после ожесточенного сопротивления все английские укрепления на левом берегу Луары были взяты, а их гарнизон перебит или пленен. Английские потери составляли шесть или восемь тысяч человек, тогда как французы потеряли не более сотни. 8 мая англичане сняли осаду и так быстро отступили, что бросили больных и раненых, артиллерию и запасы. Французы, возбужденные победой, хотели преследовать англичан, но Жанна сказала: «Оставьте их бежать; на то воля Господа, чтобы они были разбиты не сегодня; вы встретитесь с ними в другой раз!» Если до прихода Жанны двести англичан обращали в бегство пятьсот французов, то теперь двести французов могли разбить пятьсот англичан. После освобождения Орлеана ни о ком не говорили так много, как о Жанне, хотя она и была окружена

славными рыцарями. Регент Бедфорд в своем донесении английскому совету видел в этой катастрофе только проявление божеского гнева, ниспосланного в наказание солдатам за тот постыдный страх, который внушала им «ученица и порождение демона, называемая Девой, которая пользовалась чародейством и колдовством». Английские войска потерпели значительный урон и пали духом, а французы ободрились и собирали сильное войско.

При том хроническом истощении, в котором находилась тогда королевская казна, для Карла было нелегко извлечь выгоду из этого неожиданного успеха; но народный энтузиазм был возбужден, и можно было найти войско для продолжения кампании. Д'Алансон был послан с армией прогнать врага из долины Луары; он взял с собой Жанну. Суффолк укрепился в Жаржо, но крепость была взята, и английский военачальник попал в плен со всеми своими людьми, не погибшими в сражении. Недостаток в деньгах заставил вернуться в Тур, где Жанна энергично настаивала, чтобы Карл отправился короноваться в Реймс. Она постоянно утверждала, что миссия ее состояла в том, чтобы освободить Орлеан и доставить королю корону; она заявляла, что дни ее сочтены и что не следует пренебрегать советами ее голосов. Но решили прежде всего уничтожить английское господство в центральных провинциях. Был предпринят новый поход, осажден и взят Божанси, а 18 июня в битве при Патэ после слабого сопротивления англичане обратились в бегство. Две тысячи пятьсот из них осталось на поле битвы, много попало в плен, в том числе Тальбот, Скульс и другие видные лица. Не много более чем в шесть недель все выдающиеся английские военачальники были убиты или взяты в плен, за исключением Фальстольфа, которого Бедфорд наказал за бегство в битве при Патэ тем, что лишил Ордена Подвязки (высшей награды Англии). Войска захватчиков были рассеяны и пали духом. Нет ничего удивительного, что во всех этих событиях одна из партий видела руку Бога, другая — руку демона. Даже нормандский летописец Кошон говорит, что англичане оставили бы французскую землю, если бы регент согласился на это, и что они были разбиты настолько, что один француз мог обратить в бегство трех англичан.

Отныне более не сомневались, что Жанной руководило вдохновение от Бога. 25 июня в Гиене обсуждался вопрос о том, что предпринять; и хотя советники Карла стояли за то, чтобы взять

Шаритэ и изгнать врага из Берри и Орлеанской провинции, король уступил настояниям Жанны, и было решено идти на Реймс. Город находился во враждебной стране; дорога преграждалась крепостями, а у короля не было достаточно средств, чтобы набрать и содержать армию или приобрести осадные орудия. Лишь только распространился слух о намерениях короля, отовсюду стали стекаться добровольцы; некоторые дворяне, не имевшие средств купить вооружение и лошадь, с радостью шли в ряды простых солдат и лучников. Эти плохо организованные полчища отправились в путь. Оксер, хотя в нем и не было гарнизона, отказался открыть свои ворота, но доставил провиант. Труа был занят сильным отрядом англичан и бургундцев; нельзя было оставить позади себя грозную крепость, и армия в течение пяти или шести дней стояла лагерем под стенами, которых, не могла разрушить за недостатком артиллерии. У солдат не было ни денег, ни провианта. Военный совет, по предложению реймского архиепископа канцлера Рено де Шартр, предложил отступление. Призвали Жанну, которая заявила, что город сдастся до истечения двух дней. Эта отсрочка была дана ей, и она тотчас же принялась собирать материал для устройства траншей и велела навести несколько маленьких кулеврин. Город, охваченный внезапным ужасом, изъявил желание сдаться; гарнизону разрешили выйти, и город покорился... Когда Жанна вступила в Труа, к ней явился один монах, по имени Ричард, которому население поручило допросить ее. Этот брат был известным доминиканским проповедником, недавно вернувшимся из путешествия в Иерусалим; в апреле он своим красноречием произвел сильное впечатление в Париже. Жанна приобрела такое безграничное влияние на этого монаха, что он посвятил себя служению ей и следовал за ней во всех ее походах, употребляя все свое красноречие на то, чтобы уничтожать в людях не грехи, а неверность Карлу.

Поход на Реймс был рядом последовательных триумфальных этапов. Шалон на Марне изъявил покорность и принес присягу на верность. Из Сесо гарнизон бежал, а население с восторгом приняло своего короля, герцоги Лотарингии и Бара присоединились к нему с сильными отрядами. В Реймсе от имени герцога Бургундского начальствовал сеньор Савёз, один из самых храбрых рыцарей своего времени; но слух о чудесах Девственницы дошел до горожан. Они покорились Карлу, и Савёз бежал. Карл вступил в город 16 июля. В

воскресенье 17 июля он был коронован королем Франции. Во время церемонии Жанна стояла около алтаря, держа в руках свое знамя.

Немногим более чем за три месяца Жанна сделала королем человека, готовившегося бежать из Шинона. В несколько дней Бовэ, Санлис, Ланс, Суассон, Шато-Тьерри, Прованс, Компьен и другие места признали Карла королем и приняли королевские гарнизоны. Крестьяне благодарили Бога, что наконец-то наступает мир. В составленном в это время молебствии имеется молитва, в которой говорится, что Бог освободил Францию рукой Девственницы. Один бургундский летописец передает, что все французские солдаты видели в ней Божьего посла, чтобы изгнать англичан.

Карл выразил Жанне признательность щедрыми дарами. На другой день после коронования Карл по просьбе ее освободил от всяких налогов Домреми и Грё, и этой милостью они пользовались до самой революции 1789 г.; в декабре 1429 г. он возвел в дворянское достоинство семью д'Арк и ее потомство, дав ей герб — две лилии, пересеченные мечом на лазурном фоне, и предоставил потомкам право именоваться Дю Лис.

По всей Европе не только государственные и военные люди с удивлением следили за странными превратностями войны, но и ученые и богословы разделились во взглядах, была ли Жанна орудием сил небесных или адских духов. В Англии, разумеется, все единогласно приписывали победы «колдуньи» страху, который внушала она, а не силе ее оружия.

Дошло несколько сочинений, приписываемых канцлеру Парижского университета Герсону, о том, была ли Жанна женщиной или призраком, следует ли смотреть на ее действия, как на божественные или как на призрачные, происходят ли эти действия от добрых духов или от злых. В течение нескольких недель, следовавших за коронацией, Жанна была в апогее своей славы. Бесперывный ряд успехов показал, что она действительно была послана Богом. Она спасла государство. Во время своих неудач под Парижем и Шаритэ Жанна естественно должна была придти к убеждению, что попытки эти не удались, потому что они были предприняты против воли голосов. Смены успеха и поражения показывают, что либо французы утратили первый пыл своего энтузиазма, либо англичане, освободившись от панического страха, решились сломить адские

силы. Бедфорду удалось выставить внушительную армию при помощи кардинала Бофора, уступившего ему четыре тысячи крестоносцев, набранных в Англии против гуситов. Англичане загородили дорогу к Парижу; три раза обе армии, почти равные по численности, сталкивались лицом к лицу, но Бедфорд умел каждый раз ловко выбирать укрепленную позицию, на которую Карл не осмеливался напасть. В конце августа Бедфорд, опасаясь вторжения в Нормандию, отправился в эту провинцию, оставив открытой дорогу к Парижу. Карл прошел до С.-Дени, который взял без всякого сопротивления 25 августа. 7 сентября сделана была попытка захватить врасплох Париж при помощи друзей, находившихся в нем; так как эта попытка не имела успеха, то 8 сентября атаковали всеми силами ворота С.-Онорэ; после пяти или шести часов ожесточенной битвы осаждающие были отброшены, потеряв пятьсот человек убитыми и тысячу ранеными. Как всегда, Жанна сражалась в первом ряду, пока не упала, раненная в ногу стрелой; рядом с ней был убит ее знаменосец. В С.-Пьер-ле-Мустье былой энтузиазм придавал волонтерам силу, и они пошли на приступ так легко, как будто взбирались по лестнице; но это было лишь первым актом осады Шаритэ, кончившейся полной неудачей.

В начале весны 1430 г. герцог Бургундский пришел на помощь своим английским союзникам, подняв сильную армию, чтобы взять обратно Компьен. Деятельность Жанны не ослабевала. Во время Пасхальной недели в середине апреля она находилась возле Мелена, где голоса возвестили ей, что она будет взята в плен до Иванова дня. В конце месяца она напала на бургундцев во время их похода при Пон-л'Эвеке, но потерпела поражение. Около 1 мая Компьен был обложен. Эта осада должна была стать решительным событием всей кампании; поэтому Жанна поспешила на выручку. 5 мая, до рассвета, ей удалось войти в город с подкреплением. Было решено сделать после полудня того же числа вылазку под командованием Жанны. Она напала на лагерь знаменитого рыцаря де-ла-Туазон д'Ор, Болдона де Нуаелль, который, несмотря на неожиданность нападения, оказал мужественное сопротивление. С соседних линий пришли на помощь Болдону другие войска, и исход битвы некоторое время был неопределенным. Отряд в тысячу англичан, остановившийся на пути к Парижу, чтобы помочь Филиппу Бургундскому, бросился между французами и городом в тыл отряду Жанны. Девственница отступила и старалась вывести своих

людей невредимыми; но прикрывая отступление, она не могла захватить обратно укреплений и была взята в плен Батардом Вандомским, офицером Иоанна Люксембургского, графом де Линь. Велика была радость в английском лагере, когда узнали, что страшная Девственница попала в плен. Пленение Жанны казалось более ценным, чем подкрепление в пятьсот вооруженных людей, так как не было ни одного офицера, ни одного военачальника, который внушал бы такой страх, как она. В Мариньи сам герцог Бургундский навестил Девственницу. Тотчас же поднялся вопрос, кому должна принадлежать пленница. Как военнопленная, она принадлежала Иоанну Люксембургскому. Тем не менее англичанам было необходимо забрать в свои руки Жанну не только для того, чтобы помешать французам выкупить ее, но и для того, чтобы уничтожить ее колдовство, осудив ее духовным судом. Для этого подходящим орудием была инквизиция. Жанну англичане открыто считали колдуньей, поэтому она была подсудна инквизиции. Вследствие этого, через несколько дней после ее пленения, викарный инквизитор Франции Мартин Бильон официально потребовал освобождения пленницы, а Парижский университет написал герцогу Бургундскому два письма, советуя ему предать Жанну скорому суду и наказанию из боязни, чтобы врагам герцога не удалось освободить ее. Иоанн Люксембургский не имел желания выдать безвозмездно свою драгоценную добычу. Тогда прибегли к другому средству. Компьен, где Жанна была взята в плен, принадлежал к епархии Бовэ. Граф-епископ Бовэ Пьер Кошон, хотя был родом француз из Ремуа, являлся горячим сторонником англичан, а его жестокость возбудила против него позднее ненависть даже его партии. Он был изгнан со своей кафедры год тому назад, когда население принесло присягу на верность Карлу под влиянием успехов Жанны; поэтому он не питал расположения к Девственнице. Ему предложили потребовать к себе пленную, чтобы судить ее в силу епископской юрисдикции; но даже и он отступил перед этим позорным делом и отказался действовать, пока ему не будет доказано, что он обязан сделать это. Обещание епископии Лизьё, которая была дана ему впоследствии за его услуги, помогло убедить его. Между тем обратились к авторитету Парижского университета. 14 июля университет послал письма Иоанну Люксембургскому, напоминая ему, что он рыцарской присягой обязался защищать честь Бога,

католическую веру и святую Церковь. По всей Франции распространялись слухи об идолопоклонстве Жанны, о ее заблуждениях, лжеучениях и бесчисленных дурных поступках. Инквизиция предъявила свои права на суд над пленницей, выдачи Жанны настойчиво требовал епископ Бовэ, также предъявивший на нее права; все прелаты-инквизиторы были судьями в вопросах веры, и все христиане, каково бы ни было их общественное положение, должны были повиноваться этим судьям. Заручившись такой поддержкой, Пьер Кошон выехал из Парижа в сопровождении нотариуса и представителя университета и 16 июля представил свое поручение герцогу Бургундскому, стоявшему лагерем под Компьеном; он также послал лично от себя повестки герцогу Иоанну Люксембургскому и Батарду Вандомскому, требуя от них выдачи Жанны, чтобы он мог судить ее по обвинению в колдовстве, идолопоклонничестве, в призывании демона и других преступлениях против веры. Он выражал готовность немедленно начать дело совместно с инквизитором и докторами богословия. Он предлагал, кроме того, выкуп в шесть тысяч и пенсию Батарду Вандомскому от двух- до трехсот ливров; если эта сумма будет найдена недостаточной, то она будет увеличена до десяти тысяч ливров, хотя Жанна и не была такой крупной особой, чтобы король имел право дать за нее столь большой выкуп; если князья потребуют того, то уплата будет обеспечена известными гарантиями. Герцог переслал эти письма Иоанну Люксембургскому, который согласился продать свою пленницу за предложенную сумму. Бедфорд должен был созвать штаты Нормандии и назначить особый налог, чтобы собрать нужную сумму. Наконец, 20 сентября деньги за Жанну были внесены.

Во время всех этих проволочек Карл VII не сделал ничего, чтобы спасти женщину, которой он был обязан короной. В течение долгого дела, возникшего после этого, он даже не просил Евгения IV или Базельский собор перевести дело на их суд, тогда как было бы трудно отказать ему. Партия мира при дворе во главе с любимцем короля и недоброжелателем Девы Ла-Тремуйлем не желала, чтобы героиня получила свободу; слабый себялюбивый монарх предал Жанну.

Девственница под сильной охраной, чтобы она не ускользнула при помощи какого-либо чародейства, была переведена из Мариньи в замок Больё, а отсюда в замок Бореуар. Два раза она пыталась бежать.

Раз ей удалось запереть в свою камеру стражников, и она убежала бы, если бы тюремщик не заметил ее и не схватил. Затем, когда она узнала, что будет выдана англичанам, то с отчаянья бросилась с высоты своей башни в ров. Ее голоса запретили ей это, но она заявила, что предпочитает смерть плену у англичан; впоследствии ей поставили в вину эту попытку самоубийства. Ее подняли в бессознательном состоянии, но она быстро поправилась. Ее везли в Руан, закованную в цепи, и заключили в тесную темницу, где стражники наблюдали за ней день и ночь. Она была выдана Церкви, а не светским властям, и ее должны были запереть в церковную тюрьму, но англичане купили свою добычу. Охрана пленницы была поручена Варвику.

Пьер Кошон не торопился начать дело. Прошел целый месяц; в Париже были недовольны этим. Столица, всецело стоявшая на стороне англичан, питала к Жанне особую ненависть за то, что Девственница обещала во время осады разрушить город и перебить жителей, и за то, что успехи Жанны вызвали блокаду города. Эта ненависть сказалась устами докторов университета, которые уже с самого начала преследовали Жанну с неутомимой жестокостью. Они послали 21 ноября Кошону письма, в которых упрекали его за медленность, с которой он приступал к делу; в то же время они просили английского короля, чтобы дело разбиралось в Париже, где легко можно было найти много ученых богословов. Однако Кошон, ознакомившись с данными, на которых ему приходилось основывать преследование, увидел их слабость. Он был занят сбором сведений обо всех мелочах из жизни Жанны, на которых можно было основать обвинение. Юрисдикция Кошона имела силу, так как обвиняемая была взята в плен в епархии Бовэ; но прелат в то время был изгнан из своей епархии; от него требовали, чтобы он вел дело не только в другой епархии, но даже в Другой провинции. Архиепископство Руанское было вакантно, и Кошон обратился к членам капитула с просьбой разрешить ему устроить заседания духовного суда в пределах их судебного округа. Просьба была удовлетворена, и епископ выбрал экспертов, которые бы приняли участие в деле в качестве ассессоров. Университет послал ему большое число таких экспертов, причем все расходы приняло на себя английское правительство; но труднее было найти соучастников среди прелатов и докторов самого Руана. На одном из первых заседаний один из них, Николай Гуппеланд, прямо заявил,

что ни Кошон, ни другие судьи, принадлежащие к партии, враждебной Жанне, не имеют права заседать, тем более, что обвиняемая была уже допрошена архиепископом Реймса, которому подчинена была епархия Бовэ.

За это Николая заключили в руанский замок и грозили изгнанием в Англию и потоплением. Все приглашенные принять участие в судилище скоро убедились, что малейшее проявление расположения к обвиняемой навлекало на них месть англичан; подвергали штрафу всякого пропустившего заседание. В конце концов было собрано от пятидесяти до шестидесяти богословов и юристов, среди которых были аббаты Фекампа, Жумьежа, С.-Катерины, Вормейля, Прео, приор Лонгвилля, архидиакон и казначей Руана и другие видные лица. 3 января 1431 г. английский король повелел выдавать Жанну Кошону всякий раз, когда явка ее будет необходима; всем королевским чиновникам было приказано помогать епископу по первому его требованию. Как будто виновность Жанны была уже установлена, в грамотах короля перечислялись ереси и злодеяния обвиняемой, а в заключение говорилось, что если Жанна будет оправдана, то ее не следует выпускать на свободу, но надо отдать под охрану короля. Однако Кошон только 9 января собрал восемь своих экспертов и представил им все собранное им по делу до сего времени. Судьи решили, что собранных улик недостаточно и что надо произвести дополнительное следствие. Немедленно были приняты меры для производства новых расследований. Николай Байльи, отправленный собрать подробности о детстве Жанны, привез благоприятные для обвиняемой сведения; Кошон уничтожил его донесение и отказался уплатить расходы по поездке. Приняли инквизиционную систему, состоявшую в том, чтобы заставить самую обвиняемую выдать себя. Один из членов суда, Николай л'Уазелер, переоделся в светское платье и был допущен в камеру Жанны. Он притворился лотарингцем, заключенным в тюрьму за верность Карлу VII и снискал себе доверие пленницы, которая с ним говорила совершенно откровенно. Затем Варвик и Кошон, сопровождаемые двумя нотариусами, спрятались в соседней камере, перегородка которой была просверлена, а Уазелер заставлял Жанну говорить о своих видениях. Но один из нотариусов заявил, что подобный прием незаконен, и смело отказался участвовать

в нем. Каноник Бовэ, Жан Эстиве, исполнявший обязанности обвинителя, испробовал то же средство, но также безуспешно.

Только 19 февраля были готовы обвинительные пункты; но среди членов трибунала не было представителя инквизиции, и это делало недействительным все делопроизводство. Инквизитором Франции был брат Жан Граверан; он в 1424 г. назначил своим викарным в Руан брата Жана ле-Метр. Ле-Метр держался в стороне; но без него обойтись нельзя было, и на заседании 19 февраля решили позвать его вместе с двумя нотариусами принять участие в дебатах и выслушать чтение обвинений и свидетельских показаний. Прибегли даже к угрозам, и ле-Метр явился на процесс. Только 12 марта он получил от Граверана особое полномочие председательствовать вместе с Кошоном в трибунале. 21 февраля обвинитель Жан Эстиве потребовал явки и допроса пленницы.

Допросы Жанны тянулись три месяца; перерыв был сделан только с 18 апреля по 11 мая ввиду тяжелой болезни обвиняемой. Невежественная крестьянка, ослабленная муками жестокого тюремного заключения и вынужденная ежедневно отвечать на ловкие коварные вопросы, придуманные судьями, никогда не теряла ни присутствия духа, ни чудесной ясности ума. Ей расставляли ловушки, которые она угадывала инстинктом. На нее одновременно сыпались вопросы двенадцати судей, которые затрудняли бы школьных богословов, и прерывали ее ответы. Ответы Жанны тщательно рассматривались, а затем ей снова предлагали их в другой форме. Дева отказалась принести присягу отвечать без оговорок на все вопросы и откровенно заявила: «Я не знаю, о чем вы будете меня допрашивать; быть может, вы будете допрашивать меня о таких вещах, о которых я не желаю говорить». Она соглашалась отвечать только на всякий вопрос, касающийся ее веры и обвинений. Когда озлобление Кошона выводило из границ, то она оборачивалась к нему и кротко говорила: «Вы называетесь моим судьей; я не знаю, судья ли вы мой в действительности; поберегитесь судить несправедливо, так как вы подвергаете себя большим опасностям; я вас предупредила, так что если Господь Бог накажет вас, то я, по крайней мере, исполнила свой долг». Когда ей угрожали пыткой, она просто сказала: «Если вы пыткой вырвете у меня признания, то я заявлю, что они получены насилием». Переноса ужас своей темницы и допросов, она ни разу не

пала духом. Часто она отказывалась отвечать на допросе раньше, чем спросит у своих голосов, может ли она раскрыть то, что от нее требовали; а затем на следующем заседании она объявляла, что ей разрешено говорить.

Наконец в одном важном пункте судьям удалось поставить ее в затруднение. Ее предупредили, что если она совершила какой-либо поступок, противный вере, то должна подчиниться решению Церкви. Она изъявила желание подчиниться Богу и святым, но это, сказали ей, — Церковь торжествующая и небесная, она же должна подчиниться Церкви воинствующей и земной, в противном случае она является еретичкой и ее следует выдать светским властям для сожжения. Пользуясь ее невежеством, судьи поставили вопрос в более ясной форме. Когда ее спросили, не хочет ли она подчиниться папе, она сказала: «Отведите меня к нему, и я отвечу ему». Наконец, ее довели до того, что она согласилась повиноваться Церкви, если только Церковь не прикажет ей сделать что-либо невозможное; когда же ей предложили определить это «невозможное», она сказала, что это значит отказаться исполнить то, что повелел ей Бог, и отрицать истинность того, что она подтвердила о своих видениях. Об этом она не хотела отвечать никому, кроме Бога. Кошон запретил упоминать об этом в судебном протоколе.

После 27 марта Жанне прочли длинный список обвинений. Эксперты решили, что она должна правдиво и немедленно отвечать на обвинения, что она и сделала, отказавшись от адвоката, которого предлагал ей Кошон. Болезнь Жанны прервала судилище; когда она выздоровела, 12 мая двенадцать членов трибунала собрались у Кошона, чтобы решить, следует ли ее подвергнуть пытке. Девять судей полагали, что пытка не нужна, так как дело и без того ясно. В это время тайный комитет, выбранный Кошоном, свел все пункты обвинения к двенадцати, которые были признаны вполне доказанными и подтвержденными сознанием; они легли в основание последующих решений и окончательного приговора. Копию пунктов обвинения послали пятидесяти восьми ученым экспертам, а также руанскому капитулу и Парижскому университету с просьбой высказать свое мнение. Университет ради формы тщательно обсудил дело и поручил богословскому и юридическому факультетам выработать решение, которое было одобрено 14 мая и отправлено в Руан.

19 мая члены суда собрались, чтобы выслушать ответ университета; затем приступили к голосованию. Некоторые высказались за немедленную выдачу Жанны светской власти, согласно с инквизиционным судопроизводством; но было постановлено прочесть Деве пункты обвинения и решение университета и вынести окончательный приговор сообразно с тем, что она скажет в свою защиту. Поэтому 23 мая она снова была приведена на суд. Краткое резюме документа, прочтенное ей, показывает, что виновность Жанны была предreshена заранее. Университет, как это он делал всегда, предусмотрительно добавил, что решение его должно иметь силу только в том случае, если пункты обвинения доказаны должным образом; но на Жанну смотрели так, как если бы она признала обвинения справедливыми и уже подверглась формальному осуждению.

Видение ангелов и святых. — Эти видения были признаны суеверными, исходящими от злых духов и дьявола.

Чудесное знамение, данное ею Карлу; корона, принесенная св. Михаилом. Признали, что это — пустая выдумка, посягающая на достоинство Церкви.

Утверждение, что она узнавала Святых и ангелов по тем наставлениям и ободрениям, которые они давали ей; вера в эти явления, как в веру Христову. — Основания, приведенные обвиняемой, недостаточны, сравнивать упование на эти явления с упованием на Иисуса Христа есть заблуждение в вере.

Предсказанье будущих событий; утверждение, что она могла при посредстве голосов узнавать незнакомых людей. — Суеверие и чародейство.

Ношение мужской одежды и коротких волос; принятие святых таинств в таком виде под предлогом, что так приказывает Бог. — Богохульство, оскорбление таинств, нарушение божеского Закона, Священного Писания и канонических постановлений.

Выставление на своих письмах имени Иисуса, имени Марии и знака креста; угроза, если не послушаются ее писем, показать в битве, на чьей стороне действительное право. — «Ты убийца и бесчеловечная, ты ищешь пролития крови; ты мятежница и ведешь к тирании; ты хулишь Бога, Его повеление и откровение».

Самовольный уход из дома, обещание Карлу восстановить его королевство, и все это по повелению Бога,-

«Ты была зла к своим родителям, ты нарушила повеления Бога, приказывающего почитать родителей. Ты произвела соблазн, ты возвела хулу на Бога, ты погрешила в вере и дала своему королю обещание безрассудное и тщеславное».

Прыжок с башни Бореуар в ров и предпочтение смерти плену в руках англичан, несмотря на запрещение голосов. — Малодушие, отчаяние и стремление к самоубийству; говоря, что Бог простил эту вину, «ты допустила заблуждение в вопросе о свободной воле человека».

Заявление, что св. Екатерина и св. Маргарита обещали ей рай, если она сохранит свое девство. — «Ты заражена заблуждением, затрагивающим христианскую веру».

Утверждение, что св. Екатерина и св. Маргарита говорили по-французски, а не по-английски, так как они не принадлежали к партии англичан; заявление, что, узнав о том, что голоса расположены к Карлу, она перестала любить бургундцев. — Безрассудное богохульство на этих святых, нарушение повеления Бога, сказавшего: «Люби своего ближнего».

Почитание небесных посетителей и вера в то, что они посланы Богом, не посоветовавшись по этому вопросу с лицом духовным; такая же уверенность в этом, как вера в Христа и в Его Страсти; отказ открыть без повеления Бога, какое чудесное знамение было дано Карлу. — «Ты идолопоклонница, ты призывала демонов, ты заблуждаешься в вере; ты безрассудно дала запрещенную клятву».

Отказ повиноваться приказаниям Церкви, если эти приказания противоречат мнимому повелению Бога, и отрицание суда воинствующей Церкви. — «Ты схизматичка, ты придерживаешься мнений, несогласных с истиной и авторитетом Церкви, и до настоящего дня губительно заблуждаешься в вере Бога».

Магистр Пьер Морис, прочтя этот документ, принялся уговаривать Жанну подчиниться суду Церкви. Она с твердостью ответила, что если даже костер зажжен и палач готов бросить ее в пламя, то она все равно не изменит ни одного слова из своих прежних показаний. Ей велели явиться на другой день, чтобы выслушать окончательное решение.

24 мая на кладбище С.-Уана были закончены приготовления к аутодафе. Костер был готов. Присутствовали кардинал Бофор и разные высокопоставленные лица; Петр Кошон, Жан ле-Метр, Жанна и магистр Гильом Эрар, который произнес обычную речь, заявив, что Карл VII — известный еретик и схизматик, но Жанна прервала его: «Говорите обо мне, а не о короле; он — добрый христианин!» Она оставалась твердой до чтения приговора об ее «освобождении», в эту же минуту она уступила бесконечным увещаниям, угрозам и обещаниям, которыми надоедали ей с вечера предшествовавшего дня, и заявила, что готова покориться. Ей дали прочесть формулу отречения. Затем произнесли другой заготовленный заранее приговор, которым на нее налагалось обычное наказание — пожизненное тюремное заключение на хлеб и воду. Тщетно умоляла она, чтобы ее отправили в церковную тюрьму. Но Кошон приказал солдатам отвести ее в камеру. Англичане могли судить Жанну коротким светским судом за колдовство и сжечь ее без всяких проволочек; но чтобы получить в свои руки пленную, им нужно было обратиться к духовным властям и инквизиции. Смерть Жанны была для них политической необходимостью, но жертва, бывшая в их власти, ускользнула от них. Духовные были осыпаны угрозами. После полудня Жан ле-Метр и многие члены трибунала навестили Жанну в ее камере; они советовали ей отречься от своих откровений и безумия, так как если она снова упадет в заблуждение, то нельзя будет рассчитывать на какое-либо снисхождение. Она согласилась переодеться в женское платье; мужская же одежда была уложена в мешок и оставлена в камере. После этого ее жестокие стражники, взбешенные, что она не попала на костер, обращались с ней грубо; били ее и грозили изнасилованием, так что она вынуждена была опять надеть свое мужское платье. Ее судьям сообщили, что она опять впала в грех и сняла одежды своего пола. 28 мая судьи поспешили в тюрьму, чтобы проверить факт. Отвечая на их вопросы, она сказала, что это платье для нее удобнее, так как приходится жить среди мужчин. И что если бы она была допущена к обедне и если бы с нее сняли оковы, то она во всем повиновалась бы приказаниям Церкви. Она слышала свои голоса после отречения; ее святые сказали ей, что она подвергла себя осуждению своим отречением ради спасения жизни, так как отреклась только из-за боязни огня. Голоса были голосами св. Екатерины и св.

Маргариты, которых Бог посылал к ней; от этого она никогда не отрекалась, а если отреклась, то соврала. Она предпочтет смерть вечному плену. Судьи вполне удовлетворились: Жанна была сознававшаяся рецидивистка. Поэтому 29 мая Кошон собрал всех наличных членов суда, объявив им, что Жанна снова впала в заблуждение, надев опять свой мужской костюм и утверждая, по внушению демона, что ее голоса снова вернулись.

На другой день, 30 мая, на восходе солнца были посланы в тюрьму духовные лица, чтобы сообщить Жанне, что она будет сожжена в этот же день утром. Она исповедовалась и выразила желание причаститься. Кошон разрешил удовлетворить просьбу Жанны, так как закон предписывал никогда не отказывать в причастии рецидивисту, просившему его в последнюю минуту. Помост для проповедника и костер были устроены на площади Старого Рынка. Николай Миди произнес с помоста свою речь, прочли приговор об «освобождении», и Жанна была передана в руки светской власти. Бальи Руана велел отвести ее на место казни и сжечь; тело обратили в пепел, который бросили в Сену. После казни Жанны была сделана попытка переложить ответственность с духовных властей на светские: было заявлено, что ее казнили без формального постановления светского суда.

Казнь Жанны д'Арк

Судьи понимали, что хотя они и прикрылись Парижским университетом, тем не менее на них падает огромная ответственность, поэтому они добились от короля Англии письма, в котором государь обязывался лично защищать их от всякого преследования, которое может возникнуть против них перед папой или Вселенским собором. От имени Генриха VI ко всем государям и епископам были разосланы письма, в которых рассказывалось, какие бесчеловечные жестокости совершала Жанна до того дня, когда Бог, сжалившись над страданиями народа, позволил взять ее в плен; хотя она за свои преступления могла

быть наказана и светским судом, тем не менее ее выдали Церкви, которая после ее признания милостиво наложила на нее епитимью в виде тюремного заключения; но она снова впала в свои заблуждения и в свое безумие; тогда она была выдана в руки светской власти и сожжена.

Спустя месяц, 4 июля, в Париже была сделана попытка подавить растущую симпатию к Жанне. Заставили одного доминиканского инквизитора произнести слово о злых делах Жанны и о милосердии в отношении к ней ее судей: уже с четырнадцатилетнего возраста она носила мужскую одежду; увлекаемая демоном, она покинула родителей и с этого дня жила резней христиан, упиваясь кровью и огнем, пока над ней не совершилась казнь. Она отреклась от своих заблуждений; на нее тогда наложили в виде епитимьи четырехлетнее заключение в тюрьму на хлебе и воде; но она не могла снести это и один день, так как в своей тюрьме она заставляла служить себе, как важной даме. Здесь явился ей дьявол с двумя демонами и, боясь потерять ее, сказал ей: «Нечестивое создание, из страха снявшее мужскую одежду, ободрись, мы защитим тебя от всех людей!» Она тотчас же разделась и надела опять свой мужской костюм, который она предварительно спрятала в соломенном тюфяке своей постели; она так сильно верила в сатану, что заявила, будто раскаивается в том, что сняла свою обычную одежду. Убедившись, что она упорно остается в своем заблуждении, магистры университета выдали ее в руки светской власти для сожжения; когда она увидела, что ей угрожает смерть, то позвала себе на помощь демонов; но, как осужденная, она никакими заклинаниями не могла вызвать их к себе. Тогда она начала понимать свое преступление, но было уже слишком поздно. 8 августа 1431 г. одного монаха привели к Кошону и ле-Метру по обвинению в порицании процесса Жанны. Это было крупным преступлением против инквизиции. Монах просил прощения на коленях, ссылаясь на то, что в тот день, когда сказал преступные слова, выпил до потери разума. С ним поступили милостиво, заключив на хлеб и воду в доминиканский монастырь до следующей Пасхи.

Настроение умов, созданное Жанной д'Арк, было недоступно нападениям епископов и инквизиторов. Своей ужасной смертью она достойно увенчала свою миссию, и симпатия к ней, возбужденная ее испытаниями, пробуждала народное сознание.

В 1449 г. Карл VII вступил во владение Руаном, он приказал тотчас же начать расследование об обстоятельствах процесса, так как с достоинством короля Франции было несовместимо, что он был обязан престолом осужденной и сожженной Церковью колдунье. Но светская власть не могла отменить инквизиционное решение. В 1452 г. была предпринята другая попытка реабилитировать Деву руанским архиепископом д'Эстутвиллем; но хотя он и был кардиналом и папским легатом и соединился с французским инквизитором Жаном Брегалем, он мог только собрать несколько свидетельских показаний. Необходимом было вмешательство папы для пересмотра дела о ереси, рассмотренного инквизицией. Чтобы добиться этого вмешательства, мать и два брата Жанны обратились с апелляцией в Рим в качестве прямых жертв обвинения. В 1455 г. Калликст III, чтобы принять и рассмотреть апелляцию, назначил комиссарами архиепископа Руанского, епископов Парижа и Кутанса и инквизитора Жана Брегаля. Изабелла д'Арк и ее сыновья выступили с жалобами на Кошона и де-Метра, дело вели на их счет. Кошон уже умер, а ле-Метр не явился на суд. Хотя Парижский университет не был участником в деле, тем не менее были приняты тысячи предосторожностей, чтобы пощадить его, и постоянно напирали на лживый характер двенадцати пунктов обвинения, представленных на его заключение; в окончательном решении озаботились подтвердить ложность этих пунктов и приказали уничтожить их юридической властью. Наконец, 7 июля 1456 г. было вынесено решение, благоприятное челобитчикам; было объявлено, что на них не падает никакого бесчестия и что весь процесс Жанны признается не имеющим значения; было приказано обнародовать это решение в Руане и во всех городах королевства; должны были состояться торжественные процессии на места отречения и казни; на последнем месте должен был быть воздвигнут крест, чтобы увековечить память о мученической смерти Жанны. Этот крест высится на руанской площади как свидетельство деятельности инквизиции в качестве орудия самых худших политических замыслов.

Глава 6. МАГИЯ И ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ

Издrevле человек верил, что живет в окружении бесчисленных добрых и злых духов, которые постоянно стремились спасти или погубить его, удержать на правом пути или совратить. Так объяснялась проблема происхождения зла; так создавалась чрезвычайно подробно разработанная демонология, которая вскоре сделалась составною и нераздельною частью веры. Богословие определяло отношение между Богом и человеком и занималось определением природы и функций мира духов. Об этом свидетельствуют труды отцов Церкви и средневековых богословов.

Около 1270 г. аббат в Шёнгау утверждал: «Число злых духов столь велико, что вся атмосфера наполнена ими; все звуки природы — это лишь голоса духов». При каждом человеке, как считали, находилась бесчисленная армия злых духов, стремящихся навести его на грех, измучить тело его болезнью или сокрушить его материальными потерями. Мы не поймем, что руководило поступками наших предков, если не примем в расчет, как отражалось на их мышлении верование в эту личную борьбу с Сатаной и его демонами, не прекращавшуюся ни на минуту ни днем, ни ночью.

Верили, что в дурном и в хорошем постоянно существовали контакты между вещественным и духовным мирами. Легкость этих сношений неизбежно должна была укрепить веру в инкубов и суккубов, духов в виде мужчин и женщин, посещавших людей и игравших столь видную роль в средневековом колдовстве. Эта вера укрепилась еще сильнее, когда судьям удалось вырвать у своих жертв желательные признания; так, например, в 1275 г. в Тулузской провинции одна женщина призналась, что имела постоянные сношения с Сатаной и в пятьдесят три года имела от него сына-урода с головой волка и с хвостом змеи; два года она кормила его мясом годовалых детей, которых воровала по ночам; после этого чудовище исчезло. В 1460 г. колдуньи Арраса сознались, что демоны имели с ними любовные сношения под видом зайцев, лисиц и быков. Иннокентий VIII решительно подтверждает непреложность подобных

сношений, отмечая, что отрицать это- безумие, противоречащее католичеству и философии.

Связь, которая устанавливалась между злым духом и его женой (или мужем), не поддавалась обычным заклинаниям и встречалась особенно часто в монастырях; это особое преступление канонисты и богословы называли «Удовлетворение дьявола». Шпренгер пишет, что страшное развитие колдовства в XV в. обуславливалось привлекательностью этого порока. Фома Аквинский утверждал, что демон, являясь то в виде инкуба (мужчины), то в виде суккуба (женщины), мог производить потомство; в подтверждение он приводит «несомненные факты»: гунны произошли от демонов; отцом волшебника Мерлина был демон.

Главным стремлением Сатаны в его борьбе против Бога было отвлечь души людей от их верности Господу; и он всегда соблазнял одних — удовлетворением плоти, других — способностью предсказывать будущее, находить скрытые вещи, удовлетворять свою месть, приобретать богатства при помощи нечестивого искусства или при помощи демона-слуги. Христианин, желающий обеспечить себе помощь Сатаны, должен был отречься от Бога и оказывать почтение Князю ада. Колдуны и колдуньи заключали с Сатаной договоры делать как можно более зла и свращать как можно больше верных. Уничтожение этих врагов Бога и рода человеческого всеми доступными средствами было прямою обязанностью каждого христианина.

Такова была теория, посредством которой языческие суеверия были усвоены христианским учением и сделались догматом веры.

Церковь пустила в ход все средства, чтобы возбудить верных бороться против непростительного и трудно искоренимого зла чародейства и общения с дьяволом.

Преследование, предпринятое против чародеев уже в IV в., немедленно обрушилось на всех образованных людей и философов. Террор охватил всю Восточную Римскую империю; всякий, имевший библиотеку, торопился сжечь ее. Тюрмы не вмещали арестованных; во многих городах было меньше людей на свободе, чем под арестом. Множество обвиняемых было предано смерти, другие лишились имущества. В Западной Империи преследование не отличалось столь жестоким характером; но все же, по крайней мере в Риме, закон

применяли достаточно энергично для того, чтобы значительно сократить число колдунов. По закону 409 г. в деле принимали участие епископы: Церковь вступила в союз с государством в борьбе против преступлений этого рода. Из нескольких дел во второй половины XII в. видно, что обвинения в колдовстве и некромантии (гадание на внутренностях умерших или убитых людей) были ценным орудием для избавления от беспокойных врагов.

Однако Церковь боролась не только с магией и суевериями, видя в них пережитки дохристианских культов. На их основе возникала христианская магия. Усвоение христианской магией элементов, заимствованных у низверженных религий, ясно видно в гимне или, скорее, заклинании «Броня св. Патрика», где одинаково призываются и силы природы, и христианское Божество. В одной рукописи VII в. утверждается, что всякой, кто поет ежедневно этот гимн, обращая все свои мысли к Богу, никогда не увидит ни одного демона. Это пение предохранит его от внезапной смерти, защитит его от яда и ненависти, послужит к спасению души его после смерти.

Быть может, ни у одного народа сверхъестественное не охватывало столь много в повседневной жизни и не играло такой господствующей роли в мире видимом и в мире духовном, как у древних германцев.

Ни одна литература не уделяет такого видного места колдовству, нигде не придается такой веры в дела колдунов и колдуний, как в дошедших до нас рассказах скандинавских саг. Скандинавская магия была двух родов: разрешенная и злая. Злая, черная, магия основывалась на знании злых тайн природы или на призывании злых духов.

В древнейшем тексте салического закона, где не видно никакого влияние христианства, единственным намеком на чародейство является определение, карающее штрафом всякого, назвавшего женщину колдуньей и обесчестившего мужчину обвинением в том, что он нес котел ведьмы. Могущество чародеев не имело почти никаких границ. Когда распространилось христианство среди германских народов, это могущество вызвало ожесточенную борьбу между новой и старой религией.

Сказания древних германцев очень напоминают то могущество, которое в 1437 г. папа Евгений IV приписывал современным ему

колдуньям: они управляли воздушными течениями и околдовывали всякого, кого хотели.

Огромную силу приписывали древние германцы женщинам-чародейкам — ведьмам, которых, в частности, обвиняли в людоедстве. Есть много указаний на это в текстах салического закона и в законодательстве Карла Великого.

Главное ночное собрание ведьм было 1 мая (Вальпургиева ночь). Занятие черной (злой) магией считалось бесчестным, и салический закон карал штрафом всякого, кто назовет ведьмой свободную женщину и не докажет истины своих слов. В позднейших редакциях салического закона, кроме штрафа за каннибализм, содержатся статьи, налагающие штрафы на тех, кто околдует человека чарами или погубит его заклинаниями; виновный в последнем преступлении мог быть даже сожжен живым. Убийство, причиненное чародейством, рассматривается как обыкновенное убийство; что касается вреда, причиненного волшебством, то за это полагался штраф, который можно было избежать посредством оправдания, представив шесть соприсяжников.

С древней магией состязалась новая христианская. Григорий Турский приводит массу чудес, имеющих целью доказать превосходство христианской магии с ее мощами и призыванием святых над народной. В случае несчастья или внезапной болезни народ прежде всего обращался к ближайшему лицу, посвященному в тайные науки. Очевидно, некоторые люди открыто действовали в этом направлении, не боясь наказания и пренебрегая повторными обвинениями, исходившими от соборов.

Враждебное отношение христианской магии к своей противнице распространилось даже и на рациональную медицину. Григорий Турский утверждает, что человек совершил грех, прибегнув к естественным средствам врачевания, вместо того, чтобы всецело доверяться предстательству святых. Невозможно было Церкви осудить жертвоприношение с целью умиловить духов, раз она сама поддерживала верования, на которых было основано это суеверие, поощряя веру в божественное действие, чудо (теургию). Например, было совершенно бесполезно стремиться уничтожить амулеты и талисманы, раз наставляли верных носить изображение агнца, ладанку

с остатками пасхальных свечей, освященную папой. В 1471 г. Павел II запрещал украшать и продавать эти амулеты, утверждая, однако, что они помогают сохранить верных от огня и кораблекрушения, отвращают бури, молнии и град и помогают женщинам в работе.

В 742 и 743 гг. были созваны соборы, на которых Церковь и государство согласились бороться против волшебства, чародейства и т. п.; тем не менее единственной мерой наказания был довольно легкий штраф; но учредили нечто вроде духовного суда, поручив епископам ежегодно производить расследование в своих епархиях с целью уничтожения язычества и запрещенных наук.

Карл Великий эдиктом от 805 г. предписал каждому протоиерею всякой епархии производить расследование относительно людей, обвиненных в колдовстве и волшебстве; разрешал умеренное применение пытки для получения сознаний и предварительное заключение виновных в тюрьме. Карл выдал Церкви как рабов всех саксонских гадателей и чародеев. Кодекс льежского епископа от 800 г. предписывает, чтобы виновные были представлены на его суд, и определяет следующие наказания: семь лет епитимьи и большие раздачи милостыни за убийство, произведенное средствами чародеения; семь лет епитимьи без раздачи милостыни за наслание умопомешательства на жертву; пять лет и раздача милостыни за обращение за советом к гадателям и за прибегание к гаданию по полету птиц; семь лет для чародеев за вызывание бури; три года и раздача милостыни за оказание почестей чародею; год за возбуждение чувства любви посредством волшебных средств, если преступление не повело за собой смерти жертвы; если же виновным являлся монах, то наказание увеличивалось до пяти лет. Другой современный ему уголовный канон предписывает епитимью от сорока дней до одного года за чародеение или заклинание дьявола; и до семи лет, если одна женщина пригрозит другой порчей; если виновная бедна, то наказание сокращается до четырех лет. Из законодательства раннего средневековья, из «Капитулярий» и из споров юристов и богословов того времени следует, что все виды магии были повсеместно распространены, и в этом искусстве видели прямое участие Сатаны.

Лионский архиепископ тщетно боролся против многих процветавших тогда суеверий, одним из которых было верование в возможность вызывания бури чарами; это верование Церковь первое

время клеймила, как еретическое, так как оно признавало владычество Сатаны над видимым миром. Но оно было повсеместно распространено и в конце концов принято Церковью как ортодоксальное наряду со многими другими народными суевериями. Св. Фома Аквинский доказывал, что с разрешения Бога демоны могли вызывать атмосферные потрясения. Темпрестарии (чародеи-напускатели бури) совершали свое нечестивое дело втайне; но были чародеи, которые якобы могли удерживать их. Их награждали за вмешательство предоставлением в их пользу части жатвы.

В XI в. епископ предписывает епитимью за верование, что колдуны могут изменить состояние атмосферы или возбудить у людей любовь или ненависть. В середине XIII в. схоласт Фома Брабантский доказывает, что бури производятся нечистой силой.

В 850 г. собор в Павии назначал пожизненные епитимьи, чародейкам, возбуждавшим любовь или ненависть; несколько чародеев было сожжено в Саксонии в 914 г. Около половины X в. епископ Верчейльский снова опубликовал забытый канон Четвертого Толедского собора (IV в.), угрожавший лишением сана или вечной епитимьей в монастыре всякому епископу, священнику, диакону или другому духовному лицу, если оно обратится за советом к чародею, колдуну или авгуру (жрецу-птицегадателю). Однако в 1170 г. архиепископ Безансона прибег к помощи духовных, сведущих в некромантии, чтобы открыть некоторых еретиков.

Впрочем, Церковь иногда признавала эти верования за суеверия, лишённые всякого основания; так, например, поступил Ирландской собор IX в., предавший анафеме всякого христианина, который будет верить в существование ведьм. В 1080 г. Григорий VII сурово порицал обычай приписывать священникам и женщинам все бури, болезни и другие материальные бедствия; все эти несчастья насылаются Богом. В канонах вормсского епископа, опубликованных в первой половине XI в., то налагается епитимья за верование в существование чародейства, то наказание направляется против чародеения. Этот же епископ опубликовал целое собрание запретительных канонов, извлеченных из трудов первых соборов и творений отцов Церкви, свидетельствующих о полном признании существования магии и о том, что на Церкви лежит обязанность бороться против нее. Это верование в силу волшебства было твердо установившимся. Церковь

разрешила даже расторжение брака, если соитию между новобрачными препятствовали козни чародеев, а чары, заклинания, молитвы, милостыня и другие духовные средства оказывались в течение трех лет бессильными против могущества Сатаны. Король Франции Филипп-Август воспользовался этим разрешением, чтобы развестись со своей женой Ингебургой Датской в день своей свадьбы. Иоанн Салисберийский описывает все разнообразие чародейства и утверждает, что чародеи убивают людей силою своих чар с соизволения Божьего. Петр Блуаский допускает возможность вмешательства Сатаны в приемы черной магии.

Тяжелое обвинение в чародействе легко было возбудить, но нелегко было оправдаться; поэтому к нему нередко прибегали в политических целях. Во время ожесточенной борьбы Григория VII против Империи в 1080 г. Брешианский синод, обвинив его в некромантии, низложил и избрал антипапу.

За чародейство, как и за ересь, виновным грозило сожжение на костре. В начале XIII в. молодой клирик из Сеста, обвиненный в чародействе распутной женщиной, которую он отверг, был осужден и сожжен.

Были часты случаи, когда еретики, надеясь остаться живыми на костре, заключали договоры с Сатаной. Обнаружили, что еретики, сожженные в 1180 г. в Безансоне, спрятали у себя под мышкой маленькие свертки пергамента, на которых были написаны подобные договоры.

Архиепископ Руана в 1235 г. отнес призывание демонов, жертвоприношение злым духам, и употребление таинств при совершении магических обрядов к грехам, отпущение которых могут дать только одни епископы. В 1294 г. синод в Анжу постановил, что, согласно с канонам, священники должны изгонять из своих приходов всех гадателей, чародеев, колдунов и других подобных им людей; было приказано всякому, кто знал людей, занимающихся подобными делами, доносить о них епископскому суду.

В 1287 г. эксетерский епископ в советах исповедникам упоминает чародеев и поклонников демонов как преступников, на которых нужно накладывать епитимью.

Французский юрист XIII в. Бомануар считает, что чародейство есть ересь, подлежащая ведению только Церкви и наказанием за

которую, после отречения, является одна простая епитимья; если же не раскаявшийся чародей передавался в руки светской власти, то светский суд исследовал и обсуждал характер ереси, и если она не влекла за собой смерти другого лица, то виновного заключали в тюрьму только до того времени, пока он не отрекался от своих заблуждений. На чародейство пока смотрели, как на одну из наименее опасных форм ереси.

Юрисдикция, присвоенная Бомануаром духовному суду, была утверждена решением Парижского парламента в 1282 г. Однако в Тулузе королевские чиновники ведут сами в 1274 и 1275 гг. процессы ведьм и колдунов и предают виновных смертной казни. В Северной Франции светские суды в начале XIV в. также стали судить за чародейство. В 1314 г. в Париже была казнена по обвинению в чародействе одна женщина. В XIV в. чародейство стало преступлением, подсудным одновременно и духовным и светским судам.

Особенно сильно была заражена Испания, так как сарадины при своих фаталистических воззрениях увлекались искусством волхвования, и их считали самыми искусными теоретиками и практиками чародейства. В Кордовской школе было два профессора астрологии, три — некромантии, пиромантии (гадания по огню) и геомантии (гадания по земле) и один — искусствоведения, и все они ежедневно читали свои лекции. Арабские библиографы насчитывают семь тысяч семьсот авторов, изучавших толкование снов, и столько же известных своим знанием магии; однако в это время среди испанских мавров колдовство наказывалось смертью. Контакты с сарадинами вызвали и у христиан жажду к запрещенному знанию, и когда христианский мир вернул утраченные земли, там было многочисленное население, которому позволили сохранить свою религию и проповедовать верование в магию и чародейство. Но в XIII в. король Арагона Яков I Завоеватель ввел в законы наказание за чародейство. Кодекс, составленный Альфонсом Мудрым около 1260 г., но утвержденный кортесами лишь в 1348 г., рассматривает все отрасли чародейства, как всецело подлежащие суду светской власти. Кодекс не усматривает в тайных науках ни малейшего намека на ересь или преступление против веры; он признает, что надо поощрять или преследовать это искусство, смотря по тому, с добрыми или злыми

целями оно употребляется. Астрология признается одной из семи свободных наук, так как свои заключения она делает на основании течения звезд, как оно изложено Птолемеем и другими учеными; но если дело идет о каком-нибудь обманщике, то жалобщик может требовать наказания его как простого чародея. Те чародеи и гадатели, которые утверждают, что они могут узнать будущее и неизвестное — обманщики. Таковы же некроманты, вызывающие злых духов; их действия противны Богу и губительны человеку. Умение возбуждать любовь или отвращение также осуждается; всякий, кто будет предаваться этому вводящему людей в обман искусству, будет немедленно отдан под суд и, если виновность его будет доказана, предан смерти; все же, которые дадут виновному приют, подвергнутся изгнанию. Но тот, кто прибегает к волхвованию с похвальными целями, как, например, изгнание демонов из бесноватого, снятие чар, разлучающих супругов, отвращение градовой тучи или тумана, грозящего гибелью жатве, уничтожение гусениц или саранчи, заслуживает благодарности.

Наиболее древнее средневековое законодательство относительно этого было составлено в Италии. В первой половине XII в. нормандский король Сицилии Рожер грозил наказанием всякому, кто составит любовный напиток, хотя бы он не причинил жертве никакого вреда. В древнейших статутах Венеции, обработанных в 1181 г., есть постановления относительно отравления и чародейства. В «Сицилийских конституциях» Фридрих II подтверждал закон Рожера и внес в него оговорку, в силу которой составляющие любовные напитки и вредные, запрещенные и наговоренные кушанья должны предаваться смертной казни, если жертва лишится жизни или рассудка; если же чары не причинили никакого зла, то чародей должен подвергнуться конфискации имущества и тюремному заключению на один год. Фридрих позаботился снабдить эти постановления примечанием, где прямо заявлял, что приписывание известным напиткам или кушаньям способности влиять на любовь или гнев — пустая басня; в своем кодексе он не упоминал ни о каком виде магии.

В Италии повсюду за чародейство полагались наказания, и оно относилось к компетенции светских судов. Булла Иннокентия IV от 1252 г. «Об истреблении» приказывает всем князьям поступать с еретиками, как с колдунами, и ставит их вне закона.

В германском законодательстве впервые упоминается о магии в «Статутах Генриха», выработанных около 1221 г.; чародейство приравнивается к ереси, наказание за которую предоставлялось на усмотрение судьи; но «Императорское право», «Саксонская правда» и «Земельные установления» ни слова не говорят о чародействе. В «Саксонском зеркале» чародейство поставлено рядом с ересью и отравлением как преступление, за которое полагается костер. Та же мера предписывается и в «Швабском зеркале»; но в позднейшей редакции последнего кодекса есть оговорка, предписывающая сжигать или предавать еще более жестокой смерти всякого — безразлично мужчину или женщину, кто будет заниматься магией или вызывать дьявола особыми заклинаниями или какими-либо другими хитростями, так как «люди эти отреклись от Христа и предались Сатане». Это постановление, очевидно, предусматривает только преступление против веры, не разбирая, был ли злой умысел совершен или только задуман. Эти дела были подсудны светским судам. Кодекс Пруссских Марок около 1310 г. определяет наказания для чародеев: отрезание уха, клеймение щеки раскаленным железом, изгнание или крупные штрафы; но о смертной казни упоминания нет. У скандинавов законодательство, относящееся к этому преступлению, находится в сборнике «Ярнсида», собранном в 1258 г., и в кодексе «Законы гулатингенса», опубликованном в 1271 г. и в течение пятисот лет остававшемся общим правом в Норвегии. Волхвование, гадание и вызывание умерших караются смертью и конфискацией имущества; но обвиняемый может оправдаться, выставив двенадцать или шесть соприсягателей; это преступление было подсудно светским судам.

В Швеции нет упоминания о чародействе в законах, кодифицированных в XIII в., но в законах, опубликованных в 1441 г., полагается одинаковое наказание за покушение на жизнь человека ядом или чародейством: колесование для мужчин и побивание камнями для женщин; обвиняемых судил постоянный суд, двенадцать членов которого избирались от каждого округа. В Дании по законам, действовавшим до XVI в., обвиняемый имел право защищаться при посредстве избранных им соприсягателей; наказанием за первую вину было порицание и лишение причастия; в случае повторного преступления — тюрьма; и, наконец, смертная казнь за преступное упорство. В кодексе Шлезвига от XIII в. нет постановлений против

чародейства, а также нет их и в кодексе свободных фризов от XIV в. В законодательстве северных стран после XIII в. появляется тенденция к увеличению строгости.

Когда была устроена инквизиция, то чародейство долгое время оставалось вне ее юрисдикции. Собор 1248 г. в Валенсии, поручая инквизиторам преследование еретиков, предписал выдавать чародеев епископам, которые будут их заключать в тюрьму или наказывать как-нибудь иначе. Затем в течение шестидесяти лет вопрос поднимался на различных соборах; но единственным наказанием, грозившим виновным, было отлучение от Церкви. Трирский собор 1310 г., тщательно перечислявший запрещенные науки, предписывает приходским священникам не допускать преступных деяний; но в случае неповиновения он предписывает наказывать только отказом в причастии, при упорстве — отлучением от Церкви и другими карами, которыми располагали епископские судьи.

Постановления Церкви от этой эпохи засвидетельствованы в 1317 г. самым выдающимся законоведом своего времени Астесаном д'Асти. Перечислив жестокие наказания, предписываемые государственными законами, он добавляет, что каноны за чародейство налагают сорокадневную епитимью; если грешник отказывается подчиняться этой епитимье, то его отлучают от Церкви, если он мирянин, и заточают в монастырь, если он духовный. В случае упорства в заблуждении он должен быть подвергнут бичеванию, если он раб, и заключен в тюрьму, если он свободный человек. Епископы должны изгонять из своих епархий всех, кто предастся чародейству; в некоторых местностях эта мера сопровождается обычаем коротко обрезать одежду и волосы виновным. Вопрос о том, следует ли признавать не имеющими права отправлять свои духовные обязанности священников, которые применяют при чародейственных обрядах евхаристию, св. миро, св. воду или крестят куклы, оставался еще не разрешенным; Астесан полагает, что этих духовных следует отрешать временно от должности.

В 1257 г. святой трибунал обратился к Александру IV с вопросом, следует ли ему принять в свое ведение преступления гадания и чародейства. В ответ Александр выпустил буллу «Ибо небеса иные», которую неоднократно повторяли его преемники; папа повелел преступления, гадания и чародейства оставить в ведении прежних

судей, если только они не связаны с ересью. В конце века это правило было внесено Бонифацием VIII в каноническое право. Однако в 1270 г. Альфонс Тулузский предоставил инквизиции исключительное право судить всех, кто отрекутся от веры, впадут в ересь, предадутся дуализму, колдовству и клятвопреступлению; могущество инквизиции стало безграничным, а преследование магии производилось с возрастающей жестокостью. Инквизиторы не ограничились тем, что признали еретическим призывание демонов и договоры с Сатаной; в магических обрядах находили отражение еретические учения о таинстве крещения, осквернение таинства евхаристии и т. п. За все, что совершал чародей, он мог быть обвинен инквизиторами в призывании демонов. По мнению богословов, призывающие демонов всегда еретики, действительные или предполагаемые. Согласно подобному толкованию, признавались еретическими любовные напитки и приворотные зелья, талисманы и чары для врачевания болезней, все хитрости, к которым прибегали обман и суеверие, чтобы снискать доверие толпы.

Алхимия считалась одной из семи демонических наук, так как для превращения металлов было необходимо вмешательство Сатаны, а философский камень можно было найти только путем чар и колдовства. В 1328 г. каркассонская инквизиция осудила «Искусство св. Георгия», научавшее разыскивать зарытые в земле клады, произнося заклинания. Было еще «Искусство сообщения», объяснявшее силу Имен и Слов Бога и при помощи молитв и формул, заключавшихся в таинственных и многосложных словах, позволявшее в течение одного месяца получить знание, память, красноречие и добродетель. В этой фантазии Роджер Бэкон видит одно из пустых измышлений чародеев; но Фома Аквинский утверждает, что вмешательство демона необходимо для достижения таким способом цели. В 1323 г. был арестован в Париже монах за то, что у него нашли книгу, посвященную этим вопросам; книга была сожжена, монах же отрекся и подчинился епитимье. «Искусство сообщения» в XIV в. пользовалось большим распространением; даже в конце XV в. в наставлениях исповедникам упоминается об этом в числе грехов, о которых всегда должен спрашивать священник.

В 1471 г. францисканцы-обсервантины приравнивали книгопечатание к алхимии, считая его достойным порицания

искусством, применение которого было запрещено под угрозой опалы и изгнания.

Наиболее распространенной и наиболее привлекавшей внимание законодателей из скрытых наук была астрология. Альфонс Мудрый Кастильский отнес астрологию к числу свободных наук; слепая вера, с которой смотрели повсюду на эту науку в средние века, распространила ее так широко, что ее трудно было осудить: равеннский архиепископ, ведя в качестве папского легата крестовый поход против Эццелино да Романо, имел при себе астролога. Савонарола утверждает, что в конце XV в. люди, имевшие возможность держать при себе астрологов, ничего не предпринимали без их советов. При всяком прелате находился астролог, направлявший все его действия. Астрология не упоминается как нечто запрещенное в формулах инквизиторских допросов в XIII и XIV вв. Нет книг по астрологии в осуждении, вынесенном в 1290 г. инквизитором и епископом Парижа, архиепископом Санским и магистрами университета относительно книг, посвященных гаданию и магии, некромантии и хиромантии. Не упоминается также астрология и в индексе, изданном Парижским университетом в 1398 г. Однако уже в XII в. Иоанн Салисберийский заявлял, что астрология должна быть запрещена и наказуема Церковью, что она лишает человека свободной воли, вселяя в него фатализм, и доводит до идолопоклонства, перенося всемогущество Бога на его бездушные создания (звезды). Фома Аквинский установил: если астрология предсказывает естественные явления, как, например, засуху или дождь, она разрешима; но если она занимается угадыванием будущего, зависящего от свободной воли человека, то она нуждается в содействии демонов и недопустима. Астрология, хотя и находится в числе семи свободных наук и не запрещается законом, являет наклонность к идолопоклонству и сильно отзывается ересью.

Таким образом, все астрологи были вынуждены в силу своей профессии ждать вызова в инквизицию. Если этого не случалось часто, то только потому, что все классы Церкви и государства верили в астрологию и покровительствовали астрологам; чтобы начать преследование, нужно было какое-либо из ряда вон выходящее обстоятельство.

Именно с ним и было связано дело знаменитого Петра д'Абано или д'Апоно, самого выдающегося мага и медика своего времени. В своем «Примирителе разногласий», написанном в 1303 г., Петр, не ограничиваясь доказательством, что астрология необходима в медицине, приписывает звездам силу, которая лишала Бога управления людскими делами. Потоп и все другие библейские события Петр связывал с влиянием звезд и планет. Он утверждал также, что соединение планет, совершающееся каждые 960 лет, вызывает потрясение монархий и религий, как и появление Христа и Магомета.

Инквизиция захватила знаменитого человека, который распространял подобное учение в Падуанском университете, тем более, что у него было большое состояние, которое можно было конфисковать. Петр спасся только благодаря покаянию и отречению; но во второй раз его преследовали как рецидивиста. Его сожгли бы живым, если бы он не умер в 1316 г. до окончания своего дела; однако его посмертно осудили. Утверждали, что Петр на смертном одре сказал своим друзьям, что посвятил свою жизнь трем славным наукам — философия изощрила его ум; медицина обогатила его; астрология сделала из него лжеца.

Такова же была участь Чекко д'Асколи; в молодые еще годы он посвятил себя астрологии и прославился как самый сведущий из современников. Чекко утверждал, что участь человека от рождения предопределена сочетанием звезд, если только Бог не вмешается, чтобы отклонить естественный ход природы. Чекко заявлял, что может читать мысли человека или предугадать его действия, зная время его рождения, так как никто не мог сделать или подумать что-либо другое, чем то, что было неизбежно в ту или другую минуту благодаря влиянию звезд. Это значило еретически ограничивать вмешательство Бога и освобождать человека от ответственности за свои поступки. Его предсказания о судьбе многих современных правителей исполнились; но так как все эти предсказания были результатом астрологических предвидений, то они заключали в себе запрещенную теорию фатализма. Чекко сделался официальным астрологом Карла Калабрийского; но его уверенность в своем знании и независимость делали его непригодным для придворной жизни. Он удалился от двора и поселился в Болонье, где открыто проповедовал свою науку. Он развил свою теорию в комментариях на «Сферу» Сакробоско. В своих

комментариях он поучал, каким образом можно посредством заклинаний заставить злых духов производить чудеса. Применяя свои теории, он составил гороскоп Иисуса Христа и показал, что вся его земная жизнь и страсти были предопределены положением звезд. Подобным же образом Чекко установил, что Антихрист должен придти через 2000 лет после Христа и что он явится в виде храброго воина, окруженного славным воинством, а не людьми робкими, составлявшими силу Иисуса. Это был вызов, брошенный инквизиции. 16 декабря 1324 г. он был вынужден отречься; его принудили выдать свои астрологические сочинения, совсем запретили преподавать свою науку в Болонье, лишили звания магистра; наложили на него епитимьи, посты и молитвы; он должен был уплатить штраф в семьдесят пять лир. Чекко становился раскаявшимся еретиком. Он явился во Флоренцию, принялся снова за свою науку и пустил в обращение экземпляры своих запрещенных сочинений, утверждая, что они были исправлены болонским инквизитором, однако эти сочинения по-прежнему заключали в себе все его ложные учения. Он снова подтвердил запрещенные теории в своей философской поэме «Беспоощадность» и пустил в обращение то же учение в ответах своим многочисленным клиентам. В июле 1327 г. он был арестован инквизитором Флоренции, который прекрасно знал, что обвиняемый продолжал проповедовать и применять на деле фаталистическое учение, уничтожавшее свободную волю человека; но инквизиция, как обычно, требовала сознание и для его получения применила пытку. Болонским инквизитором была доставлена копия с постановления и с отречения 1324 г., так что нельзя было сомневаться в повторном падении. С начала дела исход его был неизбежен; приговор был объявлен 15 декабря. Епископ Флоренции послал своего делегата, уполномоченного действовать совместно с инквизитором; к участию в суде было приглашено много высших сановников и экспертов. Среди этих членов судилища были кардинал-легат Тосканский, епископ Аретинский и враг Чекко, канцлер герцога Карла. Чекко был передан в руки светской власти и выдан наместнику Карла во Флоренции. Было приказано в течение двадцати четырех часов выдать все его труды и астрологические сочинения епископу или инквизитору. Чекко был сожжен за городскими стенами.

Астрологическое верование, признающее, что люди, рожденные под известными созвездиями, не могут избежать греха, явно еретическое. Не менее еретическим было учение, утверждавшее, что при определенном положении звезд, обратившись с молитвой к Богу, всякий может получить исполнение своих желаний. Шпренгер заявлял, что астрология находилась в тайном договоре с демонами. Из всего этого ясно, что под влиянием все возраставшего враждебного отношения к тайным наукам астрология постепенно стала наукой запрещенной; долгое время бывший спорным вопрос о том, куда относить ее, был, по крайней мере в Кастилии, а затем и во Франции, разрешен. Во Франции астрология была осуждена постановлением, принятым в 1494 г. В 1387 г. Хуан I Кастильский отнес астрологию к числу гаданий, подлежащих наказанию. Университет пришел к заключению, что астрология, заявляющая претензию на пророчество или приписывающая сверхъестественную силу разумным действиям и вещам, сделанным при известных созвездиях, есть наука ложная и суеверная. Постановление парламента также осуждает астрологию и запрещает обращаться к астрологам или гадалкам; типографщики не должны печатать книг, посвященных этому предмету; епископы должны преследовать астрологов.

Вопрос об онироскопии, или толковании снов, являлся трудной проблемой. Фома Аквинский признавал законными гадания по сновидениям, когда последние происходят или от естественных причин, или от божеского откровения, и осуждал их как нечто незаконное, когда сновидения являются следствием дьявольского наваждения.

Так как границы чернокнижия в священной магии были крайне неопределенны, казуистов смущал обычай служить заупокойные обедни по живому человеку с целью вызвать его смерть. В середине XV в. ученый епископ Уенки осуждает этот магический обряд. Тем не менее одна не датированная средневековая рукопись, объявляя подобное действие с целью удовлетворения личной вражды греховным и предписывая отстранить священника от должности, пока он не искупит своей вины, не видит в нем греха, если подобная обедня служит в общественных интересах, так как она свидетельствует о смирении, с которым желают смягчить божий гнев. Обычай служить подобные обедни был довольно распространен, так как исповедникам

поручалось спрашивать у исповедующихся, не служили ли они или не заказывали ли подобных обеден. В 1500 г. во время ссоры между епископом Камбрэ и его капитулом декан, прево и каноники самовольно ввели в обедню нечто вроде проклинательной литании (молитвы), составленной из угрожающих мест из псалмов и пророков: совершавший богослужение произносил эти литании, повернувшись спиной к алтарю, а хор детей давал ему реплики. Парижский университет пришел к заключению, что поза священника и ответы хора делают эту обедню похожей на заклинание; поэтому подобные угрожавшие обедни можно служить лишь в крайней опасности, а не против епископа.

В конце XIII в., получив в свое ведение преступления магии, инквизиция установила правила и формулы, которые предназначены были служить руководством для чиновников, и пускали в ход преследование лиц, занимающихся запрещенными науками. Руководство к судопроизводству, опубликованное около 1280 г., содержит образец допроса, охватывающего все мелочи известной в то время магии.

В ведении инквизиции магия стала простой ересью. Инквизиция заботилась только о том, чтобы выяснить учение, на котором магия основывалась; а все ереси были одинаково преступны, независимо от того, в чем они заключались. Еретик-чародей сознанием и отречением всегда мог избежать костра и подвергнуть себя лишь одной епитимье, тогда как светский суд приговаривал только к костру. Инквизиторские приемы всегда умели доводить до признания, и руководства для инквизиторов дают образцы отречения и приговоров. Но во время эпидемии колдовства (XV в.) инквизиция стала искать предлогов отдать на сожжение даже раскаявшиеся жертвы.

Как только инквизиция занялась систематическим искоренением чародейства, оно начало играть все более и более видную роль в предубеждениях людей. Одно из обвинений, выдвинутых против Бонифация VIII в 1303 г. на Луврском собрании, гласило, что папа держал при себе демона, обязанного говорить ему о всех происшествиях, и что сам он был чародей и советовался с гадалками и лжепророками. Около того времени епископу Ковентри ставили в вину, что он обращался за советами к демону. В 1308 г. сеньор Ульма был приведен в Париж по обвинению в том, что пытался извести свою

жену чародейственными средствами; женщины, к помощи которых он прибегал в этом деле, были сожжены или зарыты живыми.

После смерти Филиппа Красивого Карл Валуа решил погубить Энгеррана де Мариньи; его обвинили в том, что он приказал сделать восковое изображение, которое должно было вызвать медленную смерть Карла, молодого короля Людовика Сварливого и других лиц. 26 апреля 1315 г. Энгерран был приведен на совет дворян, тщательно выбранных и собранных в Венсенне, осужден к повешению и казнен 30 апреля. В 1312 г. на общем собрании францисканцев был принят статут, запрещавший братьям, под страхом отлучения от Церкви и тюремного заключения, заниматься алхимией, некромантией, гаданием, заклинанием и призыванием демонов и иметь подобные книги.

Папа Иоанн XXII, будучи одним из самых ученых богословов своего времени, глубоко верил в действительность чародейства и страшно его боялся. В 1317 г. он дал полномочия епископу суда судить хирурга-брадобрея Иоанна д'Амана и разных клириков святого дворца, обвиненных в покушении на жизнь первосвященника. Под пыткой все обвиняемые сознались, что воспользовались восковыми изображениями. Они были осуждены и казнены. В 1318 г. Иоанн XXII предписал доминиканскому провинциалу в Леванте назначить особых инквизиторов во все местности, где исповедовалось католичество, для искоренения магии и чародейства. Он приказывал предавать анафеме чародеев и наказывать их как еретиков; сжигать все книги, посвященные магии. В 1330 г. папа приказал прелатам и инквизиторам немедленно закончить находящиеся в производстве дела магов и чародеев и переслать их ему для окончательного решения. Дел о чародействе много было рассмотрено епископской инквизицией в Памье за 1320 и 1321 гг. Реестры Каркассона за 1328 и 1329 гг. упоминают о многих осужденных за это преступление. Инквизиторы начали вводить во все формулы отречения, предлагаемые кающимся еретикам, оговорку, касающуюся чародейства, так что, если покаявшиеся когда-нибудь предались бы ему, их можно было тотчас же сжечь, как рецидивистов.

В июне 1326 г. в Тулузе нашли нескольких чародеев. Их немедленно отправили в Париж, и дело поступило в уголовный суд в

Шателэ. В распоряжении суда были все пытки; скорый и строгий суд быстро привел обвиняемых на костер.

Хотя в 1374 г. Григорий XI поручил инквизиции преследовать во Франции все преступления, связанные с чародейством, но парламент, в своем стремлении вмешиваться и духовную юрисдикцию, не выпустил из своих рук этих дел. В 1390 г. парламент постановил, что все дела о чародействе будут подсудны исключительно светским, а не духовным судам. Впрочем, светские судьи рассматривали эти поступки с достаточной строгостью.

В ту эпоху подобные преступления считали вполне доказанными как вследствие признания (большой частью под пыткой) мнимовинных, так и вследствие соответственных показаний свидетелей обвинения. Вера в магию сильно развилась в XIV и XV вв. 19 сентября 1398 г. богословский факультет Парижского университета принял двадцать восемь пунктов, которые отныне были непреложною истиною для всех демонологистов; ими воспользовались против некоторых скептиков, которые оспаривали действительность чародейства. Во вступлении говорится о необходимости принять решительные меры, чтобы оградить верных от сетей врага рода человеческого. Университет объявил, что все суеверные обряды, где нельзя логически ожидать помощи Бога или природы, содержат в себе необходимость заговора с Сатаною; он осуждал веру в допустимость призывать помощь демонов, искать их дружбы, вступать с ними в договоры, прибегать к чародейству с добрыми целями или для отвращения враждебного чародейства; что возможно чарами упросить Бога заставить демона внимать молитвам; что разрешается совершать обедню или какую-либо другую службу в целях колдовства; что чудеса, совершенные некогда пророками и святыми, были вызваны подобным же искусством, открытым Богом своим слугам; и что человек может при помощи известных чародеяний достигнуть видения божеской сущности. Университет также отрицал, что изображения из свинца, золота или воска, окрещенные, зачатые или посвященные в известные дни, обладали могуществом, которое им приписывалось магическими книгами; но он же клеймил и неверие людей, отрицавших за магией, заклинанием и призыванием демонов ту силу, которую им приписывали чародеи.

Согласно Герсону, оспаривать существование и деятельность демонов было не только еретично и нечестиво, но могло даже ниспровергнуть весь политический строй жизни. Шпренгер утверждал, что отрицание существования магии может и не быть еретическим, так как это отрицание может происходить от невежества; но такое неверие среди духовенства заслуживает самого серьезного порицания; оно может вызвать «серьезное подозрение» в ереси и иметь своим последствием преследование.

Когда народное легкоеверие в магию было такими запретами усилено, безумие Карла VI побудило шарлатанов предложить свои услуги. Один священник в 1403 г. похвастался, что ему служат три демона, и взялся в сообществе с тремя другими вызывателями демонов вылечить короля. Им поверили. Они начали произносить заклинания. Но их кривляния не привели ни к чему. Тогда они сознались парижскому прево, что все это был обман, и 24 марта 1404 г. все они были сожжены.

Кардинал Людовик Бурбонский в 1404 г. строго запретил чародейство и гадание и призывал не верить чародеям-обманщикам, вся цель которых очистить карманы своих клиентов. Кардинал строго приказал священникам доносить епископским судьям обо всех этого рода поступках и обо всех лицах, этим занимающихся. Но народ продолжал верить в чародейство.

В Англии в 1407 г. Генрих IV предписал епископам заключать в тюрьму всех колдунов, гадателей, чародеев по суду или без суда, пока они не отрекутся от своих заблуждений или пока король не помилует их. Колдунья из Ей в 1441 г. была замешана в деле, возбужденном против герцогини Глоучестерской, обвинявшейся в том, что она сделала и расплавила восковую куклу, изображавшую Генриха VI. Герцогиня призналась и отделалась легкой епитимьей, заключением в тюрьму и изгнанием в Честер. Секретаря ее повесили; колдунья была сожжена. Все это дело было чисто политическое.

Попытка извлечь политические выгоды из верования в чародейство имела место в 1464 г. во время бракосочетания Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль. Утверждали, что этот брак — результат чар матери Елизаветы Джакетты. В 1483 г. Ричард III утверждал, что «мнимое бракосочетание» Эдуарда IV в 1464 г. было вызвано

«чародейством и колдовством со стороны невесты Елизаветы и герцогини Бедфорд».

Самым знаменитым процессом по обвинению в чародействе был процесс маршала де Рэ, проходивший в 1440 г. Утверждали, что маршал убивал беременных женщин и детей, чтобы писать их кровью заклинания, обеспечивавшие ему богатство и счастье.

Ничье положение в XV в. во Франции не казалось более блестящим, чем положение Жиля де Рэ. Он родился в 1404 г. и происходил из знаменитого рода Монморанси и Краон; он был в родстве со всеми знатными фамилиями Восточной Франции; по владению Рэ он был первым бароном Бретани. Его собственные владения были обширны, а когда он женился на богатой наследнице, то мог считаться самым могущественным и богатым сеньором Франции. В двадцать два года он поступил на службу к Карлу VII, дело которого казалось безнадежно потерянным; он содержал на свой счет отряд воинов и упорно сопротивлялся англичанам. Когда появилась Жанна д'Арк, ему было дано специальное поручение охранять Девственницу; со дня освобождения Орлеана и до неудачи под Парижем он был все время около Жанны. Во время коронационного торжества в Реймсе он был в двадцать пять лет возведен в звание маршала Франции, а в сентябре того же года получил разрешение окружить свой герб королевскими лилиями.

Этот человек был на редкость образованный. Его неутомимая любознательность и жажда к знанию побуждали его собирать книги в ту эпоху, когда редкий рыцарь умел подписать свое имя.

В 1433 г. он покинул двор и поселился в своих владениях, где жил пышно и беззаботно, прокучивая свое состояние и продавая одно за другим имения гораздо дешевле их стоимости. Большая часть их попала в руки его сюзерена герцога Бретонского; но Жиль де Рэ оставил за собой право выкупить их во всякое время в течение шести лет: он рассчитывал вскоре вновь стать несметно богатым и могущественным. Для этого он искал философский камень, который должен был дать ему безграничную власть и богатство. С этой целью его агенты разыскивали искусных колдунов и алхимиков; де Рэ был игрушкой в руках целой толпы бесстыдных шарлатанов, которые в нем постоянно поддерживали убеждение, что работа в его замке Тиффож скоро увенчается успехом; но неожиданное прибытие дофина

Людовика заставило его остановить работу; правда, алхимия не была причислена к числу запрещенных наук, тем не менее занятия ею казались подозрительными, и Людовик не был из тех, кому Жиль де Рэ мог бы доверить свою тайну. Алхимия, хотя и считалась наукой, была почти всецело связана на практике с некромантией; немногие алхимики считали себя способными достигнуть успеха без помощи демонов. У главного чародея Жилия, Франческо Прелати, как выяснили впоследствии, был помощником черт по имени Баррон, которого он всегда легко вызывал, когда был один, но который никогда не показывался в присутствии Жилия. Однажды, по просьбе Прелати, демон разбросал по комнате слитки золота, но запретил чародею дотрагиваться до них в течение нескольких дней. Когда слух об этом чуде дошел до Жилия, он пожелал увидеть его. Прелати повел его в свою комнату. Но, открыв дверь, закричал, что в ней извивается большая зеленая змея ростом с собаку; Жиль и Прелати поспешно убежали. Жиль взял чудотворный крест и пожелал снова вернуться в комнату чародея; но Прелати внушил ему, что это только увеличит опасность, и Жиль отказался от своего намерения. В конце концов, злой демон изменил золото в мишуру, которая в руках алхимика скоро превратилась в красноватый порошок. Тщетно Жиль давал Прелати подписанные его собственной кровью обязательства слепо повиноваться ему, если он даст ему три дара: знание, богатство и могущество; Баррон не принял ни одного договора и потребовал от Жилия жертвы: части тела ребенка. Жиль поторопился положить в вазу руку, голову, глаза и кровь ребенка и передал Прелати, чтобы тот принес все это в жертву Баррону. Но демон продолжал гневаться, и Прелати сказал, что он похоронил отвергнутую жертву на освященной земле. Хотя Жиль в своих занятиях некромантией принес в жертву бесчисленное множество детей, однако в его процессе упоминается только о выше приведенном факте; частое упоминание его в свидетельских показаниях показывает, что обвинение придавало ему особое значение.

Жиль мог бы долго и безнаказанно производить свои смертоносные опыты, если бы герцог Бретонский и его канцлер — епископ Нантский не нашли более выгодным для себя отправить его на костер. Оба они имели в своих руках земли, отчужденные Жилем; они могли получить что-либо при конфискации имущества. Но напасть на

страшного барона было не так-то легко; нужно было, чтобы Церковь повела его дело, так как гражданская власть не смела ополчиться против себя всех баронов герцогства. Буйный нрав Жилия скоро дал его врагам желанный предлог.

Маршал продал замок и поместье С.-Этьен де Мальмор казначею герцога и передал владение брату покупателя Жану де Феррону, имевшему тонзуру, носившему духовную одежду и пользовавшемуся неприкосновенностью духовного лица. Между ним и Жилем возникли какие-то недоразумения. На Троицын день в 1440 г. де Рэ привел в С.-Этьен шестьдесят вооруженных человек, Жан был в церкви. Жиль и его люди ворвались в алтарь. Жана принудили вернуть замок. Жиль оставил в замке гарнизон, увез Жана и заключил его в тюрьму в Тиффоже, заковав в цепи.

За этот поступок по обычному праву Бретани судили гражданским судом; но герцог приказал взять замок и пленников. Возмущенный этим неожиданным вмешательством, Жиль дурно обошелся с посланниками герцога, который быстро собрал войско. Брат герцога осадил замок Тиффож, и Жиль был вынужден освободить пленников. Выразив свою покорность, он решился в июле отправиться к герцогу в Жосселен. Прелати спросил своего демона и объявил Жилию, что он может смело ехать к своему сюзерену. Принятый ласково, маршал чувствовал себя настолько безопасно, что даже в Жосселене умертвил нескольких детей и вызывал демона через Прелати.

В то время как государственные власти не решались напасть на виновного, Церковь деятельно готовила Жилию гибель. 30 июля канцлер, Нантская епископия которого заключала в себе владения Рэ, известил частным образом, что в течение последнего посещения он и его комиссар удостоверились, что Жилия открыто называли убийцей большого числа детей, на которых он удовлетворил предварительно свои страсти; говорили, что маршал вызывал демона ужасными обрядами, что он заключал договоры с дьяволом и т. п. Восемь свидетелей были названы по именам, в числе их было семь женщин, жительниц Нанта. Из их показаний видно, что они лишились детей и винят в этом Жилия. Похищение детей никоим образом не подлежало всецело духовному суду.

Тем не менее 13 сентября епископ послал Жилию приказ явиться на епископский суд 19 числа. В повестке были перечислены злодеяния,

указанные в доносе, с многозначительным добавлением: «и другие преступления и проступки, заставляющие подозревать ересь». Повестка на другой же день была вручена Жилю в собственные руки; обвиняемый не выказал никакого сопротивления. Очевидно, какие-то тревожные слухи уже распространились, так как два главных советчика и наперсника маршала бежали в безопасное место. За исключением этих двух лиц, все доверенные слуги и поставщики Жилия, мужчины и женщины, и Прелати были арестованы и приведены в Нант. 19 сентября маршалу был дан частный допрос в присутствии епископа. Обвинитель выставил де Рэ еретиком. Жиль пожелал оправдаться перед епископом или другим духовным судьей. Ему на 28 сентября назначили явку перед епископом и вице-инквизитором Нанта.

В день судебного присутствия 28 числа были заслушаны десять свидетелей, которые сообщили много подробностей по делу о пропаже их детей. Жилия на суде при этом не было, продолжение дела было отложено до 8 октября.

Заседание 8 октября началось при страшных криках несчастных родителей, призывавших правосудие на того, кто похитил их детей.

В заседании 8 октября обвинитель представил на словах перечень обвинительных пунктов. Жиль апеллировал на этот суд, но апелляцию отвергли, даже не предложив подсудимому помощи адвоката или нотариуса для написания ее по форме. Обвинитель принес присягу говорить правду и воздерживаться от всякой лжи и просил, чтобы и с Жилия была взята такая же присяга, как это требовалось по закону. Но Жиль упорно отказывался, несмотря на четырехкратное требование и угрозу отлучения от Церкви. Он не принимал никакого участия в этих прениях и лишь утверждал ложность всех обвинений.

Положение еще ухудшилось на заседании 13 числа, когда обвинение было изложено письменно в виде списка в сорок девять пунктов. Епископ и инквизитор спросили Жилия, что он может сказать в свою защиту; обвиняемый заявил, что не признает над собой суда этих людей, подал на них апелляцию и не будет отвечать на предъявленные обвинения. Затем он клеймил своих судей как симонистов и преступников. Жиль заявил, что обвинительный акт сплошная ложь, и отказался дать формальный ответ. Тогда после нескольких предупреждений епископ и инквизитор объявили его мятежным и отлучили от Церкви. Он снова подал апелляцию; она была

отвергнута, и подсудимому дали сорок восемь часов на подготовку к защите.

Обвинительный акт, очень длинный и подробный, свидетельствует, что к этому времени успели вырвать у слуг Жили серьезные признания. Впервые в этом акте упоминается святотатство и нарушение неприкосновенности духовного лица в С.-Этьене; обвинение в убийстве детей упоминается только как факт побочный и связанный с другими преступлениями; между тем было собрано все, что можно было поставить ему в вину, до его излишества в столе включительно, которое вызывало его остальные бесчинства. Ловко воспользовались его мимолетными порывами раскаянья и его обещаниями исправиться, чтобы представить его еретиком-рецидивистом и отнять у него всякую надежду на спасение. В заключение обвинитель распределил обвинение между двумя судами. Епископ и инквизитор должны были вдвоем судить вероотступничество и призывание демонов; а епископ один должен был вынести приговор по обвинениям в противоестественных преступлениях и святотатстве, так как это было неподсудно инквизиции. Об алхимии не было упомянуто ни слова; она не причислялась к запрещенным наукам.

Когда через день, 15 числа, Жили привели на суд, то это был уже совсем другой человек. Очевидно, он понял из обвинительного акта, что его слуги были принуждены выдать его и дальнейшее упорство приведет только к пытке. Он смиренно признал судьями епископа и инквизитора. Преклонив колени, он просил прощение за нанесенные им оскорбления и умолял, чтобы с него сняли отлучение от Церкви. Он даже в общих словах сознался в преступлениях, в которых его обвиняли. Но когда ему предложили отвечать на пункты, он тотчас начал отрицать, что когда-либо вызывал или приказывал вызывать злого духа; правда, он занимался алхимией, но готов отдать себя на сожжение, если вызванные свидетели, показания которых он признавал заранее, докажут, что он вызывал демонов, заключал с ними договоры или приносил им жертвы. Что касается других обвинений, то он отрицал их, как ложные, но предложил обвинителю привести свидетелей и соглашался принять их показания, как окончательные. Однако он отказался от своих слов, когда были введены его слуги, агенты, Прелаты и две его поставщицы и им в его присутствии

предложили принести присягу. Прелати дал массу подробностей относительно некромантии, и трудно понять, как этот некромант, вполне заслуживший кастра, избежал всякого наказания; то же можно сказать и о многих подсудимых. Интересно отметить отсутствие обычной формулы, что эти признания или показания слуг и агентов сделаны без насилия, не под страхом и без подкупа. В заседании 20 октября снова спросили Жилья, не желает ли он представить какие-либо замечания; он ответил отрицательно. Он просил немедленного обнаружения свидетельских показаний, собранных против него, и когда ему прочли показания его соучастников, заявил, что принимает их. Обвинитель просил епископа и инквизитора допросить Жилья, чтобы более полно осветить истину. Было решено применить пытку.

21 октября епископ и инквизитор приказали ввести обвиняемого и подвергнуть его допросу. Но Жилья попросил отсрочки до следующего дня. Он просил также, чтобы епископу С.-Бриёка и высшему магистру Бретани поручили допросить его и выслушать признание не в застенке. На последнюю просьбу судьи согласились, но отсрочку дали только на два часа. Признание, сделанное после полудня Жилем, было дано им «свободно и. добровольно без всякого давления».

Жилья сразу сознался перед назначенными судом комиссарами во всех преступлениях, в которых его обвиняли. Высший магистр просил обвиняемого объяснить, что побуждало его к подобным ужасным преступлениям. Жилья вскричал: «Поистине, не было никаких других поводов или намерений, кроме желания удовлетворить свои страсти. Я признался вам в вещах, более тяжелых, чем эти, и сознался вам столько, что можно десять тысяч человек приговорить к смерти!» Председатель не настаивал более на этом, но послал за Прелати. Каждый соучастник добровольно подтвердил показания другого; затем они, горячо простившись, расстались со слезами.

На другой день, 22 октября гордый и надменный барон выразил желание, чтобы его признание было прочтено всенародно, дабы этим смирением он мог заслужить прощение от Бога. Он добавил к своему сознанию новые подробности о совершенных им жестокостях. Обратившись к присутствующим с убеждением относиться к Церкви с уважением и послушанием, он умолял их со слезами молиться за него и просил прощение у родителей, детей которых убил.

25 октября он должен был выслушать приговор. После совещания епископа и инквизитора с экспертами были прочтены оба постановления. Первым, вынесенным обоими судьями, Жиль осуждался как еретик в вероотступничестве и призывании демонов, за что подлежал отлучению от Церкви и другим наказаниям согласно каноническому праву. Второй приговор был вынесен одним епископом; обвиняемый осуждался за преступления против природы, за святотатство и нарушение неприкосновенности лиц духовного звания. Ни в одном из этих двух приговоров не указывалось наказание, а так как осужденный не был объявлен рецидивистом, то его нельзя было передать в руки светской власти; по-видимому, находили лишним накладывать на него какое-либо духовное наказание, так как светский суд вел следствие, исход которого не подлежал сомнению. Духовный суд не затронул обвинение в убийстве и предоставил это светскому суду, как единственно компетентному в делах подобного рода. По прочтении приговоров осужденного спросили, желает ли он вступить в лоно Церкви. Он ответил, что никогда не знал, что такое ересь, и никогда не впадал в это преступление; но так как Церковь признала его виновным, то он смиренно просит воссоединения с Церковью; он молил об отпущении грехов, которое было дано ему. Тот факт, что Жиль, осужденный за ересь, был прощен без того, чтобы формально принести отречение, ясно свидетельствует, что епископ и инквизитор заботились только о том, как бы достигнуть тайной цели.

Из Тур-Нев, где происходили заседания духовного суда, Жиль сейчас же перешел на суд светский, заседавший в Буффэ. Последний начал свое расследование 18 сентября сбором свидетельских показаний об умерщвлении детей. Жиль немедленно сознался во всех преступлениях, указанных в обвинительном акте. После этого председатель спросил мнение членов суда, и все единогласно высказались за смертную казнь. Преступник подлежит денежным штрафам, которые должны быть обращены на его имущество и земли. В наказание за свои преступления Жиль должен быть повешен и сожжен. Казнь была назначена на другой день.

По бретонским законам казнь преступника влекла конфискацию его движимого имущества в пользу имеющего судебную власть сеньора; но на недвижимое имение нельзя было наложить запрещение. Во всех случаях обвинение в ереси влекло за собою конфискацию

всего имущества и лишало два поколения потомков гражданских прав. Жиль был признан еретиком, но вердикт светских судей неясен в отношении конфискации. Обычное в подобных случаях ограничение прав не распространилось на потомков Жилия. Можно ввиду низких интересов, которые лежали в основании этого дела, сомневаться в искренности процесса и осуждения.

Если историк думает, что в этом исключительном деле непроницаемая тайна скрывает еще истину, то крестьяне Бретани нисколько в ней не сомневались. В их глазах Жиль был воплощением жестокости и бессердечия. В Бретани, Вандее, Анжу и Пуату, где находились владения ужасного барона, предание рассказывает, что демон изменил в яркосиний цвет чудный русский цвет бороды Жилия, которую он гордился, и в глазах крестьян повсюду, в Тиффож, в Шантосэ, Маникуль, Синяя Борода представляется владельцем замка, где Жиль царствовал над их предками.

Глава 7. КОЛДУНЫИ

Трудно провести резкую границу между магией и простонародным колдовством, так как и то, и другое было порождено одними и теми же верованиями. До XV в. колдовство официально не преследовалось. Его адептами были невежественные крестьяне и по большей части даже женщины; иногда эти люди выдавали себя за одаренных способностью помогать себе подобным или губить их, иногда эту способность приписывали им их соседи, боявшиеся и ненавидевшие их.

Усилиями теолога, направленными на доказательство еретического характера всех суеверных обрядов, в которых, по определению Парижского университета, всегда был молчаливый договор с Сатаной, на невинные приемы добрых женщин, собиравших лекарственные травы и наговаривавших чары, стали смотреть, как на проявление культа демонов. А так как подобная идея засела глубоко в умах судей и инквизиторов, при помощи пытки они добывали от своих жертв признания, отвечавшие их желанию.

Отличительной чертой этого колдовства было поклонение Сатане на шабаше, т. е. на собрании, происходившем обыкновенно ночью. На этих собраниях совершали адские обряды и предавались грязному разврату. Верование в подобные собрания издревле встречается в суевериях всех народов. Церковь объявила еретиками всех, кто верил в существование этих ночных сборищ. Это учение, как часть канонического права, оставалось неизменным; но наряду с этим, вместе с развитием ереси возникли басни о том, что еретики почитают демона под видом кошки или какого-нибудь другого животного и совершают в честь него святотатственные и нечестивые обряды.

Веру в ночные полеты во второй половине XV в. объявили еретической; всякий, кто будет упорно держаться этого заблуждения, будет объявлен худшим, чем язычник. Когда «добрые женщины» из деревень были допрошены об их сношениях с Сатаной, они под пытками рассказывали судьям о своих ночных полетах по воздуху. Вскоре стали считать неполным всякое признание колдуньи, если в

нем не было рассказа об участии ее на шабаше, что признавалось окончательным доказательством ее преданья себя Сатане.

Колдунья

Инквизитор Николай Жакерий в 1458 г. заявил, что ведьмы действительно присутствовали на шабаше, он приводил множество дел, с которыми ознакомился в качестве духовного судьи. Шпренгер, так много содействовавший формулировке учения и организации преследования, заявлял, что если шабаш был плодом воображения, то и все колдовство было пустой выдумкой. Поэтому он утверждал, что дьявол неоспоримо обладал способностью переносить тела, а присутствие ведьмы часто было только мысленное; Около 1500 г. инквизитор Бернارد Комоский прибавил к этим доводам тот факт, что много людей было сожжено за присутствие на шабаше; наказание это не могло быть наложено без согласия папы, и оно вполне достаточно

подтверждает действительность ереси, так как Церковь карает только доказанные преступления.

Около этого времени ученый юрист Джанфранческо Понцинибио написал трактат о колдовстве. Ссылаясь на огромное число авторитетов, он доказывал, что современные колдуны не составляют особую секту; что не следует принимать признаний колдуний, так как они рассказывали вещи фантастические и невозможные; равным образом следует отвергать их разоблачения об соучастниках, так как в своем заблуждении они могли только обмануть другого. Эти утверждения получили отпор теолога Сильвестра Маццолино из Приерио, магистра Священного Двора, написавшего в 1521 г. многотомный трактат о ведьмах. Он доказывает, что современные ему колдуны представляют новую секту, возникшую в 1404 г., и заявляет, что отрицание действительного присутствия колдуний на шабаше подрывает доверие к бесчисленному количеству дел, рассмотренных инквизицией. Его преемник на посту магистра Св. Двора, Барталомео де Спина, посвятил три работы опровержению Понцинибио, который, ссылаясь на каноны середины XV в. и более древние установления Анкирского собора, напомнил, что еретиками признавались те, кто верил в телесное перенесение колдуний на шабаш, и что инквизиторы, накладывая на кающихся епитимьи, должны были их заставлять отречься от этой ереси одновременно с отречением от других заблуждений. Это утверждение привело Спину в негодование: «Можно ли называть ересью учение, которое защищают инквизиторы и согласно с которым они судят врагов веры?» Кончает он призывом к святому трибуналу преследовать Понцинибио, как «тяжело подозреваемого» в ереси, как покровителя и апологиста ереси и виновного в помехе деятельности святого трибунала. Шабаш ведьм был принят, как доказанный факт.

В Комо и Брешии в XV в. много детей от восьми до двенадцати лет, которые были обращены инквизиторами, описывали шабаш с такой уверенностью, что подтверждало их присутствие там.

Демонологи утверждали, что чародеи и колдуны предлагали свои услуги, чтобы выполнить желания иногда похвальные, иногда преступные, колдуны были всегда злыми и всегда проявляли над людьми разрушительную силу по воле дьявола. Шпренгер различает три вида колдуний: одни могут производить зло, но не могут

излечивать его; другие могут излечивать, но не могут производить его; а третьи могут и производить зло, и излечивать его; последние наиболее опасны; чем больше они оскорбляют и поносят Бога, тем больше дьявол делает их могущественными. Они убивают и поедают детей, вызывают выкидыш у женщин или исчезновение молока; поднимают бури и наводят грозовые тучи, напускают саранчу и гусениц, поражают мужчин бессилием, а женщин — бесплодием, заставляют лошадей закусывать удила; могут находить спрятанные вещи и предсказывать будущее; могут порождать любовь или ненависть, насылать смертельные болезни, убивать людей ударом молнии или одним взглядом; могут даже обращать людей в животных и т. п. Каждая из этих подробностей послужила основанием для обвинений, которые привели на костер бесчисленное множество людей.

Все демонологи решительно свидетельствуют, что демон ловил в свои сети гораздо больше женщин, чем мужчин. Шпренгер нападает на женщин и благодарит Бога, что сохранил мужчин от подобной испорченности. В маленьком городке возле Базеля была сожжена акушерка, сознавшаяся в том, что убила более сорока детей. Другая, из Страсбургской епархии, также погубила бесчисленное количество детей. В Швабии возникло дело по одной из ведьм восьми лет отроду, невинно открывшей свое могущество отцу; мать, посвятившая дочь Сатане, была сожжена. Акушерки-ведьмы были так многочисленны, что почти в каждой деревушке имелись свои.

Шпренгер рассказывает, что один из его товарищей во время инквизиторского объезда прибыл в город, где почти все население было уничтожено чумой. Ему рассказали, что одна только что погребенная женщина пожирает свой саван и что, пока она не съест его весь, смертность не уменьшится; инквизитор велел открыть гроб и удостоверился, что покров съеден наполовину. Мэр города отрезал голову от трупа и бросил ее за городской вал; тотчас же чума прекратилась. Было начато расследование и обнаружено, что покойная давно уже являлась ведьмой.

Злокозненное могущество ведьм было много раз описано в буллах различных пап для полного назидания верных; в 1487 г. Кельнский университет, одобряя «Молот ведьм» Шпренгера, определил, что

всякий, кто будет оспаривать действительность искусства ведьм, должен быть преследуем, как «мешающий» деятельности инквизиции.

Под пыткой жертвы инквизиции давали почти всегда нужные судьям показания, а отречение влекло продолжение пытки.

Целительная магия была делом выгодным, и много колдуний занимались только ею; однако и они подвергали себя опасности быть осужденными за то, что заключили договор с дьяволом, так как признавалось непреложным фактом, что они могли помочь больному, только перенеся болезнь на другое лицо при помощи запрещенных приемов. Шпренгер сообщает, что в Германии нельзя было пройти одну или две мили, чтобы не встретить подобных колдуний. В Рейхсгофене жила одна колдунья, промысел которой процветал настолько, что сеньор этого места обложил платой в размере одного денье всех больных, приходивших лечиться к ней, и получал хороший доход. Однако всякое несчастье, всякий несчастный случай в деревушке приписывали колдуньям, подозрение сосредоточивалось на какой-нибудь старой сварливой женщине; ее тотчас же арестовывали, так как в глазах инквизиторов простая угроза: «Ты раскаешься в этом!», брошенная мимоходом, если за ней следовало малейшее несчастье, считалась достаточным основанием для оправдания ареста и процесса. Все соседи охотно выступали в качестве обвинителей. Под пыткой несчастная женщина выдумывала какую-нибудь историю, отвечала на каждый пункт обвинения, перечисляла своих соучастников в каждом деле, называла людей, виденных ею на шабаше, который она регулярно посещала. Нет показаний, собранных в процессе колдуньи, или признаний, исторгнутых у обвиненной, которые не объясняли бы колдовством самые ничтожные случаи, самые пустые несчастья, малейшие случаи болезни или смерти: всякое обвинение влекло за собой гибель новых жертв. Число костров росло; напуганная община начинала верить, что половина ее членов, если не больше, была рабами Сатаны и что она может избавиться от «того злокозненного исчадия только тогда, когда все эти враги будут уничтожены». В течение более двух столетий этот страшный террор царствовал в различных странах Европы; суеверие тщательно поддерживалось и возбуждалось папами и инквизиторами, Иннокентием VIII и Львом X, Шпренгером и Инститорином, Бернардом Комоским и епископом

Бинсфельдом; невозможно определить, сколько мук причинило это дикое безумие.

Могущество ведьмы, однако, не помогало ей защитить себя от людей, которые пытали и сжигали ее. Демонологи объясняли это тем, что по милости Бога ведьма теряла свою силу, лишь только рука служителя правосудия прикасалась к ней.

Богословы утверждали также, что все, кто работал над уничтожением колдуний, не были доступны их влиянию и козням демонов. Шпренгер говорит, что на него и на его товарищей не раз нападали демоны в виде обезьян, собак или козлов; но с помощью Бога им всегда удавалось победить врага.

Чтобы одолеть столь распространенное и столь заразительное зло, нужны были соединенные силы Церкви и государства. Компетенция светских и епископских судов была одинаково неоспорима. С 1374 г. уже именно инквизитор Франции, например, преследовал колдуний, а Григорий XI предложил инквизитору вести преследование по всей строгости законов. В указах, данных в 1409 и 1418 гг. инквизитору Прованса, упоминаются среди многих преступников, которых следует уничтожить, чародеи, заклинатели и призыватели демонов. Евгений IV в 1437 г. побуждал инквизиторов проявить усиленную деятельность: такие же инструкции были изданы вторично в 1445 г. В 1451 г. Николай V расширил привилегии инквизитора Франции, поручив ему ведение преступлений ворожбы с «признаком» ереси или без него.

Инквизиция была призвана на борьбу против демонов Сатаны. Можно было вынести вердикт, что преступление «осталось недоказанным», но инквизитору было строго запрещено признавать обвиняемого невиновным. Впрочем, исчерпывали все средства обмана и насилия, хитрости и пытки, чтобы установить виновность. Инквизитор уже заранее был убежден в виновности лиц с репутацией чародеев. Упорство перед пыткой являлось лишним доказательством виновности, так как Сатана пытался спасти своего слугу; на обязанности судьи лежало победить демона, хотя бы, как говорит Шпренгер, колдунья позволяла разорвать себя на куски и не сознавалась. Пытку нельзя было повторять, но можно было бесконечно продолжать. Признание не было абсолютно необходимым: если свидетельские показания были достаточно убедительны, то можно было осудить обвиняемого и без его признания; но обычное право

требовало признания самого преступника, и поэтому применяли пытку, если не удавалось добиться его другими средствами. Но ввиду сатанинского дара молчания лучше было избегать ее применения; поэтому следовало прибегать к обещаниям прощения, определявшим легкую епитимью или изгнание. Если обман удавался, то инквизитор мог передать светскому или епископскому суду право произнести приговор или дать пройти сравнительно большому промежутку времени, прежде чем послать на костер пойманную в ловушку жертву. Признаком виновности колдуньи была невозможность плакать во время пытки или перед судьями; но если жертва плакала, то это считали хитростью демона, и эти слезы могли только повредить обвиняемой.

Когда светские суды признавали колдуний виновными, они все предавались костру, и инквизиция усвоила эту систему. Еще в 1445 г. Руанский собор, если колдуньи отрекутся, давал епископам право отпустить их на свободу, наложив на них епитимью соответственно с их преступлением, после чего, в случае вторичного падения, духовных следовало подвергать пожизненному тюремному заключению, а мирян выдавать светской власти. Однако уже в 1458 г. установили, что колдунья не заслуживает того, чтобы с нею обращались, как с другими еретиками, и щадили ее в случае отречения. В 1484 г. Шпренгер говорит, что если еретика после отречения следует подвергнуть тюремному заключению, то колдунью надо предать смерти, если даже она раскаялась. Всю ответственность за казнь возлагали на светские власти; Шпренгер добавляет, что духовный судья должен удовольствоваться только тем, чтобы снять с раскаявшейся и обращенной колдуньи тяготевшее на ней отлучение от Церкви и «освободить» ее, выдав светским судьям, чтобы она искупила на костре причиненные ею бедствия.

В сущности, судьба обвиняемой находилась всецело в руках инквизиторов. Единственным средством защиты, которым располагал обвиняемый, был отвод свидетелей, как личных его врагов; но судьям было приказано принимать во внимание только самую сильную вражду, потому что колдуньи были всем ненавистны. Первое подробное описание колдовства, дошедшее до нас — трактат Нидера, написанный в 1437 г. Хотя Нидер иногда сам действовал в качестве инквизитора, тем не менее он заявляет, что свои сведения почерпнул

главным образом из работ Петра Бернского, светского судьи, сжегшего огромное число колдуний и колдунов и изгнавшего массу их с бернской территории, пораженной этой заразой уже лет пятьдесят. Это известие относит происхождение колдовства в этой стране к концу XIV в.; другие относят его к первым годам XV в.

По сообщению Бернарда Комоского, колдовство началось за сто пятьдесят лет до этого. Великий юрист Бартоло, умерший в 1375 г., в качестве судьи в Новаре осудил одну женщину, сознавшуюся в том, что она повиновалась дьяволу, топтала крест и убивала детей, околдовывая их. Уже в 1353 г. упоминаются пляски ведьм в одном деле, разбиравшемся в Тулузе. В 1424 г. колдунья была сожжена в Риме за то, что многим причинила смерть, а многих околдовала.

Одна колдунья, судимая в Провансе в 1462 г., заявила, что во всей Франции и Бургундии колдуний было не более шестидесяти, но ни один суеверный человек не принимал такого малого числа. В 1453 г. вспыхнула эпидемия колдовства в Нормандии. В том же году возникло дело Гильома Эделина, вызвавшее большое удивление, так как обвиняемый был знаменитым доктором богословия и приором из Клерво во Франш-Контэ. В своем отречении он говорит, что попросил в 1438 г. допустить его на шабаш, где принес присягу в верности демону и отрекся от христианской веры, для того, чтобы примириться с одним знатным соседом, ненависти которого он боялся. Неофиту были обещаны разные земные блага, если он согласится утверждать в своих речах ложность рассказов о колдунах; его проповедь, говорят, страшно увеличила число колдунов, помешав судьям наказывать их. Против него было возбуждено преследование перед епископом Эврё и инквизитором Франции; он убедил Каннский университет взять на себя его защиту, но инквизитор заручился поддержкой Парижского университета, и обвиняемый был признан виновным. Он не был сожжен, а присужден после отречения на пожизненное тюремное заключение на хлеб и воду. На аутодафе инквизитор в своей речи напомнил о том высоком положении, которое некогда занимал осужденный, и о вредном характере его учений; несчастный просил прощения у Бога. Его заключили в подземную тюрьму, где он томился четыре года. Однажды его нашли мертвым в его темнице в положении молящегося.

В 1446 г. несколько колдуний было сожжено в Гейдельберге инквизитором, казнившим в 1447 г. еще одну колдунью, которая считалась наставницею первых. Но еще не усвоили в делах подобного рода однообразной практики, так как в том же самом 1447 г. одна женщина, уличенная в колдовстве в Бранденбурге, была просто выслана на расстояние двух немецких миль, после того как с нее взяли три залога.

Около того же времени тулузские инквизиторы сожгли множество колдуний из Дофинэ и Гаскони. В это самое время в Комо преследование было в полном разгаре. В 1456 г. две жертвы были сожжены в Кельне; эти колдуньи в мае вызвали такой сильный мороз, что были уничтожены все растения. В 1459 г. Пий II обратил внимание аббата Третье на подобное же колдовство, распространенное в Бретани, и дал прелату папский указ подавить его. Это папское вмешательство показывает, насколько было бесплодно все рвение герцога Артоса III (умер в 1457 г.), который сжег множество колдуний во Франции, Бретани и Пуату.

Преследование, порученное ловким инквизиторам, могло всюду найти благоприятные условия для своего развития. «Бич еретических колдунов», составленный в 1458 г. инквизитором Николаем Жакериусом, показывает, что святой трибунал начал организовывать свои усилия против колдовства.

Среди самых низких и презируемых классов общества не было недостатка в людях, которые вступали в ряды бесчисленной армии колдуний, созданной горячим воображением демонологистов.

Все более свыкались с мыслью, что колдуньи со всех сторон окружали людей и что самое пустое несчастье, самый ничтожный случай был следствием их злой воли. Церковь, напуганная успехами этой новой ереси, в своих усилиях уничтожить ее способствовала только ее чрезвычайному усилению. Где бы ни появлялся инквизитор, его заваливали доносами на всех, кого только можно было считать виновными, начиная с ребенка самого нежного возраста и кончая старухой. Джироламо Висконти в Комо поднял такую бурю против колдовства, что в 1485 г. сжег не менее сорока одной жертвы в одном только маленьком округе Вормсербад кантона Граубюнден.

Особенно сильный толчок дала эпидемии охоты на колдуний булла «Покорнейше просим», изданная Иннокентием VIII 5 декабря

1484 г. Папа утверждает, что все немецкие области полны мужчин и женщин, творящих злодеяния колдовством, и описывает действия их с ужасающей подробностью. В течение некоторого времени обязанности инквизиторов в этих странах исполняли Генрих Инститорис и Яков Шпренгер, но среди подсудных им дел нет специального упоминания о колдовстве. Поэтому Иннокентий дает им полную свободу действий в этом отношении, приказывая страсбургскому епископу подавлять всякую попытку обструкции или вмешательства и в случае надобности прибегать к помощи светской власти. Вооруженные такой властью, два инквизитора объехали страну, оставляя за собой реки крови и огня; только в маленьком городке Равенсбург они за пять лет сожгли сорок восемь колдуний.

Совместный труд Инститориса и Шпренгера «Молот ведьм» — самый удивительный памятник суеверий, когда-либо созданный миром. Они пустили в ход всю свою огромную опытность и свою богатую эрудицию, чтобы доказать действительность существования колдовства и распространенность бедствий, причиненных им, и наставить инквизиторов, как обойти козни Сатаны и наказать его адептов. Они глубоко убеждены в безмерности зол, которые нужно уничтожить, они безусловно верят, что их трибунал вовлечен в борьбу, чтобы вырвать у Сатаны души людей, и поэтому они старательно оправдывают все обманы и все жестокости, пускавшиеся в ход, чтобы провести врага, против которого бессильна законная борьба. Это были убежденные фанатики. Труд их представляет собой неистощимый сборник чудес, к которому прибегали последующие поколения всякий раз, когда надо было доказать какое-нибудь проявление могущества или злобу колдуний. Сочинение написано строго логически и прочно основано на схоластическом богословии и каноническом праве, так что нет ничего удивительного, что оно пользовалось доверием больше чем целое столетие, как высший авторитет в вопросе, весьма важном в жизни. На него ссылались и последующие писатели, и оно более чем все остальные влияния, кроме папских булл, содействовало возбуждению и усовершенствованию преследования, увеличив в то же время поводы к этому.

Ведьмы и Сатана

Таким образом, во второй половине XV в. инквизиция пережила новую вспышку деятельности. Впрочем, ей не всюду позволяли действовать, как ей хотелось, против этой новой категории еретиков. Во Франции эдикты 1490 и 1493 гг. считают этих преступников подсудными только светским судам, если только виновные не подлежали ведению духовного суда; об инквизиции не упоминается. В то же время возрастающая строгость преследования во Франции сказалась в постановлениях, налагавших одинаковые наказания на некромантов и колдунов и на тех, кто обратился к ним за советами: отставка, пожизненные ограничения в правах и произвольные штрафы грозили судьям, которые не арестовывали этих преступников.

Корнелий Агриппа, ученые трактаты которого о тайных науках касались запрещенных областей, в 1519 г., когда был адвокатом города Меца, спас от когтей инквизитора одну бедную женщину, обвиненную в колдовстве. Единственным основанием к ее обвинению было то, что ее мать была сожжена как колдунья. Инквизитор ссылался на

авторитет «Молота ведьм» в доказательство того, что если эта женщина и не была рождена от инкуба, то была посвящена Сатане с самого дня рождения. Присоединив к себе епископского судью, он подверг обвиняемую жестокой пытке, а затем морил ее голодом в своей тюрьме. Когда Агриппа явился защищать ее, то его выгнали из суда, пригрозив ему преследованием, как покровителю ереси; мужу обвиняемой запретили вход в зал заседаний из боязни, чтобы он не подал апелляции. Епископский судья, смертельно заболев, составил документ, в котором говорил о своем глубоком убеждении в невинности этой женщины и просил капитул выпустить ее на свободу. Но инквизитор настаивал, чтобы она снова была подвергнута пытке и сожжена. Агриппе удалось добиться от преемника судьи и капитула оправдания бедной женщины; но этот успех стоил ему должности, и он был вынужден покинуть Мец. Освободившись от его присутствия, инквизитор тотчас же нашел другую колдунью, которую сжег, вырвав у нее предварительно пыткой сознание во всех ужасах шабаша и обычных злодеяниях, совершенных благодаря могуществу Сатаны. Он принялся искать другие жертвы, руководясь признаниями первой; он заключил в тюрьму много несчастных, другие бежали; и он беспощадно продолжал бы свои убийства, если бы священник в приходе Св. Креста не выступил открыто против него и не победил его в публичном споре; двери темницы отворились, и бежавшие смогли вернуться в город.

Поражение в этой новой сфере деятельности инквизиция потерпела в Венеции. Между синьорией и Святым Престолом возник спор по поводу колдуний Брешии; республика категорически отказалась привести в исполнение приговоры, вынесенные инквизиторами. И это притом, что в течение двух поколений Церковь по всей Ломбардии постоянно поддерживала преследование и уничтожала всякое сопротивление со стороны просвещенных мирян, так что в конце концов она сделала из Верхней Италии настоящий очаг ереси. В 1457 г. Каликст III предписал своему нунцию энергично подавить распространение колдовства в Брешии, Бергамо и их окрестностях. Тридцать лет спустя брат Джироламо Висконти нашел широкое поле деятельности в Комо. В 1494 г. Александр VI предписал ломбардскому инквизитору усилить деятельность, так как колдуньи в Ломбардии были очень многочисленны и причиняли большие бедствия

людям, скоту и урожаю. В первых годах XVI в. инквизитор, старавшийся уничтожить в Кремоне бесчисленное множество процветавших там колдуний, встретил препятствие со стороны некоторых духовных и мирян, думавших, что он превышает свои судебные полномочия; тогда Юлий II определил права инквизитора и предложил всякому, кто будет содействовать святому делу, индульгенции, как за крестовый поход; в 1523 г. Адриан VI распространил эти постановления на инквизитора Комо. Церковь говорила, что демоны обладают безграничным могуществом; верные без всякого колебания должны верить тому, чему учит Церковь. Просвещенные люди скептически относились к утверждениям инквизиторов об опасностях, вызываемых колдуньями.

Конфликт между Церковью и рационализмом просвещенных людей сказался в Венеции. Республика всегда сохраняла за светским судом преступления чародейства. В 1410 г. решение Великого Совета позволяет инквизиции действовать в подобном случае только тогда, когда преступление включает в себе ересь или святотатство; но если преступление чародейства наносит вред частным лицам, оно подлежит ведению светского суда. Когда в 1422 г. несколько францисканцев были обвинены в жертвоприношении демонам, Совет Десяти поручил дело комиссии, в которой участвовали член Совета, капитан, инквизитор и адвокат. Брешия была особенно заражена колдовством. Уже в 1465 г. инквизитор требовал содействия сената для подавления заразы; ему была дана эта помощь; но когда в 1486 г. вспыхнуло новое преследование, подестат отказался привести в исполнение вынесенные инквизитором приговоры; синьория поддержала это сопротивление, что вызвало энергичные протесты Иннокентия VIII.

В 1510 г. в Брешии было сожжено семьдесят женщин и столько же мужчин, в 1514 г. — триста в Комо. В подобной эпидемии всякая новая жертва была новым источником заразы, стране грозило полное уничтожение населения. Распространился слух, что в долине Тонале близ Брешии на шабаш собралось больше двадцати пяти тысяч колдуний и колдунов. В 1518 г. сенату было официально сообщено, что инквизитор сжег семьдесят колдуний в Валькамонике, столько же находится в тюрьмах, и общее число подозреваемых или обвиняемых достигает пяти тысяч — четверти всего населения долин. Синьория энергично вмешалась, но Рим по этому поводу резко протестовал. 15

февраля 1521 г. Лев X выпустил буллу «Достойным уважения образом», в которой приказывал инквизиторам широко применять отлучение и интердикт, если не будут приводиться в исполнение приговоры, вынесенные ими против колдуний. Совет Десяти 21 марта ответил на эту меру регламентацией всех процессов, в том числе и дел, бывших в производстве; приговоры, вынесенные по ним, были признаны недействительными, залогов подлежали возврату. Допросы должны вестись без применения пытки одним или двумя епископами, инквизитором и двумя докторами Брешии, причем все эти лица должны быть выбраны среди людей, известных своей честностью и просвещенным умом. Легата просили обратить внимание, что преследуемые в Валькамонике были простыми и невежественными людьми, которые нуждаются в хороших проповедниках, а не в преследователях. В эпоху разнузданных суеверий это заявление Совета Десяти явилось редким образцом обдуманной мудрости и здравого смысла.

Как ни омерзительны преследования колдовства до XV в., они были только прологом к слепым и безумным убийствам, наложившим позорное пятно на следующее столетие и на половину XVII в. Казалось, что сумасшествие охватило христианский мир и что Сатана мог радоваться поклонению, которое воздавалось его могуществу, видя, как без конца возносился дым жертв, свидетельствовавших о его торжестве над Всемогущим. Протестанты и католики соперничали в смертоносной ярости. Сжигали колдуний десятками и сотнями. Один женевский епископ сжег в три месяца пятьсот колдуний; епископ Бамберга — шестьсот; епископ Вюрцбурга — девятьсот; восемьсот было осуждено за один раз сенатом Савойи. В 1586 г. в Рейнских провинциях запоздало лето и холода держались до мая; трирский епископ сжег сто восемнадцать женщин и двух мужчин, у которых исторгли признание, что это продолжение зимы — следствие их заклинаний. В течение полутора столетий святой трибунал сжег более тридцати тысяч колдуний, «дабы спасти от гибели весь мир».

Глава 8. РАЗУМ И ВЕРА

Два направления способствовали тому, чтобы вызвать конфликт между схоластиками и инквизиторами. С одной стороны, преследование создало правило католической религии, по которому мелочи богословия считались не менее важными, чем основные догматы религии. Стефан Палеч заявлял на Констанцском соборе, что учение, верное католичеству в тысяче пунктов и заблуждающееся только в одном, уже по одному этому должно считаться совершенно еретическим. Христианин должен быть твердым в своей вере, и всякое сомнение было ересью. С другой стороны, схоластики старались точно установить и определить мельчайшие подробности вселенной и мира невидимого. Пока эта любознательность не выходила из границ, определенных для католиков непогрешимой Церковью, она выработала самые выдающиеся памятники богословия: сочинение Петра Ломбардского «Сентенции» и «Своды» Фомы Аквинского. Когда это учение установилось и было принято как католическое, богословие и философия стали самыми опасными науками; и схоластики постоянно спорили о сомнительных пунктах, поднимали новые вопросы и прибавляли новые тонкости к проблемам, которые их первоначальное определение сделало доступными уму среднего человека.

История Роджера Бэкона (ок. 1214 — ок. 1292) проливает свет на направления XIII в. Его работы и мнения были протестом против всей современной ему мысли и учения. По словам Бэкона, изучение «Сентенций» Петра Ломбардского ставили выше изучения Священного Писания. Невозможно, добавляет Бэкон, чтобы слово Божие было понято в то время, когда злоупотребляют «Сентенциями»; если кто-нибудь для освещения вопроса обращался к Св. Писанию, то его никто не слушал. Всякий считает себя вправе исправлять текст Вульгаты, искажая его. Бэкон первый оценил важность этимологии и сравнительного языковедения и беспощадно раскрывал грубые ошибки, обычные у современных ему ученых. Методы Бэкона были строго научны. Он требовал реальных фактов как основания всякого рассуждения, идет ли речь о догме или о наблюдениях физических или

нравственных. По его мнению, изучение природы или человека должно быть эмпирическим, знание должно предшествовать рассуждению. В ряду наук первое место занимала математика; второе место принадлежало метафизике; но у него метафизика была дедукциями, основанными на проверенных наблюдениях, так как, согласно Авиценне, «выводы других наук суть основные положения метафизики».

В то время, когда все с увлечением занимались словами, Бэкон изучал факты. Но он был обвинен в умозрениях, несогласных с учениями католической церкви, и в 1280-е гг. на него был сделан донос генералу ордена францисканцев; его мнения были осуждены; братьям было приказано тщательно избегать его заблуждений; сам он был заключен в тюрьму. Среди схоластических пререканий человек, смело боровшийся против общепринятых идей и безжалостно разоблачавший невежество ученых, не мог не возбудить против себя сильной вражды и не дать повода к обвинению его в ереси. Бэкон потерпел за то, что выступил против идей своей эпохи.

Весьма часто схоластики могли вступать в бесконечные споры, не подвергая себя ни малейшему порицанию. Столкновение между номиналистами и реалистами занимает видное место в истории европейской мысли.

По учению реалистов, отдельные особи суть существа эфемерные; постоянно существует то, что общо и свойственно всем существам. В человеке это — человечность, но сама человечность есть только часть более общего существования — духовности, а духовность есть только временная, преходящая форма бесконечного Существа, которое есть Все, не будучи ничем в частности. Только одно Существо неизменно. Эти идеи были заимствованы из трактата IX в. «Перифизеос», в котором Иоанн Скот Эригена дошел до тонких видений Божеского Существа, сильно приближаясь в этом к пантеизму. Скрытая ересь этого учения была осуждена Гонорием III в 1225 г. Номинализм же смотрел на отдельную особь, как на основную субстанцию; универсалии суть только абстракция, умственное представление о качествах, общих всем особям; действительность их — только звук слов, их обозначающих. Подобно тому, как реализм, измененный смелыми мыслителями, привел к пантеизму, так и номинализм вел своих последователей постепенно к познанию

происхождения особи и привел, в конце концов, к атомизму. Две соперничающие школы впервые явно выступили одна против другой в начале XII в. В конце концов восторжествовал реализм в видоизмененной форме, благодаря высшему авторитету Альберта Великого и Фомы Аквинского. Дуне Скот был реалист, но он расходился с Фомой Аквинским в вопросе об индивидуализации, и реалисты разделились на фомистов и скотистов. В то время, как реалисты ослабли из-за разногласий, Вильям Оккам возродил номинализм.

Школы вели шумные споры. В 1465 г. вспыхнула продолжавшаяся десять лет борьба в Лувенском университете по поводу положений реалиста Петра де ла Рива о Судьбе и Божьем Промысле. Номиналисты победили, осудив Петра де ла Рива, но реалисты все же добились от Людовика XI издания указа, запрещающего преподавать учения номиналистов во всех университетах королевства. В 1481 г. Людовика убедили отменить указ. Реалисты-доминиканцы враждебно относились к номинализму; фомисты смотрели на отрицающего универсалии как на виновного в грехе против Св. Духа, Бога и христианства.

Университетские летописи полны фактов, показывающих, как смелые логические прения доводили схоластика до самых опасных богословских тонкостей, которые легко могли вызвать подозрение в ереси. Философы средневековья нередко вторгались в область богословия и стремились доказать логическим путем самые глубокие и самые сокровенные его тайны, и хотя они и были тверды в своей вере, тем не менее вторжение разума в области догмы угрожало впадением в ересь. По поводу таких философских изысканий еще великий еврейский ученый Маймонид (1135–1204) сказал: «Стараться понять Божескую Мудрость равносильно для нас попытке самим сделаться Богом, чтобы наше умозрение было сходно с Его умозрением... Нам совершенно невозможно достигнуть этого рода умозрения. Если бы мы могли сами себе объяснять это, то мы обладали бы познавательной способностью, которую нам дает этот род умозрения». Однако честолюбивые схоластики и крайне правоверные доктора богословия отказывались признать, что конечное не может объять бесконечное; самонадеянные логики считали своей исключительной привилегией охрану Святой Святы и толкование человечеству воли Бога. В 1201 г.

доктор Симон де Турнэ остроумными положениями доказал таинство Св. Троицы; затем он похвастался, что может, если бы захотел показать себя нечестивым, разрушить это учение еще более серьезными аргументами.

Смелость этих легкомысленных богословов, проникая в священную область догмы, увеличилась, когда во второй половине XIII в. в Европе появились труды арабского философа Аверроеса, умершего в 1198 г. Согласно Аверроесу, материя существовала всегда, что делает невозможным учение о творении мира. Вселенная представляет иерархию вечных, первоначальных, управляемых собственными законами и неопределенно связанных с высшим единством принципов. Одним из этих принципов является активный Интеллект, постоянно проявляющий себя и составляющий вечную совесть человечества. В нем — единственная форма бессмертия. Так как душа человека есть обломок коллективного всего, временно отделившийся, чтобы одухотворить тело, то эта душа после смерти снова поглощается в активном Интеллекте Вселенной. Поэтому после смерти нет ни воздаяний, ни наказаний. Тленное тело обретает материальное бессмертие в своих потомках; но только коллективное человечество бессмертно. Аверроес писал: «Специальная религия философов состоит в том, чтобы изучать то, что существует, ибо самое тонкое почитание, которое можно оказать Богу, есть созерцание Его творений, которое ведет нас к познанию Творца во всей его реальности. Это в глазах Бога одно из самых славных действий, тогда как самое худшее действие — это осуждать в заблуждении или в предубеждении того, кто воздаст Богу это почитание, более славное, чем какое-либо другое, того, кто почитает Бога согласно этой религии, лучшей из всех религий». В то же время он смотрел на официальные религии как на прекрасное средство для морализации.

Предание, однако, приписывает ему слова о Моисее, Иисусе Христе и Магомете: «Это три обманщика, обольстившие человеческий род». Это заявление Церковь приписывала всем противникам, которых хотела дискредитировать; Фома Брабантский — Симону Турнэ; Григорий IX в 1239 г. — Фридриху II.

Около 1260 г. Альфонс X, король Кастилии, делит ереси на два главных разряда, из которых наиболее опасен аверроизм, отрицающий бессмертие души и награды и наказания в будущей жизни. В 1291 г.

Таррагонский собор приказал карать всякого, кто не верит в загробную жизнь. Михаил Скот из Толедо принес ко двору Фридриха II свои переводы Аристотеля и Аверроеса. Он нашел самый радушный прием у императора, которого ненасытная жажда знаний влекла к этим источникам новой философии. Эти переводы Фридрих распределил между университетами Италии. Герман Алеманн продолжал в Толедо дело Скота и принес другие переводы Манфреду, наследнику Фридриха, так что около середины XIII в. главные труды Аверроеса стали известны ученым Европы.

Уже в 1243 г. епископ Парижа и магистры университета осудили ряд схоластических заблуждений, которые испытали влияние аверроизма. К 1247 г. епископ Фраскати, папский легат, осудил Жана де Брескена за еретические умозрения относительно света и материи; Жана изгнали из Парижа и запретили преподавать, вступать в споры или жить там, где было учебное заведение. Отныне было запрещено логикам заниматься богословием, а богословам — логикой. Альберт Великий и Фома Аквинский употребили всю свою ученость и авторитет, чтобы помешать распространению опасных учений. Бонавентура также обличал отрицание бессмертия души и утверждение единства разума и вечности материи; францисканцы и доминиканцы объединились, чтобы бороться против общего врага. В 1270 г. парижский епископ осудил тринадцать заблуждений, связанных с аверроизмом и нашедших защитников среди схоластиков. Эти учения утверждали, что разум всех людей тождествен и один во множестве, что человеческой волей руководит необходимость, что мир вечен, что никогда не было первого человека, что душа погибает одновременно с телом и недоступна материальному огню, что Бог не знает вещей, свойственных отдельным личностям, что он знает только одну свою сущность и не может дать бессмертие и нетление тому, что смертно и тленно. В 1277 г. парижский епископ осудил девятьсот девятнадцать заблуждений, по большей части тождественных тем, которые были уже осуждены до этого или вытекали логически из этих положений и стремились создать систему материализма и фатализма. Смелые успехи свободной мысли сказались в ясно определившемся антагонизме между философией и теологией. В силу этого учения философ, действительно, должен отрицать сотворение мира, так как он основывается только на естественных фактах, но верующий может

признавать сотворение, так как он обращается к явлением сверхъестественным.

Около этого же времени кентерберийский архиепископ вместе с магистрами Оксфорда осудил заблуждения, происходившие из учения Аверроеса. Это осуждение было подтверждено в 1284 г.; при этом налагались: для магистра — увольнение от должности, а для студента — исключение без права получения ученой степени. Эти новые пункты были присоединены к пунктам парижского епископа Тампье. В учениях последователей Аверроеса видели источник действительных опасностей для Церкви, как это видно из того, что и в XV и XVI вв. печатали эти осудительные пункты в конце четвертой книги «Сентенций»; есть они также в изданиях Фомы Аквинского, Дунса Скота и Бонавентуры.

Однако эти пункты вызвали многочисленные жалобы, так как стесняли свободу диспутов.

Опасности, угрожавшие ученому богослову в этой войне мнений, ясно выразились в случае с Эгидием Колонна (Эгидием Римским), ярым противником аверроизма. Составленный им список заблуждений долго служил основанием для осуждений этого учения. В 1285 г. Эгидий был обвинен в Париже в том, что поддерживал некоторые заблуждения, осужденные в 1277 г. После долгих споров дело было перенесено на суд Святого Престола, и Гонорий IV снова отправил виновного на суд Парижского университета. Однако за Эгидия вступился Филипп Красивый.

В конце XIII и в начале XIV вв. образовалась признанная школа аверроистов в Падуанском университете и удержалась там до XVII в. Принял аверроизм также Болонский университет. Умерший в 1346 г. генерал кармелитов Жан де Баконтон прозывался Князем Аверроистов, и благодаря ему запрещенная философия стала традиционной в ордене. Некоторые дела, рассмотренные инквизицией Каркассона и Памье в первую четверть XIV в., показывают, что даже и в низших классах аверроизм был неизвестен.

Инквизиция, тем не менее, оставляла безнаказанными умозрения, которые подрывали христианскую веру и явно отрицали учения, на которых покоились богатство и могущество иерархии. Даже Парижский университет в конце XIV в. осуждал аверроизм и построенные на нем заключения, хотя часто принимал решения против

незначительных заблуждений схоластиков. Однако Герсон всегда считал Аверроеса самым дерзким олицетворением мятежного неверия.

Со времени Петра д'Абано аверроизм дал первого мученика только в 1512 г. в Северной Европе, где схоластическое богословие вело смертельную борьбу против гуманизма. Герман Рисвик был осужден в 1499 г. за проповедь учения, что материя не была сотворена и существовала вечно вместе с Богом, душа умирает вместе с телом, добрые и злые ангелы не были созданы Богом. Он отрекся и был подвергнут пожизненному тюремному заключению; но бежал и продолжал проповедовать свои заблуждения. В 1512 г. его снова арестовали, инквизитор выдал его как рецидивиста в руки светской власти, и Герман был сожжен.

Однако в Италии науки уже давно взяли верх над верой. Но все же Рим и тогда подавлял неугодные ему умозрения схоластиков и философов. Борьба была поднята в деле Лоренцо Баллы. Лоренцо написал критику на Дар Константина около 1440 г. в Неаполе. Он утверждал, что папство должно быть лишено светской власти. Только много лет спустя после смерти Баллы инквизитор Валенсии, упоминая о Даре Константина, говорит в 1553 г., что Лоренцо пытался подорвать его подлинность, но что все остальные единогласно выступают на его защиту, так что отрицание его близко подходит к ереси. Неприятности постигли его не из-за этого. Он вступил в публичный спор с невежественным священником, утверждавшим, что Символ Веры был составлен апостолами, и спор дошел до вопроса о подлинности сношений между Христом и Эдесским королем.

Вмешалась инквизиция; но неаполитанский король положил конец преследованию, и Валла был обязан дать только общие заявления, что верил в то, во что верила Святая Мать-Церковь; он, защищаясь, сказал: «И в этом также верю так, как верит наша Мать-Церковь, хотя наша Мать-Церковь не знает по этому вопросу ровно ничего». После 1433 г. папа-гуманист Николай V дал ему место одного из своих секретарей; а Каликст III разрешил торжественно похоронить Баллу в папской церкви Св. Иоанна Латеранского. Но при этом Поджио, враг Лоренцо, заявлял, что скорее нужно бороться огнем, чем доказательствами против заблуждений дерзкого критика, касающегося природы Бога и обета целомудрия. Комментарий Баллы на Новый Завет, в котором автор на основании греческого текста исправлял

Вульгату, хотя и был в 1559 г. включен Павлом IV в Индекс, не был запрещен при своем выходе в свет. Николай V и многие видные богословы высоко ценили этот труд. Однако попытка Баллы исправить искаженный текст Вульгаты встретила большие препятствия; но все же было признано право на исправление текста.

В XV в. схоластикам и гуманистам, какими бы еретиками они ни были, нечего было бояться в Италии. Правда, в 1459 г. ломбардский инквизитор приговорил к лишению сана и пожизненному тюремному заключению доктора, каноника из Бергамо, утверждавшего, что Бог создал другой мир, населенный людьми, так что Адам не был первым человеком, что Христа на крест привела не любовь к человечеству, а могущество планет. Но Пий II, утверждая приговор, смягчил его. Вмешался он также и тогда, когда инквизиция осудила крупного сановника из Удино, виновного в прямом отрицании бессмертия; приговор был отменен, а виновному дана была возможность избегнуть наказания за ересь публичным признанием своего заблуждения.

Но не всегда и в XV в. папы и Церковь в Италии проявляли благосклонность к гуманизму. В 1487 г., едва достигнув двадцати четырех лет, Пико делла Мирандола опубликовал девятьсот положений, предлагая защищать их в Риме перед всяким схоластиком. Этот список заключал в себе все, что могли знать в ту эпоху в богословии, в философии, в науке — до тайн Востока. В ответ его враги подняли вопрос о его верности католической религии. Среди его положений двенадцать или тринадцать были осуждены как еретические богословами, которым Иннокентий VIII поручил их исследовать. «Этот молодой человек, сказал папа, дурно кончит и будет в один прекрасный день сожжен». Пико бежал; полагали, что он скрылся в Испании, и Иннокентий в 1487 г. послал бреве Фердинанду и Изабелле, в котором изображал Пико мятежным еретиком, выступившим под предлогом оправдания в своих заблуждениях, наоборот, с их защитой, и поэтому его следует арестовать и принудить к отречению, где бы его ни открыли. В конце концов он был вынужден изъявить полную покорность и получил от Александра VI в 1493 г. буллу, подтверждавшую его правоверие и запрещавшую инквизиции преследовать его. Впрочем, он отказался продолжать безуспешную борьбу против Святого Престола. Последние годы своей жизни он

провел в усердном изучении Св. Писания и умер от горячки в тридцать два года.

Наряду с этой исключительной строгостью интересно отметить противоречивую позицию Церкви в отношении аверроизма в Италии. Лев X на Латеранском соборе 21 декабря 1513 г. осуждал распространение учения, гласившего, что душа смертна и что существует одна душа, общая всему человеческому роду. Он осудил также утверждения, что земля вечна и что душа не имеет формы тела; запрещая преподавать в школах эти теории, он специально указывает на остроумный прием, который употребляли профессора: они двусмысленно разбирали эти учения с целью довести слушателей до убеждения, что они истинны. В 1520 г. папа специально обращает внимание генерального инквизитора Ломбардии на людей, которые пытаются узнать больше, чем надо, и которые питают дурные мысли в отношении Святого Престола; инквизитор должен наказывать этих виновных, широко применяя пытку, одиночное заключение и другие наказания, и должен внести в папскую канцелярию все, что будет получено с них путем конфискаций, каковы бы ни были их положение или сан.

Однако споры относительно положения аверроистической философии были любимым удовольствием полуязычников-философов, заполнявших двор Льва; для охранения себя от ударов инквизиции они представляли одновременно тезу и антитезу, признавали вопросы неразрешимыми для человеческого ума и заключали лицемерным подчинением Церкви. К таким приемам прибегал Помпонатио (1443–1525 гг.); благодаря ему аверроизм сделался еще более популярным, хотя философ и поднимал на смех Аверроэса. Помпонатио придумал дилемму: «Если все три религии ложны, то все люди ошибаются; если одна из них истинна, то ошибается большинство людей». Он также утверждал: «Если существует воля высшая, чем моя, то зачем я буду ответствен за мои поступки и движения? Итак, если существует воля, верховный порядок, то необходимо, чтобы все совершающееся было согласно с предварительно установленной причиной, и поступаю ли я хорошо или худо, в этом нет ни заслуги, ни греха». В трактате «О колдовстве» он разрушал своим доказательством веру в чудеса. Он утверждал, что все подчинено порядку природы; изменения империй и религий зависят от движения планет; тауматурги — просто ловкие

натуралисты, которые предвидят действие скрытых влияний и пользуются перерывом в естественных законах, чтобы основывать новые религии; когда тайные влияния не дают более себя чувствовать, прекращаются чудеса, религии падают и неверие торжествует, если новые соединения планет не вызывают явления новых чудес и новых чудотворцев. Помпонацио избежал преследований, исключив из своих умствований христианскую веру.

Единственной работой, доставлявшей ему неприятности, был трактат «О бессмертии», составленный в 1516 г. В этом трактате Помпонацио отвергает аверроистическую теорию об общем (универсальном) разуме, но, приведя разные доказательства за и против бессмертия с ясной склонностью в сторону отрицания, он заключает заявлением, что эта задача «нейтральна», как и вопрос о вечности земли; нет естественных оснований, доказывающих, что душа бессмертна или смертна, но Бог и Священное Писание подтверждают ее бессмертие, поэтому нужно считать ложными основания, доказывающие ее смертность. Он старается ясно дать понять, что вопрос о бессмертии принадлежит скорее вере, чем разуму; он приписывает обманам совратившихся священников народное верование в блуждающие души и в привидения. В Венеции патриарх публично сжег это сочинение и безуспешно добивался осуждения автора. Однако папские сановники объявили трактат вполне согласным с верой.

Падуанский профессор Августин Нифо выступил в 1492 г. в своем трактате «О разуме и дьявольщине» с защитой теории Аверроеса о единстве разума, утверждая, что единая мысль наполняет всю вселенную и по своей воле видоизменяет все вещи. Он имел неприятность со стороны доминиканцев. Ученый епископ Падуи не спас его, но заставил изменить свое учение. Он сделался признанным толкователем Аверроеса во всей Италии, и его умеренный аверроизм преподавался в Падуе в течение всего столетия. Церковь не допускала никакого разномыслия, однако она проявляла исключительную терпимость в отношении воззрений тогдашнего гуманизма. Она допускала, чтобы распространение аверроизма, возродившегося языческого эллинизма почти нигде не встречало препятствий. Иногда какой-нибудь ревностный доминиканец сжигал одну или две смелых

книги; но автор легко находил себе покровителей в высших сферах Церкви.

Но за два века до этого, в конце XII — начале XIII вв., у Аверроеса было немало и противников, наиболее известным и авторитетным из них являлся Раймунд Люллий. Совершенно обоснованно в XIX в. о нем было сказано: «Раймунд Люллий является личностью весьма загадочной. Одни делают из него святого, другие еретика; в глазах одних это — ученый человек, в глазах других невежда; одни считают его вдохновленным, другие — галлюцином; одни приписывают ему умение превращать металлы, другие отрицают это; наконец, одни восхваляют его Великое искусство, другие хулят».

Этот исключительный человек родился 25 января 1235 г. в столице Майорки Пальме. Происходя из знатного рода, он был воспитан при королевском дворе, где получил должность сенешаля. Он был женат и имел детей, но вел веселую и развратную жизнь, пока не был внезапно обращен испытанием, показавшим ему суету человеческого существования. Он отказался от мира и, обеспечив свою семью, раздал остальное имущество нищим и вступил в орден францисканцев. С этого времени он посвятил свою жизнь освобождению Гроба Господня, обращению евреев и сарацин и разработке учения, которое рационалистически показало бы истинность христианской веры и разрушило бы, таким образом, аверроизм, который он считал самым опасным врагом христианства.

В 1275 г. он удалился на гору Ранда близ Пальмы, где окончил свое «Великое искусство», непобедимое оружие защиты веры. Выйдя из своего уединения, Люллий в течение сорока лет вел бродячий образ жизни, издавал с невероятной плодотворностью том за томом; спорил и проповедовал против аверроизма в Монпелье, Париже и в других местах. В 1311 г. на Вьеннском соборе ему удалось добиться указа об основании школ еврейского, арабского и халдейского языков при папском дворе и при университетах Парижа, Оксфорда, Болоньи и Саламанки. В августе 1314 г. он отправился в Буджию (Северная Африка), чтобы обращать мавров в христианство. Там его бросили в тюрьму; но и в тюрьме он продолжал проповедовать Евангелие своим товарищам по заключению; мавры 30 июня 1315 г. побили его камнями. Генуэзские купцы подобрали его тело и доставили в Пальму.

Поразительная литературная плодовитость Люллия оставила много сочинений, которым суждено было оказать крупное влияние на последующие поколения. Исследователям известны заглавия 321 книги, принадлежность которых Люллию можно считать вне сомнения. Из этих книг 61 посвящена искусству учить и общим вопросам, 4 — грамматике и риторике, 15 — логике, 21 — философии, 5 — метафизике, 13 — различным наукам: астрологии, геометрии, политике, стратегии, квадратуре круга, познанию Бога по его милосердию; 7 — медицине, 4 — праву, 62 — духовному созерцанию и другим религиозным вопросам, 6 — гомилетике, 13 — Антихристу, завоеванию Св. Земли и другим разным вопросам, 46 — прениям с сарацинами, евреями, греками и аверроистами и, наконец, 64 — богословию, его самым темным вопросам, и религиозной поэзии. Имя его, как имена всех знаменитых ученых той эпохи, охотно ставили в заглавии трудов по алхимии и магии, но все подобного рода сочинения, приписываемые ему, апокрифичны; в действительности же его мнение об алхимии выражено в одном месте его «Великого искусства»: «Всякий элемент имеет свои собственные особенности, так что один вид не может быть изменен в другой; это-то и сокрушает алхимистов». В своем уединении на горе Ранда Люллий составил «Искусство», представляющее из себя метод выводить и удерживать в памяти при помощи диаграмм и символов самые тонкие истины богословия и философии. «Краткое искусство» представляет из себя резюме системы; «Великое искусство» излагает ее с большими подробностями и строит на этом основании мировую теорию. Люллисты считали этот труд вдохновленным Богом. Он сам преподавал это «Искусство» в Монпелье и Париже, а в 1309 г. сорок членов Парижского университета единогласно рекомендовали этот труд как необходимый и полезный для защиты веры. «Искусство» преподавалось в университетах Арагона и Валенсии. В середине XV в. в Пальме образовали Школу Люллия, расширившуюся впоследствии в Университет Люллия, где традиции его учения сохранялись почти до XIX в., но уже в XV и XVI вв. многие считали «Искусство» бесполезным и даже вредным, тогда как другие ставили его очень высоко, как дар Неба для исцеления невежества. В 1586 г. использование этой книги было запрещено в университете Валенсии. В этом труде, как во многих своих работах, Люллий старается доказать

путем логических выводов истины христианской веры и утверждения богословия. Церковь видела опасность подобного рода разысканий. Люллий поэтому не упускал ни одного случая заявить, что вера — выше разума и что ошибочно думать, что вера, поддерживаемая разумом, теряет в своем достоинстве. Посвятив всю свою жизнь борьбе против аверроизма и обращению неверных, он знал, что проповедовать христианство можно только путем доказательств и, чтобы человека обратить, надо прежде его убедить. Так как слава Люллия росла и число его учеников становилось велико, то инквизитор Арагона Николай Эмерик решил осудить его память. В массе сочинений, касавшихся всевозможных деталей науки и веры, нетрудно было для опытного инквизитора найти заблуждения. В 1371 г. Эмерик получил от Григория XI указ рассмотреть сочинения Люллия. Король Арагона Петр IV запретил обнародование папского указа; но инквизитор послал в 1374 г. Григорию двадцать обвиненных в нечестии книг, а в 1376 г. Григорий объявил, что эти книги были тщательно изучены богословами, нашедшими в них двести (Эмерик говорит пятьсот) заблуждений явно еретических. Так как можно предполагать, что и в остальных сочинениях Люллия имеются такие же заблуждения, то архиепископу Таррагоны повелевалось собрать все эти книги и отправить их в Рим, где они будут рассмотрены. Король Петр просил папу, чтобы все преследование велось в Барселоне, так как сочинения Люллия, написанные главным образом на каталонском наречии, могут быть лучше поняты именно в этой стране.

Эмерик в своем «Руководстве инквизиторам» заявил, что Люллий получил свое учение от дьявола; но инквизитор остановился только на ста заблуждениях из пятисот, осужденных Григорием. Большинство их основывается на утверждении, «что все вопросы веры, таинств, папской власти могут быть доказаны путем необходимого, демонстративного и ясного рассуждения». Два или три положения, очевидно, были более еретические; одно утверждает, что вера может ошибаться, а разум не может; другое, что дурно убивать еретиков, и третье, что человеческий род будет спасен весь, не исключая евреев и сарацин. Люллисты, однако, заявляли, что Григорий ошибся, осудив их учителя, учение которого было открыто Духом Святым.

В этом содержались элементы новой ереси, на которую могли обрушиться инквизиционные методы. Но король и большая часть

населения относились к люллистам сочувственно; в 1378 г. вспыхнул Великий Раскол, и Петр не признавал ни Урбана VI, ни Климента VII; люллисты утверждали, что булла Григория XI против Люллия была сочинена Эмериком; в 1385 г. было поднято расследование, кончившееся изгнанием инквизитора. Преемником Эмерика в Арагоне был его враг, Бернар Эрменгауди, который заявил, что в «Философии любви» Люллия нет тех заблуждений, в которых обвинял это сочинение Эмерик. Однако вскоре Эмерик вернулся и снова преследовал люллистов. В 1391 г. Валенсия послала жалобу папе на преступления Эмерика и просила отозвать инквизитора. Эмерик был снова изгнан и в 1393 г. умер в ссылке, до последней минуты обвиняя в ереси Люллия и его последователей. В 1395 г. Святой Престол начал расследование дела люллистов. Были внимательно пересмотрены реестры Григория за 1376 г., и архивариусы удостоверили, что не нашли упоминаний о спорной булле. Но так как затронута была честь доминиканского ордена и инквизиции, в 1419 г. произвели новое расследование; решение гласило, что булла была явно ложная и что все меры против люллистов, основанные на ней, не имеют силы; однако о сочинениях Люллия никакого решения не вынесли.

В Арагоне на решение 1419 г. смотрели как на окончательное. Королевские грамоты в пользу люллизма были изданы Альфонсом I в 1445 и 1449 гг., Фердинандом Католиком в 1483 и 1503 гг., Карлом V в 1526 г. и Филиппом II в 1597 г., последний проявлял особую любовь к сочинениям Люллия. Тем не менее имя Люллия было еще включено в официальные списки еретиков в 1608 г. Павел IV включил его в 1559 г. в первый папский «Перечень очищения». Однако каталонский епископ протестовал против этого пред верховным советом инквизиции, и имя Люллия не было внесено в испанский «Перечень» 1559 г. На Трентском соборе от имени Испании была представлена петиция в пользу Люллия; расследование было произведено конгрегацией 1 сентября 1563 г., и было вынесено решение очистить «Перечень» Павла IV от всего, что касалось Люллия. Однако в 1583 г. Конгрегация Индекса постановила внести имя Люллия в число писателей, чтение которых запрещено; но Испания помешала этому.

22 августа 1619 г. папа известил испанского нунция, короля и инквизиторов о запрещении сочинений Люллия. Затем поступило ходатайство короля Майорки о разрешении исправить сочинения; 6

августа 1620 г. Павел ответил ходатаям приказанием замолкнуть, а 30 августа 1620 г. инквизиция признала необходимым запретить учение Люллия до его исправления; причем эксперты считали, что исправление невозможно. Таким образом, Люллий был заклеен Св. Престолом как еретик, но из уважения к испанскому двору решение это никогда не было опубликовано официально. Общество же продолжало почитать Люллия как святого. Его сочинения неоднократно издавались и в XVII, и в XVIII вв. Однако инквизиция осудила в 1690 г. книгу в похвалу Люллия и включила в Индекс изданное в 1655 г. изложение богословия Люллия. В 1847 г. Пий IX утвердил богослужение «в честь св. Раймунда Люллия» в Майорке; в служебнике богослужения говорится, что Люллий был проникнут божественной мудростью. Однако доминиканцы продолжали утверждать, что сочинения Люллия, хотя их и нет в Индексе, запрещены.

Пример Раймунда Люллия показывает, какие ловушки подстерегали богословов. Эта наука полагала, что она знает и уже определила все тайны вселенной, и, однако, постоянно увеличивалась теориями и выводами из установившихся уже представлений. Эти новации были осуждены все огулом; летописи Парижского университета полны постановлений, вынесенных против новых пунктов учения и против их авторов. Иногда, впрочем, возникала какая-нибудь новая догма, которая одерживала победу в небезопасных спорах и занимала место среди истин, в отношении которых всякое сомнение было ересью.

Ожесточенные споры долго вели богословы о том, находятся ли души блаженных на небе и тотчас же после смерти созерцают Бога или должны ждать Воскресения и дня Страшного Суда. Этот вопрос, впрочем, имел большое практическое значение, так как действенность предстательства святых зависела от их близости к Богу и от того, могли святой лично ходатайствовать перед Богом, чтобы были услышаны молитвы почитателей этого святого.

От этого зависело, есть ли смысл в почитании святых, их мощей, реликвий и т. п. Среди заблуждений, осужденных в 1243 г. Парижским университетом, одно утверждало, что ни ангелы, ни души святых не видят и не увидят Божеского Существа; другое говорило, что ангелы обитают на седьмом небе, а души людей и даже душа Св. Девы

никогда не поднимутся выше облаков. Развитие мистического богословия стремилось создать все более тесные сношения между душой и Творцом. Бонавентура считал, что души праведников увидят Бога, одни из них уже находятся на небе, а другие ожидают вознесения. Доминиканский магистр Дитрих Фрейбургский в XIV в. утверждал, что блаженные немедленно допускаются до лицезрения Бога; это было, по его словам, открыто ему одной его духовной дочерью.

Это верование сделалось общепринятым, не получив еще официального одобрения Св. Престола. В октябре 1326 г. Иоанн XXII признал ересью верование, что святые не вступят в рай раньше Страшного Суда; но вскоре он высказал сомнение в истинности новой догмы и осудил ее. В 1331 г. один английский доминиканец поддержал ранее высказанное мнение папы, но так как папа его изменил, этот монах был схвачен, и суд инквизиции приговорил его к тюремному заключению. Во время Рождественского поста 1331 г. Иоанн XXII в проповедях заявлял, что святые, допущенные на небо, не будут ясно созерцать Божеское Существо до воскресения тела и дня Страшного Суда; до этого времени они будут видеть лишь человеческое естество Христа.

Филипп Валуа собрал Парижский университет, который 3 января 1333 г. высказался в пользу блаженного лицезрения Бога и послал папе письмо, в котором открыто подтверждалось это учение. Король написал Иоанну, что отрицание блаженного лицезрения Бога не только разрушает веру в предстательство Св. Девы и святых, но уничтожает все прощения и индульгенции, исходящие от Церкви; Филипп заявлял, что настолько убежден в истинности этого догмата, что готов сжечь всякого несогласного с этим, хотя бы это был и сам папа. Все стали на сторону короля. Папа был вынужден уступить и написал Филиппу Валуа и Роберту Неаполитанскому, что никогда не отрицал лицезрения Бога святыми. Когда 5 декабря 1333 г. Иоанн умер, издали от имени покойного буллу, в которой он подтверждал свою веру в лицезрение Бога святыми; если в этом вопросе и в каких-либо других он держался мнений, противоположных мнению Церкви, то он брал назад все, что мог сказать или сделать, и отдавал себя на суд Церкви. Несмотря на все смирение этого заявления, глава доминиканцев Михаил Чезенский считал его недостаточным, так как в нем не было формального сознания

и отречения от заблуждения; поэтому Иоанн умер не раскаявшимся еретиком.

Новый папа Бенедикт XII 29 января 1336 г. окончательно заявил, что святые наслаждаются лицезрением Бога, и постановил, чтобы все, кто будет придерживаться противного мнения, подвергались наказанию, как еретики. Догмат был включен в руководство инквизиции наравне с пунктами, относительно которых допрашивали людей, подозреваемых в ереси. Когда в 1439 г. на соборе во Флоренции была заключена номинальная уния с греческой церковью, то один из пунктов, которые она должна была принять, гласил, что души, не совершившие греха после крещения или должным образом очистившие себя после совершения греха, сразу допускаются на небо и лицезрят Св. Троицу. Таким образом Церковь приняла новый догмат, несмотря на сопротивление этому со стороны самого папы.

Примером развития богословской доктрины является также догмат о Непорочном Зачатии Св. Девы Марии. До XII в. никто не сомневался, что Св. Дева была зачата и рождена в грехе, что один только Христос родился, жил и умер без греха. Однако с развитием культа Девы Марии сказалось народное стремление смотреть на нее, как на свободную от всякого человеческого греха, и около середины XII в. лионская Церковь решила поместить в календарь новый праздник в честь Зачатия Св. Девы: раз Рождество Богородицы считается святым, то и Зачатие, необходимое условие рождения, было также святым. Св. Бернар выступил против этого нового учения; он утверждал, что единственным Непорочным Зачатием было зачатие Христа, произведенное Св. Духом, и доказывал, что Мария, рожденная от брака мужчины и женщины, была неизбежно зачата в смертном грехе, но допускал, что она была освящена еще в утробе матери, св. Анны. Теория св. Бернара господствовала долгое время.

Св. Дева была олицетворением чистой материнской любви; страдания, перенесенные ею за своего божественного Сына, сделали ее еще более милосердной и воспламенили ее желанием спасти людей, за которых умер Иисус. Она была одновременно и Богом, и человеком: в своей, человеческой природе она разделяла чувства ей подобных. «Св. Дева, говорит Петр Блуаский, единственная посредница между человеком и Христом; мы были грешниками и боялись обратиться к

Богу-Отцу, ибо он страшен; но мы имеем Св. Деву, в которой нет ничего страшного, ибо она полна любви и чистоты».

Несмотря на наставления св. Бернара, празднование Непорочного Зачатия постепенно распространялось. Фома Аквинский говорит, что оно соблюдается во многих церквях Рима и что оно не было воспрещено; но он отрицает возможность Непорочного Зачатия Св. Девы. Этому учению держались доминиканцы, а некоторое время и францисканцы.

Однако новый догмат распространялся быстро; с 1327 по 1404 гг. его начали праздновать почти все поместные Церкви католической Европы.

Доминиканцы не изменяли свою точку зрения, а францисканцы с течением времени стали в рядах их противников. Разрыв между ними в первый раз произошел в 1387 г. Доминиканец, магистр Парижского университета учил, что Св. Дева была зачата в грехе; это возбудило страшное недовольство. Под угрозой суждения магистр бежал в Авиньон. Доминиканцы были изгнаны со всех кафедр в Сорбонне, а авиньонский папа Климент VII объявил еретиками магистра и его защитников. Карл VI заставил доминиканцев Парижа праздновать ежегодно день Зачатия и издал также указ об аресте повсюду в государстве тех, кто отрицал Непорочное Зачатие, и о приводе их в Париж, где они должны отречься от своего заблуждения перед университетом. И только в 1403 г. доминиканцы были снова допущены в Сорбонну. Доминиканцы всюду, где пользовались доверием, выступали против учения о Непорочном Зачатии.

В 1439 г. Базельский собор высказался в пользу Непорочного Зачатия, запретил всякое противоположное утверждение и приказал, чтобы повсюду этот праздник справлялся 8 декабря и чтобы верным давались в награду особые индульгенции.

Этот новый догмат разделил Церковь; приверженцы двух противоположных положений честили друг друга еретиками и преследовали друг друга. В 1457 г. Авиньонский собор под председательством папского легата францисканца подтвердил решение Базельского собора и запретил под страхом отлучения от Церкви проповедовать противное мнение. В том же году Парижскому университету было сообщено, что один доминиканец проповедует в Бретани старое учение. Тотчас же университет просил Бретонского

герцога наказать монаха как еретика. Закон, принятый кортесами Каталонии в 1456 г., запрещал всякое сомнение по вопросу о Непорочном Зачатии со стороны и мирян, и духовенства под угрозой пожизненного и окончательного изгнания.

До этого времени папы избегали вмешиваться в споры. Но в 1477 г. Сикст IV рассмотрел аргументы доминиканцев и францисканцев. Сикст предписал празднование дня Непорочного Зачатия во всех церквах с раздачей особых индульгенций. Однако в 1481 г. в Мантуе один монах был обвинен на суде епископа в ереси за то, что проповедовал Непорочное Зачатие, но защитил себя; в следующем году в Ферраре францисканцы и доминиканцы проповедовали по этому вопросу и усердно называли друг друга еретиками. Сикст IV, выслушав обе стороны, издал новую буллу, в которой отлучал от Церкви всякого, кто будет утверждать, что праздник посвящен Освящению Св. Девы, и грозил тем же наказанием всякому францисканцу и доминиканцу, кто будет называть своего противника еретиком.

Снова вспыхнули волнения, заставившие Александра VI подтвердить буллу Сикста IV. Но Парижский университет продолжал считать еретиком всякого, кто отрицал Непорочное Зачатие. Университет 3 марта 1496 г. принял статут, подтверждавший учение и постановлявший, что в университет будут принимать только тех, кто принесет присягу защищать это учение; если же принятое лицо окажется вероотступником, то будет изгнано, лишено всех почетных званий и признано язычником. Этому примеру последовали университеты Кельна, Тюбингена, Майнца и других городов; почти все ученые общества стали против доминиканцев и внедрили учение в умы большинства последующих богословов. Большинство кардиналов и прелатов, короли и князья, кармелиты приняли новое учение, одни доминиканцы вели с ним борьбу.

В 1496 г. в Диеппе доминиканец в проповеди употребил выражения, косвенно опровергавшие догмат; его схватили, заставили принести публичное признание в заблуждении и поклясться защищать догмат. Другой доминиканец сказал в своей проповеди, что неизвестно, кто лучше — Ева или Мария; неизвестно, действительно ли Христос шел впереди Св. Марии, когда она поднималась в рай, что взятие Марии после Успения на небо не было догматом и сомневаться

в этом не грешно; его заставили публично заявить, что первое его положение подозрительно, второе ложно, а третье еретично. Каноник в 1504 г. в Мантуе сказал в проповеди, что Христос был зачат не в утробе, но в сердце Марии и зарожден из трех самых чистых капель ее крови. Инквизиция арестовала его и осудила как еретика, и он едва избежал костра. Баптист Мантуанский написал книгу, чтобы установить истинное место Зачатия Иисуса. Юлий II потребовал дело в Рим и поручил его кардиналам Порто и С.-Виталя, которые созвали ученых богословов. В 1511 г. богословы осудили новую теорию как еретическую.

Сопротивление доминиканцев догмату непорочного зачатия становилось безнадежным. Только упорный отказ пап произнести последнее слово избавлял их от необходимости принять догмат, ложность которого доказал Фома Аквинский, но который становился все более могущественным и распространялся их объединившимися врагами. Доминиканцы почитали Св. Деву самым преувеличенным образом, а теперь оказывались в глазах всех хулителями ее, и всюду их клеймили.

Виганд Вирт, магистр доминиканцев-обсервантинов и профессор богословия, поссорился в 1501 г. с одним приходским священником Франкфурта. В одной проповеди священник благодарил Бога, что он не принадлежит к ордену, виновному в отрицании Непорочного Зачатия. Присутствовавший при этом Вирт закричал ему, что он лжец и еретик. Орден поддержал Вирта и подал жалобу Юлию II, который назначил комиссию; результат ее работы был неблагоприятен Вирту, он покинул Франкфурт и издал резкий памфлет против своих противников. Майнцский архиепископ велел сжечь книгу. Доминиканцы собрали в Вимпфене капитул, на котором было решено доказать чудом ложность ученья о Непорочном Зачатии. Сначала местом действия избрали Франкфурт, затем испугались архиепископа и остановились на Нюрнберге; но побоялись встретить препятствие со стороны многочисленных ученых этого города и выбрали Берн, город многолюдный и могущественный, но простой и необразованный. Сановники доминиканского монастыря этого города во главе с приором взялись выполнить проект и выбрали орудием портного из Цурцаху Иоанна Летсера, только что вступившего в орден. Позднее при разборе дела было доказано, что они начали призыванием демона,

договоры с которым скрепили своею кровью; чтобы сделать стигматы на коже Летсера, они сделали ее сначала нечувствительной при помощи мази из крови, взятой из пупка новорожденного еврея, и девятнадцати волосков, выдернутых из его бровей. Обман был тщательно подготовлен целым рядом явлений, начиная с простого привидения и кончая явлением Св. Девы. В 1507 г. распространился слух, что в Берне в монастыре доминиканских обсервантинов Св. Дева несколько раз являлась одному святому монаху и открыла ему, как тяжело для нее преступление, совершаемое францисканцами, утверждающими Непорочное Зачатие. Она открыла, что после зачатия три часа оставалась в состоянии первородного греха до своего освящения; учение св. Фомы истинно и внушено Богом. Св. Дева дала монаху крест, окрашенный кровью Ее Сына, три слезинки, пролитые Им в пустыне Иерусалима, три пеленки, которыми был повит Младенец во время бегства в Египет, и фиал, в котором была часть крови, пролитой Им во время страданий за спасение людей; она вручила монаху письмо, адресованное Юлию II, в котором она обещала папе такую же славу, какой пользуется Фома Аквинский, за услугу, которую она ожидает от него. Это письмо, скрепленное печатями доминиканских приоров Берна, Базеля и Нюрнберга, было послано папе. Рассказы о божественном явлении привлекли бесчисленные толпы в доминиканскую часовню взглянуть на монаха, избранного Св. Девой. Однажды он явился отмеченный язвами Христа.

Затем одна икона Св. Девы начала проливать слезы, и это объяснили тем, что она предсказала бедствие, которое постигнет Берн, если город не перестанет получать содержание от Франции, не изгонит францисканцев и не отречется от веры в Непорочное Зачатие.

Но однажды монах, на долю которого выпала честь этих видений, бежал к городским властям Берна, прося защитить его против старших членов монастыря, которые подвергали его пытке и хотели отравить. Следствие раскрыло весь обман. По словам Летсера, он верил в истинность этих видений, пока случайно не застал лектора монастыря в женском костюме, похожем на костюм, в котором являлась Св. Дева. Угрозами и обещаниями Летсера заставили согласиться помогать обману еще некоторое время; но боясь за свою жизнь, он бежал и явился рассказать всю историю магистратам.

Летсер был отослан к лозаннскому епископу, который уполномочил действовать городские власти Берна. Четверо доминиканцев были закованы в цепи и посажены в отдельные камеры. Прибыла папская комиссия во главе с одним из самых ученых юристов. Летсера и обвиняемых пытали и получили полные признания, настолько скандальные, что комиссары решили показать их лишь восьми лицам из магистрата, давшим обещание хранить их в тайне; для удовлетворения же любопытства народа ограничились чтением четырех обвинений, достаточных для осуждения виновных на костер: отрицание Бога; святотатство, состоявшее в том, что они красили в красный цвет освященные облатки; ложное изображение Св. Девы, проливающей слезы; подделка стигматов. Четверо виновных были выданы в руки светской власти и через восемь дней сожжены, а их пепел был брошен в реку. Доминиканский орден старался провозгласить мучениками этих четырех лжецов. В приговоре, вынесенном судьями, совершенно ничего не говорится о Непорочном Зачатии. Но Юлий II утвердил в 1511 г. монашеский орден Непорочного Зачатия, основанный еще в 1484 г. Бернская община особенно набожно поклонялась Св. Деве.

Виганд Вирт не принимал прямого участия в обмане. Однако 25 октября 1512 г. он вынужден был публично сам. отвергнуть свою книгу и сознаться, что в этом сочинении он оскорбил богословское учение и оскорбил честь и доброе имя многих францисканцев; он заявлял, что верит в правоту учения о Непорочном Зачатии. Под страхом пожизненного тюремного заключения он повторил свое отречение 24 февраля 1613 г. в церкви Св. Духа в Гейдельберге.

Но доминиканцы продолжали борьбу против своих противников. Около этого времени анонимный доминиканец издал небольшую книгу, в которой собрал мнения двухсот шестнадцати знаменитых докторов Церкви, свидетельствующих, что Св. Дева была зачата в первородном грехе, в их числе и самых почитаемых авторитетов францисканского ордена. В 1515 г. кардинал Каetano послал Льву X трактат, в котором со ссылками на знаменитых богословов оправдывалось мнение о зачатии Св. Девы в первородном грехе как разумное и правдоподобное. Спор продолжался. В 1570 г. Павел IV запретил публичные прения, отметив, что Триенский собор позволил каждому сохранить свое личное мнение, и поручил рассматривать

вопрос в университетах до решения Святого Престола. В 1616 г. Павел V отметил, что ссоры и скандалы продолжались, поэтому к существовавшим наказаниям он прибавлял пожизненное запрещение учить или проповедовать и приказывал инквизиторам и епископам повсюду строго наказывать ослушание его указов. В августе 1617 г. в генеральной конгрегации римской инквизиции Павел обнародовал другой декреталий, в котором он распространял наказания на всякого, кто будет публично утверждать, что Св. Дева была зачата в первородном грехе, но приказал тем, кто публично защищал Непорочное Зачатие, не нападать на своих противников; епископам и инквизиторам поручалось наказывать все нарушения этого распоряжения. В 1622 г. Григорий XV распространил наказания на всех, кто будет поддерживать учение о зачатии Св. Девы в грехе даже в частных собраниях, но запретил употребление слова «непорочное» в богослужении в праздник Зачатия. Доминиканцы спустя десять месяцев получили разрешение поддерживать и защищать свое мнение в своем кругу. Эти буллы дали много работы инквизиции, так как споры продолжались, несмотря на запрещение; виновные, независимо от их мнения, отсылались в Рим и судились верховным судом, где старались, чтобы доминиканцы не были свидетелями, если обвиняемый был францисканец, и наоборот. В 1636 г. один человек, заявивший в Мадриде перед главным входом в церковь Св. Филиппа, что Св. Дева была зачата в первородном грехе, был арестован инквизицией и посажен в секретное отделение. В 1661 г. Александр издал новую буллу, подтверждавшую буллы Павла V и Григория XV и предписывавшую добавочные наказания. Он внес в Индекс все книги, в которых были нападки на догмат, но запретил сочинения, в которых противники учения обвинялись в ереси. Около этого времени считалось ересью, если кто-нибудь заявлял, что готов до смерти защищать учение о Непорочном Зачатии. В 1541 г. один францисканец пользуется этим примером для доказательства, что доводить свое мнение до положения, не принятого еще как догмат, есть ересь. Несмотря на это, 6 мая 1618 г. авторитеты и сановники Саламанки дали обет защищать учение до последней капли крови. В 1619 г. португальская инквизиция с согласия Павла V объявила еретическим верование, что тот, кто погибнет, защищая Непорочное Зачатие, будет причислен к лику мучеников. Так как инквизиция по большей части

находилась в руках доминиканцев, то она воспользовалась этой новой ересью для преследования чересчур ревностных защитников учения; и ввиду этого в подобных случаях обвинение стали представлять верховной инквизиции Рима и ожидать решения этого судилища.

Иезуиты своим влиянием дали догмату о Непорочном Зачатии значительную поддержку, и со временем в некоторых местностях они произносили обет (считавшийся еретическим) защищать учение ценой своей жизни и крови. Бенедикт XIV в своем сочинении «О принесении счастья» говорит, что Церковь склоняется к учению о Непорочном Зачатии, но что это учение не признано еще догматом. В Индексе 1738 г. он запретил все книги, вышедшие с 1617 г., в которых говорилось, что зачатие Св. Девы произошло в первородном грехе, или в которых, наоборот, обвинялись в ереси, неверии и смертном грехе защитники этого мнения. 21 ноября 1793 г. Пий VI предоставил сто дней индульгенции всем, кто будет повторять благочестивую молитву: «Да будет навеки благословенно Святое и Непорочное Зачатие Пресвятой Девы Марии!» 8 декабря 1854 г. Пий IX объявил Непорочное Зачатие догматом веры. Таким образом, после борьбы, тянувшейся пять столетий, доминиканцы были окончательно побеждены и заявили, что принимают это решение.

Ненасытное желание объяснить самые малейшие тайны невидимого мира делает из каждого решения точку отправления для нового спора. В XIX в. вопрос шел о том, при каких условиях произошло Непорочное Зачатие.

Между прочим, катарская секта придерживалась убеждения, что Св. Дева была рождена от женщины без участия мужчины, и это считалось ересью. Литературная цензура была одной из обязанностей инквизиции, которую она широко проявила только в сравнительно недавнее время. Бернар Ги сжигал целыми возами экземпляры Талмуда; инквизиторы считали это самым действенным средством для защиты веры от опасных крайностей; однако эта мера долгое время оставалась неупорядоченной. Университеты были почти единственными центрами умственной жизни и обыкновенно зорко следили за заблуждениями своих членов. Когда осуждали какое-нибудь выдающееся сочинение, то часто обращались к авторитету Св. Престола. Так было, например, с сочинением Оригена «О началах», с Введением в Вечное Евангелие, с памфлетом Вильгельма де С.-Амур

против нищенствующих монахов и с «Хранителем спокойствия» Марсилио Падуанского. В начале XIV в. инквизиторы Болоньи осудили комментарии Чекко Асколи на «Сферу» Сакробоско. Братья Свободного Духа широко распространяли свою ересь при помощи благочестивых книг, доступных массе народа; чтобы помешать мирянам пользоваться переводами Св. Писания на народный язык, император приказал в 1369 г. инквизиторам отобрать и сжечь все эти книги и применить обычные инквизиционные меры, чтобы сломить всякое сопротивление. В 1376 г. булла Григория XI в связи с распространением среди народа в Германии еретических книг предписывала инквизиторам рассмотреть все подозрительные сочинения и осудить те, в которых они найдут заблуждения; после этого осуждения списывание этих книг, обладание ими, покупка или продажа их становились преступлением, подсудным инквизиции. Это законодательство представляет собой первую хорошо организованную литературную цензуру.

С постепенным возрождением наук книга принимает все большее значение как проводник мыслей; это значение быстро увеличивается с изобретением книгопечатания. Инквизиция считала тяжело подозреваемым в ереси всякого, кто, получив в руки еретическую книгу, не сжигал ее тотчас же или не представлял до истечения восьмидневного срока своему епископу или инквизитору. Были запрещены переводы на народный язык книг Св. Писания. Но настоящая цензура печати в 1501 г. зародилась в Германии. Все типографщики получили указ под страхом отлучения от Церкви и штрафов, которые будет взыскивать папская канцелярия, представлять все книги, находящиеся в наборе, провинциальному архиепископу или его ординатору и выпускать в свет только те, которые после их рассмотрения будут разрешены прелатом; все книги, находящиеся в продаже у книготорговцев, должны быть представлены на просмотр, и экземпляры всех тех, в которых будут найдены заблуждения, должны быть выданы цензорам на сожжение.

На Латеранском соборе 1515 г. Лев X попытался ввести еще более суровое общее законодательство. Упомянув о благодеяниях искусства книгопечатания, булла 1515 г. говорила о многочисленных жалобах, поданных Св. Престолу на типографщиков, которые во многих местностях издавали и продавали книги, переведенные с греческого,

арабского и халдейского на латинский и на народные языки; эти книги содержали заблуждения против веры и пагубные догматы; эти типографщики издавали также пасквили, позорящие высокопоставленных лиц. Поэтому в будущем никто не имеет права печатать книгу без предварительного просмотра ее, скрепленного собственноручной пометкой в Риме папского викария и министра папского двора, а в других городах инквизицией, епископом и экспертом, назначенным епископом. Всякое несоблюдение этих формальностей влекло за собой отлучение от Церкви, сожжение издания, штраф в сто дукатов в пользу типографии Св. Петра и закрытие книжной торговли на целый год. За открытое сопротивление грозили суровыми наказаниями. Но несмотря на преследования, печать наводнилась сатирами Эразма и Ульриха фон Гуттена, и, когда выступил Лютер, она распространяла в народе резкие осуждения реформатором установившегося порядка. Но со временем контрреформация усовершенствовала систему, предназначенную охранить верных в странах, подчиненных Риму, против коварного яда, распространяемого печатью.

Глава 9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преследование ереси применяли или им пренебрегали сообразно с мирскими выгодами папства. Бонифаций VIII в своей булле «Единство в святости» требует, чтобы всякий человек был подчинен главе римской Церкви для спасения догматов веры. Греки не признавали ни главенства папы, ни навязанного Карлом Великим папе Льву III изменившего Никейский символ веры догмата об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына. Это делало их еретиками. Но Церковь выказывала терпимость к Греческой Церкви, когда это было выгодно. С 968 г. греческий обряд сохранился в римском богослужении Апулии и Калабрии до 1460 г.

Все схизматики и еретики считались отлученными от Церкви; но этим интердиктом пренебрегали, когда терпимость была выгодна; так, например, в 1224 г. Иннокентий IV, посылая доминиканских миссионеров к якобитам, несторианам и другим еретикам Востока, предоставил им полное право отправлять совместно с ними богослужения.

В областях, подчиненных латинскому владычеству в XII–XIV вв., невозможно было искоренить местную Церковь и допускалось совместное существование двух обрядов, причем терпимость сменялась преследованием, убеждение — принуждением. В 1216 г. Иннокентий III назначил на каждую из епископских кафедр Кипра одного латинского и одного греческого епископа, чтобы каждый из них отправлял свои обряды. Иоанн XXII энергично пытался уничтожить некоторые ереси и еретические обряды, распространенные среди греков; но он разрешил правильное отправление их богослужения. Однако около этого времени Бернар Ги дает в своем собрании инквизиционных формул два образца для отречения греков и воссоединения с Церковью людей, отлученных от нее канонами, осуждающими этих схизматиков, так что инквизиторы Запада пытались преследовать греков, которых могли открыть во французских городах на побережье Средиземного моря. В Арагоне Эмерик причисляет греков к еретикам. Около 1350 г. собор Никозии, разрешая четырем греческим епископам жить на Кипре, приказывал считать

еретиком всякого, кто не будет считать Римскую Церковь Церковью-Матерью, а папу — наместником Христа; в 1351 г. потребовали, чтобы все греки раз в год исповедовались у латинского священника и причащались по католическому обряду. В 1407 г. Григорий XII объявил, что всякий грек, который вернется в схизму после получения причастия по обряду католической Церкви, должен считаться «рецидивистом», и приказал инквизитору Кипра наказывать виновных, прибегая в случае надобности к помощи светской власти.

В 1375 г. папа Григорий XI заявил, что почти все критяне — подданные Венеции — схизматики и что почти все церкви находятся в руках греческих священников, которым он предоставил выбор между немедленным обращением или изгнанием.

В 1449 г. Николай V обращал внимание инквизитора Греческой провинции на то, что многие католики совращались в схизму, и подчеркивал при этом, что, хотя греческий обряд и достоин похвалы, но его надо тщательно отделять от обряда латинского и карать с помощью светской власти всякое нарушение этого правила. Но Рим в своих сношениях с Греческой Церковью руководствовался почти всегда политическими соображениями и проявлял веротерпимость, когда этого требовали обстоятельства. Инквизиция бездействовала в отношении этих схизматиков, хотя их ересь считалась более преступной, чем ересь многих уничтоженных сектантов. В течение Средних веков губительным бичом общества были продавцы индульгенций и отпущения грехов, наводнявшие всю Европу; эти люди бесчестили Церковь и разоряли доверчивых людей. Иногда это были агенты Рима или какого-нибудь епархиального епископа; иногда брали на откуп округа за определенную сумму или за часть выручки; иногда покупали у курии или у местного прелата грамоты, разрешавшие эту торговлю.

Продавцы индульгенций были неподсудны обычным судам, пользовались привилегиями, данными курией или епархиальным епископом; торговля эта была очень выгодна для многих людей. Однако она возмущала даже многих священнослужителей. Поэтому папа Александр IV включил в число прерогатив инквизиции право сокращать дерзость продавцов индульгенций и запрещать им проповедовать. Мера эта принималась несколькими папами, была внесена в канонический закон и входила в обязанности, налагаемые

инквизиторским мандатом. Тем не менее в летописях инквизиции сохранилось только одно дело 1289 г., когда виновный — знатный клирик из Нарбонны подвергся суду инквизиции. Он тридцать лет продавал индульгенции в епархии Нарбонны, Каркассона и в других местах. Он обычно проповедовал перед народом во время обедни и сознался, что рассказывал басни о чистилище и об освобождении душ. Его спросили, верит ли он в эти басни, но сознаться в этом значило признать себя еретиком. Он ответил, что говорил ложь, но делал это с целью тронуть души слушателей и возбудить их щедрость и просил инквизитора наложить на него епитимью. Какая епитимья была наложена на него, неизвестно.

В 1301 г. Вьеннский собор отмечал, что повсюду предлагают полные индульгенции всякому, кто пожертвует на церкви, разрешают обеты, дают прощение за клятвопреступление, человекоубийство и другие преступления, освобождают от части наложенных епитимий или спасают из чистилища души родителей и отправляют их прямо в рай. Собор запрещал все подобные приемы, но не рассчитывал на инквизицию, чтобы заставить повиноваться торговцев индульгенциями, и поручил это епископам. Эти злоупотребления продолжали существовать, пока не стали непосредственной причиной Реформации; тогда только Триентский собор запретил продажу индульгенций. Бездействовала инквизиция в отношении симонии. У кого не было ничего для продажи, кроме таинств, торговали ими. Те же, кто благодаря своему высокому положению располагали бенефициями и повышениями, увольнениями и судами, открыто ими торговали; и духовные места, полученные таким путем, замещались людьми продажными и хищными, единственной заботой которых было наполнить свой карман путем лихоимства и предаваться грязным порокам. Каноническое право признавало симонию ересью; она влекла пожизненное тюремное заключение и была подсудна инквизиции. Но инквизиция ни разу не преследовала святокупцев.

Иоанн XXII привел в систему торговлю разрешениями грехов и направил все доходы от этого в папскую казну; прощение за симонию продавалось за шесть грошей для мирянина, за семь грошей для клирика и за восемь грошей для монаха. Поэтому и не уничтожала инквизиция ересь, столь выгодную во всех отношениях. На практике симония никогда не считалась ересью, В «Судебном зеркале» 1271 г.

даются формулы, по которым частные лица могли бы обвинить в симонии епископов, священников и монахов; но нет никаких сведений о применении духовного суда в случаях симонии.

Климент IV стремился сократить алчность курии. Когда Жан де Куртенэ, избранный архиепископом Реймса, обязал в 1266 г. свою епархию доставить ему двенадцать тысяч ливров на уплату Коллегии кардиналов, то Климент отлучил прелата от Церкви и приказал ему назвать имена всех участников этого грабежа. Он же, подготавливая крестовый поход Карла Анжуйского против Манфреда, наделил посланного для этого дела во Францию кардинала полномочиями давать разрешения тем, кто пользовался бенефициями, не имея на то права, тем, кто владел одновременно несколькими бенефициями, и тем, кто женился, занимая пост, не допуская брак.

Стефан Палеч в речи, произнесенной им на Констанцском соборе, говорит, что во всем христианском мире нет ни одной Церкви, не запятнанной симонией вследствие страшной борьбы между невежественными людьми, жадными до почестей и богатств, связанных с духовными бенефициями; результатом этой симонии является назначение на разные должности людей невежественных, ленивых и преступных, которые не могли бы нигде найти себе места пастухов и свинопасов.

Диалектики и самые уважаемые юристы заявляли, что папа не может совершить симонии. Но Бонифаций IX вдруг сместил почти всех прелатов, бывших при его дворе, чтобы продать освободившиеся места тем, кто даст дороже.

Члены самой папской канцелярии дочиста обирали вновь назначенных прелатов. Если последние не могли заплатить требуемых денег, им давалась отсрочка за безбожные проценты. Если же до истечения года обещанная сумма не была уплачена, то епископ становился простым священником, а аббат рядовым монахом. По словам бывшего в течение сорока лет папским секретарем чиновника курии, ленивые, невежественные, скупые, неспособные ни к чему хорошему кандидаты на должности осаждали курию, требуя себе бенефиций или других милостей. Другой папский чиновник сообщает, что Бонифаций IX назначал на немецкие кафедры лиц совершенно неспособных, так как всякая должность давалась тому, кто дороже

заплатит: архиепископии стоили от сорока до восьмидесяти тысяч флоринов.

Тщетно пытались положить конец симонии Констанцкий и Сиенский соборы, тщетно Базельский собор пытался выработать узаконение против нее. Вплоть до эпохи Реформации симония остается злом католического мира. Не менее сильной причиной деморализации была неприкосновенность и неподсудность духовенства светской власти. Уверенность в безопасности привлекала в духовенство людей, для которых тонзура была лишь защитой от суда. И не только уголовный суд Церкви совершал несправедливости; привилегия духовенства распространялась также и на дела гражданские и участвовала в злоупотреблениях клира.

Бонавентура говорит, что все священники, если придерживаться закона, не имеют даже и права отправлять свои обязанности, потому что посвящение их связано с симонией, а некоторые совершили преступления, влекущие отстранение от должности или лишение сана; не редкость встретить священников, убеждающих женщин, что нет греха находиться в связи с лицом духовного звания.

В 1305 г. Фридрих Сицилийский в письме Иакову II Арагонскому пишет, что белое духовенство, особенно епископы, аббаты и другие прелаты, чужды всякой духовной жизни и всенародным показом своей испорченности оказывают губительное влияние. Монашествующее духовенство, особенно нищенствующие монахи, так далеко удалились от Бога, что при сравнении с ними можно оправдать белое духовенство и мирян; их развратность так общеизвестна, что народ может подняться против них. Св. Престол неустанно трудится над избиением еретиков, но никогда не позаботился об их обращении.

Марсилио Падуанский пишет, что молодые мальчишки, неграмотные люди, лица невежественные получали бенефиции и епископы своим примером вели души скорее к гибели, чем спасали их поучением.

В своих откровениях, адресованных папе Григорию XI, резко обличала симонию и испорченность духовенства Бригитта, канонизованная в 1391 г.

Около 1386 г. один из немецких богословов приписывает Раскол симонии, алчности, гордости, роскоши и суетности Церкви. Как ни скверны, говорит он, нападения ереси, но после победы Церкви над

еретиками злым людям удалось исключить добродетели и заменить их пороками, — интересный отзыв духовного лица о результатах трудов инквизиции.

Эти свидетельства подтверждены также обращением Пизанского собора к Александру V в 1409 г. и реформаторами, которые собрались на Констанцкий собор в надежде очистить Церковь. Но этот собор не провел реформы из-за интриг прелатов и светских политиков. Избегли реформ и на Сиенском соборе в 1424 г. и в Базеле. В 1435 г. епископ Минорки писал кардиналу Чезарини, руководившему собором: «Преступления, грехи и соблазны увеличились среди духовенства; ложь и воровство, прелюбодеяния и симония, убийства и тысячи других преступлений наводнили землю... Алчность и жажда могущества, позорная и гнусная жизнь духовенства суть причины всех бедствий христианского мира. Неверный и еретик говорят, что если бы христианская вера и закон Евангелия были истинны и святы, то прелаты и священники не жили бы так, как они живут, духовные вожди не вызывали бы в христианском мире такого смущения и такого позора без того, чтобы их немедленно же не наказал наш Господь Иисус Христос».

Пико делла Мирандола в 1513 г. отправил папе Льву X послание с описанием тех зол, которые нужно устранить реформами: почитание Бога было в забросе; церкви находились в руках сводников и любимцев; женские монастыри были вертепами разврата; судом руководили ненависть или лицемерие; место утраченного благочестия заняло суеверие; священство продавалось и покупалось; доходы Церкви шли исключительно на грязный разврат, и пример священников отвращал народ от религии.

Одна из сожженных в Тироле в 1506 г. колдуний приписывает развитие ереси священникам-сластолюбцам и пьяницам, которые не в состоянии исповедовать кающихся и крестить как следует детей.

Инквизиция своими методами ввела единство веры; пока человек оставался верным католической Церкви, преступления и грехи были важны постольку, поскольку являлись источником доходов для торговцев отпущениями прегрешений. Единственное существенное значение имела только чистота веры; чистота же нравственная была второстепенною мелочью. Это представление вполне отделяло религию от нравственности.

Это было прямым результатом системы преследования, воплощенной инквизицией. Безжалостно, во имя Христа, уничтожали еретиков, которых признавали за образец добродетели, между тем как, опять-таки во имя Христа, верные католики могли за несколько грошей купить отпущение самых позорных преступлений. Мейер в своих «Фландрских анналах» 1379 г. говорит, что распространены были повсюду клятвопреступление, богохульство, прелюбодеяние, ненависть, ссоры, раздоры, убийства, грабежи, разбои, воровство, игры, распутство, разврат, корыстолюбие, притеснение бедных, хищения, пьянство и другие пороки; в области Гента в течение десяти месяцев было не менее тысячи четырехсот убитых в публичных домах, игорных притонах и в кабаках.

В начале XV в. монах-летописец из Сен-Дени говорит об общей испорченности всего народа: половые сношения были или кровосмешением, или безобразным удовольствием; торговля была один обман и мошенничество; обычный разговор был полон сплошного богохульства. Современник описывает Италию в начале XV в.: «В эту эпоху Италия погрязла в пороках и разврате. В Церкви не было никакого благочестия, в обществе мирян, не было ни веры, ни набожности, ни стыда, ни нравственных начал; всякий проклинал своего ближнего; партии гвельфов и гибеллинов в своей братоубийственной вражде заливали улицы городов кровью; улицы кишели разбойниками; моря- пиратами; родители с радостью убивали своих детей, если последние принадлежали к враждебной партии; мир полон был волшебства и чар; церкви были пусты, игорные дома были набиты битком...»

Эней Сильвий писал в 1453 г.: «Присматриваясь к поступкам князей и прелатов, я убеждаюсь, что все они развратны, что все они недостойны своего звания. Нет ни одного, который бы вел себя хорошо; нет ни одного, кто был бы благочестив или чистосердечен. Никто на земле не знает Бога! Вы христиане по имени и язычники по делам! Ненависть и ложь, убийство, воровство и прелюбодеяние распространились среди вас, и вы не устаете проливать кровь. У вас нет никакого стыда, ибо вы грешите так открыто и так бесстыдно, что кажется, что вы любуетесь своими грехами».

Таковы были результаты теократии, основанной Гильдебрандом, думавшим восстановить таким путем царство Христа на земле. При

господстве инквизиции вера сделалась предметом первой важности, нравственность же была сведена к второстепенной роли. Божеский закон, на котором, по уверению Церкви, она была основана, был заменен человеческим правосудием, предоставленным тем, кому выгодны были злоупотребления.

Церковь теоретически продолжала быть самодержавной; тем не менее уже не было неоспоримой веры в наместника Бога, а стремления христианского мира делались более живыми по мере того, как их сильней давили. Изобретение книгопечатания распространило широко знания; образовался круг читателей; теперь можно было найти новый доступ к людям и научить их при помощи других методов, чем проповедь и духовная беседа, бывшие прежде монополией Церкви. Просвещение не было уже уделом одного духовенства. Возрождение наук распространяло среди людей жажду знания и дух критики и исследования, которые незаметно подкапывались под традиционные права Церкви на почитание и повиновение.

Хотя католичество в Германии было настолько совершенно, что инквизиция всегда была там слаба и плохо организована, эта именно страна сделалась центром восстания. Лютер явился в то время, когда общество жаждало реформ. Схоластически прения, поднятые им по вопросу о праве ключей, показались сначала столь неважными, что на них не стоило обращать внимания; когда спор принял более широкие размеры, то не оказалось под руками средств для немедленного подавления его; раньше, чем Церковь мобилизовала свои силы, народ уже примкнул к делу Лютера.

Изучение безумий и преступлений наших предков открыло перед нами драму почти непрерывного ужаса. Мы видели, как плохо вдохновленная человеческая воля, бродившая ощупью в потемках и побуждаемая самыми похвальными стремлениями, стала причиной бедствия и отчаяния, думая, что она служит Богу; мы видели, как честолюбивые и бессовестные люди сыграли на добрых инстинктах своих ближних, чтобы удовлетворить свою жажду к деньгам и к господству. Однако если хорошо вникнуть, то этот очерк дает нам надежду и ободряет нас. В интересах современного общества, когда ищут немедленного излечения от множества зол, гнетущих человечество, когда нетерпеливые умы горят желанием ниспровергнуть социальное здание в надежде создать новую

организацию, в которой будет неизвестно неизбежное зло, полезно бросить при случае взгляд назад, на страсти и страдания прошлых поколений, и оценить по достоинству уже осуществившийся прогресс.

Эволюция человечества идет медленно и непоступательно; для наблюдающего ее в отдельную данную минуту она кажется неподвижной или дажедвигающейся назад, и только сравнивая между собой эпохи, разделенные долгими промежутками времени, мы можем судить о том, как много пройдено нами. Исторический очерк прошлого показывает нам, как лишь несколько столетий тому назад безвозмездное причинение бедствий казалось самою священной обязанностью человека. Мы видели, что применение духовных или светских законов было злом и несправедливостью; мы видели, как низко стоял нравственный уровень, как низко было умственное состояние народов христианского мира. Мы видели, что Века Веры, на которые мечтатели-романтики бросают взгляд сожаления, были Веками Насилия и Коварства, что зло казалось там полновластным владыкой и оправдывало общее недавно возобновленное мнение о том, что началось уже царство Антихриста. Как ни несовершенны современные человеческие учреждения, но сравнение с прошлым показывает, как велик был прогресс; тот факт, что этот прогресс является делом почти двух последних столетий, что движение вперед с каждым днем идет все быстрее, может ободрить и подкрепить социолога. Прогресс основан на принципах, которые сделают будущность человечества совершенно непохожей на его прошедшее, если мы предоставим им естественное и здоровое развитие. Самую страшную опасность для современного общества представляют те нетерпеливые теоретики, которые хотят одним ударом перестроить мир вместо того, чтобы помогать добру в его борьбе со злом, надеясь на вечные законы. Если бы они могли убедиться в различии между столь быстро полученным прогрессом и постоянной эволюцией этого прогресса, то они, возможно, умили бы свой пыл и направили бы свою энергию на дело мудрого строительства, а не на бесплодное разрушение.

Несколько слов будет достаточно, чтобы подвести итог деятельности средневековой инквизиции. Инквизиция ввела в суды систему, извратившую уголовное право во всех странах, подпавших ее влиянию. Она доставила Св. Престолу могущественное оружие для его

политики; она внушила светским монархам желание подражать ей; она опозорила религию, предоставив в услужение ей самые гнусные вожделения; она породила болезненное возбуждение против отступлений от учений Церкви настолько, что самое незначительное разногласие считалось способным вызвать безумие и возмутить всю Европу. Энергичная только в деле зла, инквизиция, когда ей представилась возможность воспользоваться своим могуществом на защиту добра, дала понять народу, что единственными грехами, заслуживающими наказания, были посещение шабаша и неверие в непогрешимость Церкви. Таким образом, суд беспристрастной истории должен гласить так: инквизиция, это чудовищное порождение ложного рвения, служа эгоистичной алчности и жажде власти, была направлена на подавление самых высоких стремлений человечества и на возбуждение самых низких его инстинктов.